

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 10 (43)

Academic Journal

Part 2

Series:

History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (43)

Научный журнал

Часть 2

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Певедская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Де Барделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последних войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: П.Н. Лебедев, канд. ист. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.И. Басовская</i> Человек в истории: всеобщая история для людей	159
Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков	
<i>Р.В. Заратин</i> Образ империи у Арриана	164
<i>Е.В. Бульчева</i> Празднество Анакий в Аттике и Северном Причерноморье в IV в. до н. э.	173
<i>П.Н. Лебедев</i> Кульст Антиноия в греко-римской и раннехристианской литературе	182
<i>И.Е. Ермолова</i> Сарацины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина	194
<i>М.Ю. Биркин</i> Античное наследие в первой книге «Дифференций» Исидора Севильского	207
<i>В.А. Бароне</i> «Английская Нормандия» первой половины XV в.	217
<i>А.А. Новикова</i> Еврейские общины Богемии и Моравии в эпоху Гуситских войн	230
<i>С.Б. Беленький</i> Рецензия на книгу: <i>Варьяш И.И.</i> Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016. 390 с.	241

Личность, общество и власть в XVI–XX вв.

М.В. Кущева

Письма Генриха де Гиза к Екатерине Медичи
как источник по истории Религиозных войн во Франции 251

Г.А. Шатохина-Мордвинцева

Внешнеполитическая линия
Королевства Объединенных Нидерландов 263

Н.В. Ростиславлева

Образ Германии в российском историческом нарративе
в годы Первой мировой войны (на примере журнала
«Голос минувшего») 274

Е.И. Новикова

Особенности формирования культурно-национального направления
в польской и чешской историографии 1920–1930-х гг. 286

А.Н. Комаров

Канадские социал-демократы:
нереализованное стремление к власти 296

CONTENTS

<i>N. Basovskaya</i> Human in History: World History for Humans	159
--	-----

The person and society in the civilizations of the Antiquity and the Middle Ages

---

<i>R. Zarapin</i> The Arrian's Image of an Empire	164
--	-----

<i>E. Bulycheva</i> Anakiii Festival in Attica and the Northern Black Sea Region in the 4 th Century B.C.	173
---	-----

<i>P. Lebedev</i> The cult of Antinous in the Graeco-Roman and early Christian literature	182
---	-----

<i>I. Ermolova</i> Saracens in Ammianus Marcellinus' "Res gestae"	194
--	-----

<i>M. Birkin</i> Ancient Heritage in the First Book of Isidore's of Seville Treatise "Differentiae"	207
---	-----

<i>V. Barone</i> The "English Normandy" of the first half of the 15 th c.	217
--	-----

<i>A. Novikova</i> Jewish Communities of Bohemia and Moravia during Hussite Wars	230
---	-----

<i>S. Belenkiy</i> Review: Variash II. The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14 th c. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2016. 390 p.	241
---	-----

The person, society and power in the XVI–XX centuries

M. Kushcheva

Letters of Henri de Guise to Catherine de Medici
as a source on the history of the French Wars of Religion 251

G. Shatokhina-Mordvintseva

Foreign Policy of the United Kingdom of the Netherlands 263

N. Rostislavleva

The Image of Germany in the Russian Historical Narrative
during the First World War (by the example of the journal
“Golos minuvshogo”) 274

E. Novikova

Features of the Formation of Cultural and National Trends
in the Polish and Czech Historiography of the 1920s–1930s 286

A. Komarov

Canadian Social Democrats: Unrealized Desire for Power 296

УДК 94(100)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-159-163

Человек в истории: всеобщая история для людей

Наталия И. Басовская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, basovskaya555@yandex.ru*

Аннотация. Вступительная статья посвящена анализу концепции всеобщей истории в понимании представителей школы «Анналов» и в контексте современного исторического знания. Автор показывает, что главным действующим лицом истории всегда является человек и история может быть всеобщей лишь в том случае, когда историки не теряют этого обстоятельства из виду.

В статье кратко рассматриваются основные подходы к содержанию понятия «всеобщая история», а также читатель знакомится с общим содержанием данного выпуска «Вестника РГГУ».

Ключевые слова: всеобщая история, школа «Анналов», историческое знание

Для цитирования: Басовская Н.И. Человек в истории: всеобщая история для людей // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 159–163. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-159-163

Human in History: World History for Humans

Nataliya I. Basovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
basovskaya555@yandex.ru*

Abstract. The aim of this introductory paper is to provide an overview of the concept of the World history in the works of prominent leaders of the Annales school and in the context of contemporary historical thought. The author shows that the main subject of history is always a human person and history may be universal only if historians don't forget that idea.

The author briefly examines different theoretical approaches to the concept of the “World history” and presents to the reader brief summary of the content of this issue of the Bulletin of the RSUH.

Keywords: World history, Annales school, historical knowledge

For citation: Basovskaya NI. Human in History: World History for Humans. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"* Series. 2018;10:159-63. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-159-163

Основание современного исторического знания покоится на фундаменте, заложенном представителями школы «Анналов». Идеи и принципы «анналистов» были вдохновлены огромным интересом к человеку и всему человеческому в прошлом и настоящем. Сказочный людоед, которому уподобил историка Марк Блок [1 с. 18], на самом деле является образом всепоглощающей страсти к познанию главного действующего лица истории – человека, индивида, личности. Пытаясь возвести грандиозное здание тотальной истории, к построению которого призывали Люсьен Февр и Фернан Бродель [2 с. 25, 3 с. 594–597], нельзя терять из виду эту живую субстанцию, которая составляет и стены, и пол, и своды этой постройки.

«Задача историка: постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов» (Л. Февр) [2 с. 19]. «Из маленьких происшествий, из путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище» (Ф. Бродель) [3 с. 40]. И вот уже оказывается возможным и оправданным для историка глубокое погружение в жизнь одной маленькой деревни на склонах французских Пиренеев на рубеже XIII–XIV вв. [4] или воссоздание картины мира мельника из североитальянского селения в XVI в. [5]. Это направление мысли ярких представителей школы «Анналов» показывает, что в их системной, всеобъемлющей истории в центре внимания всегда оставался живой человек, единственная подлинная константа истории, ее мельчайшая неделимая частица.

История должна быть всеобщей, потому что даже раздробив человеческую жизнь на массу отдельных аспектов экономической, политической, социальной и массы других историй, мы в каждом из этих обломков зеркала можем увидеть лишь отражения единого целого. На взгляд в зеркальную гладь человеческого прошлого нам отвечает наше собственное отражение. Какие бы усилия мы ни прилагали, «раз и навсегда отвлечься от окружающих нас реальностей, чтобы надлежащим образом проделать путешествие вспять» [3 с. 38], как предлагал Ф. Бродель, невозможно, да и бессмысленно. Интерес к прошлому, желание вступить в диалог с людьми минувших эпох, стремление отыскать истоки извилистых течений современности – все это попытка следовать призыву,

встречавшему когда-то путников у стен Дельфийского оракула: «Познай самого себя».

Когда мы смотрим в прошлое, калейдоскоп отдельных лиц, хитросплетение человеческих судеб и неисчислимое множество событий вынуждают укладывать любой рассказ о человеке во времени в прокрустово ложе исторических моделей. Национальные историографии превращают исторический нарратив в сложную мозаику, узор которой дробится на отдельные народы, государства и нации. Когда в 1971 г. Жак Ле Гофф заявил в статье с говорящим названием «Является ли все же политическая история становым хребтом истории?» о возможности создания новой политической истории, не связанной традиционными узлами событийности, элитарности, современной политической конъюнктуры, он предложил «изучать историю, используя все имеющиеся источники, извлекая из каждого ту информацию, которую он может дать, и устанавливая иерархию этой информации в зависимости от системы ценностей эпохи» [6 с. 410]. Всеобщая история возможна лишь как всеобщая история человека во всем многообразии его проявлений. Невозможно понастоящему изучить историю своего народа, не взглядевшись пристально в пестрое соцветие историй других людей, говоривших на других языках и живших в других местах и в другие времена.

Знание путей, которыми ходили наши далекие и близкие предшественники, отнюдь не обещает ясного видения единственно верного пути развития, который следует выбрать той или иной цивилизации. Подобные обещания ложны и крайне опасны. За каждым из них в лучшем случае скрывается тупик, если не крутой обрыв. Знакомство с накопленным в истории богатством человеческого опыта позволяет отточить взор и открыть для себя совершенно новый ракурс, в котором настоящее представляет собой перекресток многих дорог. Римляне говорили, что все дороги ведут в Рим. Заимствуя и перефразируя их идею, мы скажем, что все дороги ведут из прошлого на этот перекресток, где каждый день и каждый миг мы должны выбирать, куда сделать свой следующий шаг. Будет ли это неловкое движение вслепую или будет это уверенный шаг человека, знающего, что и почему он делает, зависит от понимания своего места во всеобщей истории.

В представленном вниманию читателя выпуске «Вестника РГГУ» собраны статьи, посвященные разным временам и темам. В одних исследованиях в центре внимания находятся политические концепции, в других – религиозные празднества и культовые практики, в третьих – повседневная жизнь людей. Одни авторы готовы поделиться с читателем опытом работы с архивными документами, другие – предлагают в новом свете увидеть, казалось бы,

давно знакомые исторические нарративы, третьи – показывают, что само историческое знание может и должно быть предметом научной рефлексии. Многообразие подходов, широта тематического охвата, разносторонность видения прошлого – все это прекрасно отражает смысл понятия «всеобщая история». Мы надеемся, что каждый из читателей выпуска найдет в нем для себя то зеркало, в которое ему захочется заглянуть.

Литература

---

1. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. 2-е изд. М.: Наука, 1986. 256 с.
2. *Февр Л.* Бои за историю / Пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М.: Наука, 1991. 632 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
4. *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева, Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 544 с.
5. *Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
6. *Ле Гофф Ж.* Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? / Пер. с фр. И.В. Дубровского // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. С. 404–425.

References

---

1. Bloch M. Apology of History or the Art of a Historian. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1986. 256 p. (In Russ.)
2. Febvre L. Combats for history. Moscow: Nauka Publ., 1991. 632 p. (In Russ.)
3. Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. 3 vols. Vol. 1: The Structure of Everyday Life. Moscow: Progress Publ., 1986. 622 p. (In Russ.)
4. Le Roy Ladurie EB. Montaillou, Occitan village (1294–1324). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)
5. Ginzburg C. The Cheese and the Worms: The World of a Sixteenth Century Miller. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2000. 272 p. (In Russ.)
6. Le Goff J. Is Politics Still the Backbone of History? V: Le Goff J. *The Medieval Imagination*. Moscow: Progress Publ., 2001. P. 404–425. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья И. Басовская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; basovskaya555@yandex.ru

Information about the author

Natalia I. Basovskaya, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; basovskaya555@yandex.ru

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

УДК 94(37)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-164-172

Образ империи у Арриана

Роман В. Зарапин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rzarapin@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа творческого наследия писателя II в. н. э. Арриана («Анабасис», «Тактическое искусство», «Индика», «Перипл Эвксинского Понта») автор приходит к выводу, что в Римской империи к этому времени произошла смена моделей обоснования имперского права на власть. Если, по описанию Арриана, во времена Александра Македонского действовали традиционные механизмы передачи имперской власти (завоевание, культурное превосходство, соправление, наследование и др.), то теперь на смену им приходит идея империи как государства, стремящегося к общему благу. Свидетельством этого, кроме всего прочего, является наличие большого количества заимствований у других народов в римской военной и государственной практике, которые Арриан описывает в «Тактическом искусстве». Автор доказывает, что Римская империя в описании Арриана предстает государством, действующим в интересах не только римлян, но всех его жителей, а прежнее представление об установлении власти путем завоевания сменяется мессианистскими идеями и теорией «процветания всех народов» внутри страны.

Ключевые слова: империя, Римская империя, Арриан, Александр Македонский, эллинизм

Для цитирования: Зарапин Р.В. Образ империи у Арриана // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 164–172. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-164-172

The Arrian's Image of an Empire

Roman V. Zarapin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
rzarapin@mail.ru*

Abstract. Following an analysis of II century AD Greek historian Arrian creative heritage (Anabasis of Alexander, “Techne Taktuke”, “Indica”, “Periplus of the Euxine Sea”), the author argues that by the above time Roman Empire had changed the imperial power substantiation model. According to Arrian, the traditional mechanisms for the transfer of imperial power (i. e. conquest, cultural superiority, joint rule, inheritance etc.), and in his times were replaced by those, based on the idea of an empire as a state aiming for the common good. An evidence to that is great number of the adoptions from other peoples into Roman military and state practice, described by Arrian in his “Techne Taktike”. The author of the article proves that Roman Empire in Arrian narration looks like a state functioning not only in the interests of Romans, but of all its people. Former representation of conqueror’ power is replaced by Messianic ideas and concept of all the nations common prosperity in the country.

Keywords: empire, Roman Empire, Arrian, Alexander the Great, hellenism

For citation: Zarapin RV. The Arrian's Image of an Empire. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;10:164-72. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-164-172

Введение

В исторической науке не прекращается спор о формах политической организации древних государств. Особенно остро стоит вопрос о сущности и эволюции государств имперского типа; принято говорить даже о новом течении – «новой истории империй» [1 с. 64]. Однако сравнительный анализ затруднен отсутствием между историками согласия по вопросу о том, какие государства могут быть причислены к данному типу. Разные авторы – как историки, так и политологи – предлагают свои списки признаков, позволяющих относить те или иные государства к империям [2, 3], причем наряду с территорией и полиэтничным составом населения очень часто говорится об особой имперской идеологии [4 с. 120].

Известно, что «идеология» – весьма позднее понятие, введенное лишь в начале XIX в. Антуаном Дестютом де Траси. Имперская история к этому времени явно клонилась к закату; Шмуэль Эйзенштадт прямо относит этот тип государственности к «премодерному»

периоду. Но какой бы элемент духовной культуры ни играл роль имперской «идеологии» в условиях традиционного общества, государство должно было представлять империей в собственных глазах, в глазах своего населения. Функцию такой репрезентации выполняли авторы хроник и посвячительных надписей, доводившие позицию правителя до разных народов его державы. Классическим примером считается Бехистунская надпись, где, как выяснил М.А. Дандамаев, даны «авторские», не вполне тождественные переводы с персидского на языки других народов империи [5].

В Римском государстве выполнение подобной политической функции лежало в том числе и на историках, делавших предметом своего рассмотрения всю известную им ойкумену, доказывавших право Рима на высшую власть и благодать этой власти для всех жителей страны. Задолго до формирования собственно империи Полибий записал слова Сципиона, говорившего воинам перед решающей битвой с Ганнибалом, что бой идет не за Африку, а за власть над всем миром (Polyb. XV.10.2). Значительно позже Тацит приводит речь Цериала перед галлами, в которой доказывает, что империя действует в их интересах (Tac. Hist. IV.73–74).

Во II в. н. э., в эпоху правления династии Антонинов, Римская империя переживала свой расцвет. Последние крупные территориальные приобретения были сделаны императором Траяном, а уже при Адриане основной внешнеполитической задачей Рима становится сдерживание варваров. По границам государства строится система укрепленных сооружений – лимес, немногочисленные набеги варваров легко отражаются, да и внутри страны почти нет серьезных конфликтов (за исключением, пожалуй, восстания Бар-Кохбы). Теперь необходимо было обосновывать не право Рима на завоевания, но его право на управление этими территориями, их сохранение в составе державы. В значительной степени эта задача лежала на местной администрации, одним из представителей которой в эту эпоху был известный историк Арриан.

Прообраз имперской идеи у Александра Македонского

Римский гражданин, говоривший в быту и писавший по-гречески, Арриан был одним из тех представителей местной аристократии, на которых фактически и держалась мощь Рима. Несмотря на то что он был родом из Вифинии и большую часть жизни провел там же, в Малой Азии, на римской службе ему пришлось немало поездить, выполняя свои функции в самых разных провинциях – от Бетики

и Нумидии до Каппадокии и Армении¹. Литература об Арриане обширна, и одна из главных проблем, которые обсуждаются учеными, связана с хронологией создания его работ. Ключевым трудом, разумеется, является «Анабасис Александра» – один из главных источников, содержащих информацию о знаменитом походе. Сам факт частого обращения римских историков I–II вв. н. э. к истории Александра Македонского заслуживает отдельного изучения, но важно, что и Квинт Курций Руф, и Плутарх, и Диодор Сицилийский, и, безусловно, Арриан связывают в своем рассказе три империи: Персидскую, греко-македонскую (державу Александра) и Римскую.

Как уже неоднократно отмечалось, основой власти завоевателей в традиционном обществе, в частности в Восточном Средиземноморье середины I тыс. до н. э., был принцип «*dorikteton hora*» – «земли, завоеванной копьем» (Diod. XVIII.59.5) [7, 8 с. 23–24]. Должное ей отдает и Арриан: помимо истории детально описанных побед Александра над Дарием он дает информацию о подобных же победах в прошлом. Так, рассказывая об амазонках, он упоминает историю о Геракле и поясе Ипполиты, а также победе над ними афинян под предводительством Тесея (Arr. Anab. VII.13.5). Сочетая уважение к предшественникам с критическим подходом, Арриан не верит в то, что во времена Александра Македонского Мидию населяли амазонки, но в существовании их в историческом прошлом не сомневается – «столько и таких поэтов их воспевало» (Arr. Anab. VII.13.5; пер. М.Е. Сергеевко).

Однако вместе с Александром на Востоке появляются и другие модели утверждения власти. Одна из них описана Аррианом в книге «Индика»: это история Диониса как культурного героя, принесшего в Индию земледелие и религию (Arr. Ind. 7.5–8.1); в сокращенном варианте эта история ранее была приведена в «Анабасисе» (Arr. Anab. V.1.1–2). Хотя историк и сомневается в тождественности этого Диониса и знаменитого греческого бога, по сути, речь идет о культурном праве на власть (хотя с исторической точки зрения земледелие возникло в долине Инда никак не позже, чем в материковой Греции). Традиционный мотив передачи власти путем соправления, известный в Северной Африке еще в VIII–V вв. до н. э. [9], в изложении Арриана представлен как предложение Дария Александру разделить территорию империи по Евфрату (Arr. Anab. II.25.1). Когда же предложение Александром было отвергнуто, сам Дарий просил бога (в изложении Арриана – Зевса) о том, чтобы его власть над Азией если и была кому-либо передана, то только Александру (Arr. Anab. IV.20.3).

---

¹ Подробнее см.: [6].

Продемонстрировав тем самым преемственность между династиями Ахеменидов и Аргеадов, Арриан перебрасывает и своеобразный мостик к Римскому государству, как бы связывая его легитимность с империей Александра. Он перечисляет посольства, прибывшие к его вавилонскому двору, называя среди прочих римлян (Arg. Anab. VII.15.4–6). В самом конце он отмечает легендарный характер этой истории, однако подчеркивает, что Александр предсказал Риму его будущую мощь, а самого Александра называет владыкой мира. Ни Птолемей, ни Аристокл, как совершенно верно отмечает Арриан, не знают этого сюжета: никому и в голову не могло прийти в конце IV в. до н. э., что небольшое государство в центре Апеннинского полуострова так сильно раздвинет свои границы. Но такой миф вполне мог сложиться в самом Риме, где большое внимание к личности Александра проявляли императоры – от правителей I в. до Каракаллы.

Таким образом, в «Анабасисе» и «Индики» Арриан приводит примеры, позволяющие говорить о традиционном способе передачи имперской власти (*translatio imperii*) через уже существующие структуры – право завоевания, право культурного превосходства, соправление, а также прямой передачей. Идеи имперской миссии здесь нет. Но ко II в., времени жизни самого Арриана, представление о праве на власть в Риме значительно меняется. И этот новый взгляд нашел отражение в произведении, непосредственно не связанном с сюжетами становления государственной власти, – сравнительно небольшим текстом под названием «Тактическое искусство».

*«Переняв отовсюду хорошее,
сделали у себя это своим»*

Идея имперской миссии Рима, безусловно, возникла задолго до эпохи жизни Арриана. Чаще всего в качестве доказательства приводят слова Вергилия «*Tu regere imperio populos, Romane*» (Verg. Aen. VI.851), но и у других авторов мы видим схожие мысли. В большой степени это является отражением эллинистической практики: как Александр Македонский нес свободу от персов сначала греческим полисам восточного побережья Эгейского моря, а затем другим народам Египта, Малой, Передней и Средней Азии, так и римляне наводили на завоеванных территориях и ближней периферии порядок – *Pax Romana*. Арриан как раз был одним из исполнителей воли Рима, частью системы, обеспечивающей этот имперский порядок.

Может быть, поэтому в 33-й книге своего трактата «Тактическое искусство», между перечислением воинских команд и рассказом о конных упражнениях, он помещает небольшой текст, суммирующий заимствования, сделанные римлянами в военной практике ряда покоренных ими народов. Комментируя этот пассаж, А.Б. Егоров приводит отрывок из речи Цезаря, сохранившийся у Саллюстия (*Sall. Cat.* 51.37–38), где также говорится о подобных заимствованиях. Сам этот факт не вызывает сомнений: как минимум со времен Пунических войн римские *hastati* были вооружены иберийскими мечами (*Polyb.* VI.23.6–7), да и структура армии подвергалась изменениям с учетом практики римских противников [10].

Казалось бы, Арриан просто повторяет высказанную задолго до него идею. Однако список «источников» этих заимствований у него принципиально иной. Авторы I века нашей эры упоминали заимствования лишь у италийских племен. Цезарь у Саллюстия (*Sall. Cat.* 51.37–39) говорит, что римляне заимствовали большинство видов воинского оружия у самнитов, а знаки отличия для магистратов – у этрусков; он также безосновательно пишет, что римляне якобы заимствовали у греков практику бичевания и смертную казнь (последнее суждение не выдерживает никакой критики). Клавдий у Тацита (*Tac. Ann.* VI.24) снова перечисляет племена Италии, а о прочих упоминает только в связи с переселенцами (в переводе А.С. Бобовича – «наиболее достойными провинциалами»), а не какими-либо заимствованиями. Секст Аврелий Виктор – автор гораздо более поздний – вообще не уточняет характер и масштаб заимствований, а просто упоминает о заимствованных искусствах (*Vict. De caes.* 11.13).

Совсем по-другому к делу подходит Арриан. Среди приведенных им источников заимствований в военной практике – греки и македоняне (*Arr. Tact.* III), скифы и фракийцы (*Arr. Tact.* XVI.6), иберы (*Arr. Tact.* XL), парфяне и кельты (*Arr. Tact.* XLIV). При этом Арриан не ограничивается перечислением заимствований, он дает по возможности более полный рассказ о характере этих нововведений, заодно представляя своеобразную палитру народов, вошедших в состав Римского государства. Вне всякого сомнения, такими знаниями он обязан своей обширной административной практике [11]. Арриан также упоминает о заимствовании римлянами у этрусков курульного кресла и *toga praetexta* (*Arr. Tact.* XXXIII.3), но этим не ограничивается, говоря также о заимствованиях в обрядовой практике и законодательстве (*Arr. Tact.* XXXIII.4–6). Показательна его фраза: «...римляне достойны похвалы и за то, что [они] не довольствовались собственным и отеческим [опытом], но, переняв отовсюду хорошее, сделали у себя это своим» (*Arr. Tact.* XXXIII.2; пер. А.К. Нефёдкина).

В «Перипле Эвксинского Понта» мы видим еще одну сторону имперской власти Рима. Перечисляя города, Арриан не забывает отметить их прежнюю принадлежность (например, о Севастополе, прежней Диоскуриаде, в районе современного Сухуми говорится, что он был колонией Милета (Arr. Periopl. 14). Приводя данные о правителях окрестных племен, автор подчеркивает, что своей властью они обязаны Риму: царь абасков (абхазов?) Ресмаг получил свою власть от Адриана, а царь апсиллов Юлиан – от его предшественника (Arr. Periopl. 15). Империя здесь предстает источником власти не только для региональных правителей внутри страны, но и племенных вождей периферии.

Заключение

Во II в. н. э., во время так называемого «золотого века» в римской общественной мысли меняется представление о характере имперской власти и ее атрибутах. Если на ранних этапах господство над покоренными народами объясняется персональным характером власти завоевателя (Александра Македонского, Гая Юлия Цезаря), то теперь на смену ему постепенно приходит осознание общности народов империи. У нас нет данных, которые позволили бы утверждать всеобъемлющий характер этой трансформации, понимание иной сущности государства всеми его жителями, но, по крайней мере, в глазах части элиты этот сдвиг происходит.

Объяснить его можно значительным ростом влияния представителей провинциальной знати, одним из которых и был Арриан. Они гораздо лучше представляли себе ситуацию на периферии страны и осознавали размер вклада покоренных народов в ситуацию внутри империи. Но уже в конце II в. вместе с началом кризисных явлений наблюдается и явный спад представлений о легитимности имперской власти, который в конечном итоге приведет страну к фактическому распаду в годы правления «солдатских императоров».

Новым в сознании элит становится понимание важности заимствований, их огромный вклад в общегосударственное дело. После Союзнической войны Рим признал «своими» большинство племен италиков, а теперь, после фактического завершения завоеваний, распространил это представление на все народы внутри империи. Таким образом, «чужая» земля становится «общей» землей, а Римское государство – общим, направленным к выгоде для всех его жителей. Прежнее представление о власти над «землей, завоеванной копьем»

постепенно уступает место мессианистским идеям, теории «цветения всех народов» внутри страны. Собственный вклад в этот процесс, как мы видим, внес историк Арриан.

Литература

---

1. Всеобщая история // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С. 57–65.
2. *Duverger M. Le concept d'empire // Le concept d'empire. Paris: Presses Universitaires de France, 1980. P. 5–23.*
3. *Eisenstadt S.N. The Political Systems of Empires. New York: Transaction Publishers, 1969. 524 p.*
4. *Крайнов Г.Н., Мухин О.Н. Империя // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2016. С. 124–126.*
5. *Дандамаев М.А. Uvāmaršiyuš amariyatā Бехистунской надписи // Древний мир: Сборник статей академику В.В. Струве. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 371–376.*
6. *Нефёдкин А.К. Арриан: жизнь и творчество // Арриан. Тактическое искусство. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор–История, 2010. С. 7–13.*
7. *Макаров И.А. Формы идеологического обоснования раннегреческой тирании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т всеобщей истории. 25 с.*
8. *Кошеленко Г.А., Сердитых Э.В. Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. С. 3–30.*
9. *Виноградов А.К. О предполагаемом соправлении Аманнетиерике и Талахамани // Мероэ. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 64–72.*
10. *Ле Бож Я. Римская армия эпохи Ранней империи. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.*
11. *Перевалов С.М. «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // Древнейшие государства Восточной Европы: 1996–1997: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 283–315.*

References

---

1. World History // Chubaryan AO., Repina LP., eds. *Theory and Methodology of Historical Studies. Terminological dictionary*. Moscow: Akvilon Publ., 2016. P. 57–65. (In Russ.)
2. *Duverger M. Le concept d'empire. V: Le concept d'empire. Paris: Presses Universitaires de France, 1980. P. 5–23.*

3. Eisenstadt SN. *The Political Systems of Empires*. New York: Transaction Publishers, 1969. 524 p.
4. Krainov GN., Mukhin ON. *Empire. V: Theory and Methodology of Historical Studies. Terminological dictionary*. Moscow: Akvilon Publ., 2016. P. 124–126. (In Russ.)
5. Dandamaev MA. Uvāmaršiyuṣ amariyatā of the Behistun Inscription. V: *Ancient World: [A collection of articles devoted] to academician V.V. Struve*. Moscow: Nauka Publ., 1962. p. 371-76. (In Russ.)
6. Nefiodkin AK. *Arrian, his Life and Works. V: Arrian. Tactics*. Sankt-Peterburg: St. Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor–Istoriya Publ., 2010. P. 7–13. (In Russ.)
7. Makarov IA. *Forms of Early Greek tyranny ideological substantiation*. Thesis [dis. ... kand. ist. nauk]. Moscow: Institut vseobshchei istorii Publ., 25 p. (In Russ.)
8. Koshelenko GA., Serditykh ZV. *Royal cult in Graeco-Bactria. V: Problems of Ideology and Culture in the Early Class Societies*. Moscow: MGPI im. V.I. Lenina Publ., 1986. p. 3-30. (In Russ.)
9. Vinogradov AK. *Amanneteierike and Talahamani supposed joint rule. V: Meroe*. Iss. 4. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 64-72. (In Russ.)
10. Le Bohec Y. *Roman Army at the Time of Early Roman Empire (L'armee romaine sous le Haut-Empire)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 400 p. (In Russ.)
11. Perevalov SM. *Arrian's "Tactics": Caucasus and East Europe nations' military experience from the point of view of Greek philosopher and Roman officer. V: The Earliest States of Eastern Europe. 1996–1997*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999. p. 283-315. (In Russ.)

Информация об авторе

Роман В. Зарапин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; rzarapin@mail.ru

Information about the author

Roman V. Zarapin, Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; rzarapin@mail.ru

УДК 398.332

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-173-181

Празднество Анакий в Аттике и Северном Причерноморье в IV в. до н. э.

Елена В. Булычева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bulychevalena@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации и финансирования праздника Анакий в Аттике и Северном Причерноморье (IV в. до н. э.). Основным источником являются данные эпиграфики. В статье рассматривается история создания этого празднества, его отличительные черты. Анакии – празднество в честь героев Диоскуров – являлись не только государственным, но и домашним праздником, что делало его особенно важным для граждан греческого полиса.

Организацией праздника занимались жрецы, должностные лица полиса, а также представители религиозных организаций, среди которых известны оргеоны и фиасы. Организация праздничных церемоний, жертвоприношений и соревнований требовала немалых расходов. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о финансировании празднества. Средства на организацию поступали как из полисной казны, так и от частных лиц и коллективов. Особый интерес представляют данные договоров об аренде священных земель в Аттике, в которых говорится о том, какое количество средств поступает на организацию празднества Анакий, проводимых в Аттике в IV в. до н. э.

Анакии представляли собой один из наиболее почитаемых праздников в Северном Причерноморье и Аттике. Изучение характера его организации и финансирования дает возможность представить особенности проведения его и других торжеств в греческих полисах.

Ключевые слова: Анакии, Аттика, праздник, организация, финансирование, храм, жертвоприношение

Для цитирования: Булычева Е.В. Празднество Анакий в Аттике и Северном Причерноморье в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 173–181. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-173-181

Anakiie Festival in Attica and the Northern Black Sea Region in the 4th Century B.C.

Elena V. Bulycheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bulychevalena@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the issue of organizing and funding the festival Anakii in Attica and the Northern Black sea coast (4th century BC). The main source is epigraphic data. The article discusses the history of that festival, its distinctive features. Anakie – a festival in honor the heroes of the Dioskuros heroes was not only the public but also a home holiday, making it especially important for the citizens of the Greek Polis.

The organisation of the festival was in the hands of the priests, officials of the Polis, as well as representatives of religious organizations, including well-known orgeones and thiasi. The organization of the festive ceremonies, sacrifices, competitions required considerable expenses. In this regard, the issue of financing of the festival is of particular interest. Funds for the organization and financing came from the Treasury of the polis, as well as from individuals and groups. Of particular interest are the data on rent agreements of leases of sacred land in Attica, which describe how the amount of funds supplied to the organization and financing of Anakii festival held in Attica in the fourth century BC.

Anakii represented one of the most revered holidays in the Northern Black sea and Attica. The study of the nature of its organization and funding makes it possible to imagine the features of its and other celebrations in the Greek Polises.

Keywords: Anakii, Attika, holiday, organization, financing, temple, sacrifice

For citation: Bulycheva EV. Anakii Festival in Attica and the Northern Black Sea Region in the 4th Century B.C. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:173-81. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-173-181

Введение

Праздник – одна из важнейших форм культуры и общественной жизни каждого народа. В древности празднества играли гораздо более важную роль, чем в наше время. При этом важно отметить, что в современном мире праздники, даже религиозные, стали неким декоративным элементом быта населения. В античное время празднества всегда были связаны с религией. Поэтому у греков одно из слов, обозначающих праздник, звучало как θυσία, т. е. жертвоприношение. Интересно отметить, что Диодор Сицилийский

именно этим словом назвал праздник на Боспоре, на который очень спешил царь Евмел из Синдики в конце IV в. до н. э. (Bibl. XII.25). Современные ученые отмечают, что изучение характера проведения торжественных мероприятий в древнем мире дает возможность весьма подробно представить повседневную жизнь народа. Исследование праздничных церемоний позволяет охарактеризовать общество не меньше, чем изучение его политической, военной или экономической истории [1 с. 295]. В современной историографии существует немало работ, посвященных греческим празднествам и церемониям. При этом авторы, как правило, обращают внимание на религиозный характер мероприятий, подробно рассматривают проведение мусических и спортивных агонов. При этом в современной историографии практически неизученным является вопрос о характере организации, проведении и значении различных локальных празднеств и церемоний в Древней Греции. Как правило, исследователи уделяют внимание организации церемоний в Малой Азии и Северном Причерноморье, в то время как местные празднества на территории Аттики остаются малоизученными. Кроме того, подробно не исследуется вопрос о финансовых затратах, необходимых для проведения праздничного мероприятия. В то же время это весьма важный вопрос, поскольку, как известно, ни одно торжество не будет проведено на должном уровне без необходимых затрат.

Празднества Анакий были распространены по всей греческой ойкумене, но, судя по всему, более всего они были известны на территории Афин и Северного Причерноморья. При этом в исследовательской литературе этому античному торжеству посвящено немного работ. В отечественной историографии есть упоминания в трудах В.В. Латышева [2 с. 139] и М.В. Скржинской [3 с. 240]. В зарубежной историографии можно выделить работу Х. Парке, посвященную проведению Анакий [4 с. 102]. При этом авторы обращают внимание на характер проведения празднества, практически не затрагивая важный вопрос об источниках финансирования церемоний. В нашей статье мы постараемся рассмотреть вопрос об организации этого торжества, о его финансировании и, конечно, о значении Анакий в жизни аттического полиса и Северного Причерноморья.

История происхождения праздника

Из эпиграфического материала и сообщений античных авторов известно, что празднование Анакий было связано с почитанием мифологических братьев-близнецов (анактов) Диоскуров. Согласно древнему преданию, братья Кастор и Поллукс были

детьми красавицы Леды. При этом считалось, что, хотя их общим отцом назывался царь Тиндарей, его родным сыном был Кастор, а Поллукс признавался сыном верховного бога Зевса. Поэтому только Поллукс мог быть бессмертным. Братья были дружны между собою и прославились: Кастор – как укротитель коней, а Поллукс – как кулачный боец. О Диоскурах слагали разные мифы. В частности, о том, что они похитили невест у своих родичей – Афаредитов. Кроме того, они поссорились с ними из-за дележа стада быков. Спор перешел в настоящую драку, и Кастора убили. Зевс поразил убийцу молнией. Бессмертный Поллукс был взят Зевсом на Олимп, но тот пожелал уделить часть своего бессмертия брату. С тех пор братья-близнецы (анакты) стали сиять на небосводе в виде созвездия Близнецов. Благодаря этому мифу граждане греческих полисов почитали Диоскуров как своих божественных покровителей, посвящая им праздничные торжества. Праздник в честь Диоскуров (в отличие от многих других церемоний в Греции) имел не только религиозное, но и светское значение. Воздавая почести братьям-близнецам, греческие граждане выражали свое особое почитание семьи. Судя по данным эпиграфики и нарративным источникам, в IV–III вв. до н. э. это празднество было особенно распространено на территории Афин и Северного Причерноморья. Однако начало празднику было положено в архаический период. Можно предположить, что первыми его начали отмечать граждане древней Спарты. Павсаний в «Описании Эллады» отмечает, что впервые торжества в честь Диоскуров (Тиндоридов, анактов) стали устраивать на территории спартанского полиса (III.8.1). Античный автор также считает, что впоследствии это торжество стало популярным в Аттике, а почитание братьев-близнецов в Спарте нашло отражение в памятниках спартанского искусства. В частности, он повествует, что сохранялся храм Диоскуров вблизи спартанского Дромона, а также великолепный алтарь (III.8.4; III.14.7). Как уже отмечалось, в поздний классический и эллинистический периоды церемонии в честь Диоскуров стали популярными на территории Аттики и Северного Причерноморья.

Организация и финансирование Анакий

К сожалению, в нашем распоряжении нет подробного источника, посвященного Анакиям. Сведения об этом мероприятии можно почерпнуть благодаря отдельным, фрагментарным надписям. Тем не менее, используя этот материал, постараемся представить картину организации и финансирования Анакий. По свидетельству

древних авторов (*Xen. Hell.* 14.5.7), в Афинах еще во времена Писистрата был выстроен храм Диоскуров – Анакейон, где, по-видимому, проводились торжественные церемонии в честь братьев-близнецов, а также проходила важнейшая часть праздника – конные состязания [5 с. 100]. Таким образом, можно предположить, что праздник Анакий в Аттике, как и в Спарте, берет начало еще в архаическое время. На территории Северного Причерноморья почитание Диоскуров также восходит к архаической эпохе [4 р. 63]. Праздник в честь Диоскуров особенно интересен тем, что он сочетал в себе черты общего гражданско-религиозного и семейного торжества. В связи с этим, судя по отдельным сведениям источников, он отмечался как на территории всего полиса, так и в узком семейном кругу. Поскольку Диоскуры считались усопшими, гостями подземного царства, их почитание проходило в последние дни месяца [4 р. 65]. Празднование начиналось с культовых жертвоприношений, которые проводились в храме Диоскуров (*Paus.* III.14.6).

Основную часть праздника составляли состязания в конных ристаниях. Из Ольвии сохранилось сообщение о том, что к конным состязаниям допускались исключительно коренные граждане полиса, которые должны были перед началом соревнований принести клятву богам (*Syll.* 3.186). Судя по фрагментарным данным надписей из Аттики и Северного Причерноморья, эти соревнования проходили на дроме, как правило, рядом с храмом или алтарем, построенном в честь братьев Диоскуров (*IRE.* I2. 32, 34). Точно неизвестно, на какие виды делились конные агоны на этом празднестве. Возможно, как и на других праздниках, могли быть отдельные соревнования в беге колесниц и состязания всадников. После завершения соревнований полис награждал победителей и призеров состязаний. Греческие полисы всегда гордились своими победителями. Поэт Пиндар отмечал, что победа в соревновании считалась не просто личным достижением гражданина, но проявлением особого расположения божества к атлету (*Pind.* OI. VIII. 65–71). Судя по данным археологических раскопок, победители в соревнованиях на Анакиях также награждались призами. В Херсонесе обнаружена бронзовая гидрия IV в. до н. э. с выбитой на венчике надписью «приз из Анакий» [5 с. 101]. Эта весьма редкая находка, по-видимому, свидетельствует о победе гражданина Херсонеса на празднике Анакий, скорее всего, в конных состязаниях. В качестве призов часто использовались богато украшенные вазы. В ольвийском некрополе найдена ваза, которая датируется рубежом IV–III вв. до н. э. Судя по росписи этой вазы, можно предположить, что она являлась наградой победителю в конных ристаниях, поскольку изображает данные соревнования.

При этом среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, на каких соревнованиях она вручалась – Анакиях или Аполлониях [6 с. 29].

Как и к другим греческим праздникам, к проведению Анакий власти полиса тщательно готовились. В первую очередь, конечно, организаторами и основными распорядителями праздничных торжеств выступали жрецы. Они принимали участие в праздничных ритуалах, проводили культовую часть праздника, а также следили за проводившимися спортивными состязаниями. У греков не существовало специальной касты жрецов [7 р. 79]. Их функции могли выполнять полноправные граждане, не запятанные какими-либо неблагоприятными проступками. По-видимому, важным было то, чтобы жрец служил при храме тех божеств, в честь которых проходило празднество. В данном случае это были жрецы святилища Диоскуров (*Paus.* III.14.7). Со своими обязанностями жрец знакомился перед вступлением в должность, получая необходимые знания от предшественников. Сохранилась интересная надпись из Фанагории, которая датируется уже римским временем. В ней содержится частично сохранившийся устав о порядке жертвоприношений на одном из местных праздников (КБН. 1005). К сожалению, большая часть текста утеряна, можно прочитать лишь отдельные строки. В них говорится о том, что существует определенный порядок принесения жертв и специальные клятвы, которые обязаны приносить жрецы во время различных обрядов (КБН. 1005, lines 6–7). Возможно, что подобные указания существовали и для жреческого персонала на Анакиях. Но, к сожалению, такие сведения не сохранились. Кроме жрецов, организацией праздничной церемонии занимались должностные лица полиса. Судя по надписям из Аттики, это были демархи. В договорах об аренде священных земель из Аттики, датированных IV в. до н. э., говорится о том, что демархи обязаны следить за перечислением средств, полученных от сдачи в аренду земель храмов, на праздничные церемонии [8 с. 12]. В частности, в договоре о сдаче в аренду земельного участка дема плотейцев демарху предписано следить за своевременным поступлением средств от сдачи в аренду священной земли на жертвоприношения во время праздника Анакий (*IG.* II. 1172, lines 2–5).

Как уже отмечалось, праздник был не только общеполисным, но и семейным. В связи с этим в своих домах граждане готовили для Диоскуров угощение, посвящали им пищу и ложе [4 с. 64]. Возможно, граждане придавали особое значение почитанию Диоскуров как братьев-близнецов, надеясь на их помощь в сохранении родственных связей в семье.

Организация и проведение праздничных церемоний (жертвоприношения, вручение призов за победу в соревнованиях) требовали вложения определенных средств. В связи с этим возникает важный вопрос о финансировании этих мероприятий. Каждый греческий полис тратил немалые средства на финансирование праздника. Для этого строились и обновлялись театры и стадионы, храмы и алтари [3 с. 13]. На деньги полиса нанимались тренеры атлетов, изготавливались одежды для жрецов и других участников церемоний, покупались жертвенные животные, вино и оливковое масло, то есть все, что было необходимо для проведения церемонии. Следует отметить, что многие граждане и иностранцы делали разнообразные вклады для проведения праздников. В надписи из Фанагории говорится о том, что несколько лиц совершили пожертвования в честь празднества Анакий, они принесли масло для светильников и смеси вина с медом (КБН. 1005). Интересно отметить, что смешение вина с медом составляло часть церемонии многих жертвоприношений, это было обязательной частью ряда ритуалов [9 с. 51]. В некрополе Ольвии обнаружены чернофигурные амфоры, изготовленные на рубеже IV–III вв. до н. э., которые были посвящены гражданам за победу в конных ристаниях и беге колесниц [6 с. 29]. Можно предположить, что они могли посвящаться атлетам, победившим в Анакиях.

Коллективы граждан полиса также принимали участие в финансировании праздничных церемоний. В надписи сообщества Саламиниев речь идет о пожертвовании священных животных на празднество в честь Диоскуров (Greek historical inscriptions. 37, lines 93–94). Согласно надписи о сдаче в аренду земельных участков дема плотейцев из Аттики, часть доходов, полученных от арендной платы, должна поступать на празднества в честь различных богов и героев (IG. II. 1172, lines 2–5). В частности, на торжества Анакий выделяется 1200 драхм из доходов, полученных от аренды священных земель.

Заключение

Таким образом, на основании всего сказанного можно прийти к некоторым выводам. Анакии были одним из самых известных праздников в Аттике и Северном Причерноморье. На их организацию и проведение выделялись немалые средства как из полисной казны, так и из семейного бюджета частных лиц. При этом следует отметить, что, к сожалению, в нашем распоряжении не так много источников, посвященных этому празднеству, что затрудняет изучение вопросов, связанных с его организацией и финансированием.

Литература

---

1. *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире / Под ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 294–318.
2. *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2: Богослужebные и сценические древности. СПб.: Наука, 1992. 396 с.
3. *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
4. *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London: Thames and Hudson, 1986. 202 p.
5. *Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стилос, 2005. 190 с.
6. *Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 8. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. С. 26–32.
7. *Pickard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxford: Clarendon press, 1969. 358 p.
8. *Булычева Е.В.* Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н. э.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10 (31), ч. 1. С. 9–16.
9. *Зайцева К.И.* Культовые чаши V–I вв. до н. э. // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 28. С. 38–53.

References

---

1. Marinovich LP. Citizen at the feast of the Great Dionysius and political ideology. V: *Man and society in the ancient world*. Moscow: Nauka Publ., 1998. p. 294-318. (In Russ.)
2. Latyshev VV. Essay on Greek Antiquities. Part 2: Liturgical and Scenic Antiquities. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1992. 396 p. (In Russ.)
3. Skrzhinskaya MV. The Ancient Greek Holidays in Hellas and Northern Black Sea Coast. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2010. 464 p. (In Russ.)
4. Parke HW. Festivals of the Athenians. London: Thames and Hudson, 1986. 202 p.
5. Zubar' VM. Gods and Heroes of Ancient Chersonesos. Kiev: Stilos Publ., 2005. 190 p. (In Russ.)
6. Farmakovskii BV. Excavations of the Necropolis of Ancient Olbia in 1901. V: *News of the Imperial archaeological Commission*. Iss. 8. Sankt-Peterburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1903. p. 26-32. (In Russ.)
7. Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. Oxford: Clarendon press Publ., 1969. 358 p.
8. Bulycheva EV. The Role of the Demarchos in Renting Sacred Land in Ancient Attica (4th century BC). *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2017;10:9-16. (In Russ.)

9. Zaitseva KI. Cult Bowls, 6t – 1st centuries BC. *Works of the State Hermitage Museum*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1997. Vol. 28. p. 38-53. (In Russ.)

Список сокращений

- КБН – Корпус боспорских надписей / Ред. В.В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
IG. – Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussica. Vol 2–3. Berlin, 1924.
Syll3^d. – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. 1–4. Leipzig: Lipsiae S. Hirzel, 1915–1924 (3^d ed).

List of abbreviations

- КБН – Struve VV., ed. Corpus of Bosphorus inscriptions. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 951 s.
IG. – Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussica. Vol. 2–3. Berlin, 1924.
Syll3^d. – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. 1–4. Leipzig: Lipsiae S. Hirzel, 1915–1924 (3^d ed).

Информация об авторе

Елена В. Бульчева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; bulychevalena@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Bulycheva, PhD. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; bulychevalena@yandex.ru

УДК 27-9

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-182-193

Культ Антиноя в греко-римской и раннехристианской литературе

Павел Н. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lebedevp235@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается отношение к культу Антиноя в сочинениях греко-римских историков и христианских авторов II–IV вв. Культ был учрежден императором Адрианом в 130-е гг. после того, как его возлюбленный Антиной утонул в Египте, и за последующие несколько столетий достаточно широко распространился по Римской империи. Обожествление юноши по воле императора вызвало неоднозначную реакцию: с одной стороны, обилие археологических свидетельств поклонения Антиною даже после смерти Адриана свидетельствует о популярности культа среди множества городских общин, с другой – письменные источники показывают в целом негативное отношение к этому мероприятию императора. Последнее характерно как для греко-римской традиции, так и для раннехристианской литературы. История с обожествлением Антиноя упоминается в большом количестве христианских произведений II–IV вв., что указывает на важность этого вопроса для их авторов. В ситуации оживленной литературно-религиозной полемики это был удачный объект для критики традиционной религии, тем более что распространение культа в восточных регионах империи делало его соперником христианства. По мнению автора статьи, к этим причинам можно присоединить и стремление раннехристианских авторов находиться в общем русле с греко-римской традицией. Последнее вполне согласуется с в целом позитивным образом Адриана в христианской литературе. Даже резкое обличение культа Антиноя могло не затрагивать при этом имени учредившего его императора.

Ключевые слова: Антиной, Адриан, культ, обожествление, апологетика, греко-римская историография, раннее христианство

Для цитирования: Лебедев П.Н. Культ Антиноя в греко-римской и раннехристианской литературе // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 182–193. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-182-193

The cult of Antinous in the Graeco-Roman and early Christian literature

Pavel N. Lebedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lebedevp235@gmail.com*

Abstract. The paper presents a study of the attitude towards the cult of Antinous in the works of Greco-Roman historians and Christian authors of the 2^d – 4th centuries. The cult was established by the emperor Adrian in the 130s after the death of his beloved Antinous drowned in Egypt, and over the next few centuries, spread widely throughout the Roman Empire and survived the emperor's death by several centuries. The deification of the emperor's favorite caused an ambiguous reaction: on the one hand, the abundance of material evidence of the worship of Antinous shows the popularity of the cult among provincial citizens; on the other hand, literary sources show us a generally unfavorable attitude towards this emperor's act. The latter was a common feature of the Greco-Roman and the early Christian literature. The history of Antinous deification is mentioned in numerous Christian works of the 2^d – 4th centuries what signifies the importance of that issue for their authors. In a situation of lively literary and religious polemics it became the convenient target for criticism towards the traditional religion, especially since the spread of the cult in the eastern regions of the empire made it a rival to Christianity. Among reasons for that the author of the article mentions the early Christian authors striving to be in the mainstream of Greco-Roman tradition. The latter is quite consistent with Hadrian's generally positive image in Christian literature. Even the strong rejection and condemnation of the cult in Christian writings could not affect an image of the emperor who established it.

Keywords: apologetics, Antinous, Hadrian, cult, deification, apologetics, Greco-Roman historiography, early Christianity

For citation: Lebedev PN. The cult of Antinous in the Graeco-Roman and early Christian literature. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:182-93. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-182-193

Введение

В 130 г. н. э. в водах Нила утонул фаворит римского императора Адриана, греческий юноша Антиной. Император предпринял масштабные усилия по увековечиванию памяти о своем любимце и учредил культ Антиноя, распространившийся в итоге

по разным уголкам Римской империи. Судя по огромному количеству сохранившихся до нашего времени изображений и других археологических свидетельств почитания Антиноя¹, культ пользовался достаточно большой популярностью среди населения империи и просуществовал до времен окончательного торжества христианства.

В историографии хорошо изучены различные аспекты культа: от волновавших еще древних писателей загадочных обстоятельств смерти юноши до места культа в контексте культурной и религиозной политики Адриана в целом². Ряд исследователей объясняют широкое распространение культа Антиноя тем, что в нем оказалась удачно воплощена имперская идея, так что включение возлюбленного римского императора в локальные пантеоны стало одним из способов выстраивания провинциалами своей имперской идентичности [1 с. 118–121, 6 с. 190]. А. Галимберти считает ключевым фактором популярности нового божества его эллинистическую природу и соответствие греческим религиозным представлениям [4 с. 98, 106, 108 et passim]. По замечанию К. Джонса, немаловажную роль играло то, что Адриан не стремился унифицировать поклонение Антиною, так что этот культ мог наполняться любыми подходящими для отдельных городских общин смыслами [5 с. 82].

Однако эти и множество других вопросов в контексте настоящей статьи мы предлагаем оставить в стороне, чтобы сосредоточиться на анализе того, как воспринималось обожествление Антиноя в греко-римской историографии и раннехристианской литературе во II–IV вв. В нашем исследовании в центре внимания будет не вопрос о достоверности сведений источников о культе, а их субъективный аспект: как античные авторы рассказывают нам эту историю и как оценивают факт обожествления человека по воле императора.

---

¹ Как замечает К. Ваут, по количеству обнаруженных и идентифицированных скульптурных изображений Антиной уступает только Октавиану Августу и самому Адриану [1 с. 53]. Как минимум в 70 городах из различных регионов Римской империи обнаружены следы культа Антиноя, обнаружено более 100 из множества воздвигнутых статуй, десятки городов выпускали монеты с изображениями нового божества и т. д. [2 с. 184–188].

² См., напр.: [1 с. 52–135, 2,3 с. 159–164, 273–299, 4,5 с. 75–83].

*Отношение к культуре
в греко-римской историографии*

Из сохранившихся до нашего времени литературных источников, повествующих о культе Антиноя, только один был создан современником описываемых событий. Это сочинение древнегреческого географа и путешественника II в. Павсания «Описание Эллады». Когда он рассказывает о городе Мантинее, то упоминает новый храм Антиноя и рассказывает о религиозном празднике и играх в его честь (*Paus. Descr.* 8.9.7–8). Никаких оценочных комментариев или сведений об учреждении культа Павсаний не дает, что соответствует его стремлению описывать древности, а не современную историю [7 с. 32].

Более подробный рассказ мы находим у авторов III–IV вв.: в эпитоме 69-й книги «Римской истории» Кассия Диона, 14-й главе «О Цезарях» Аврелия Виктора и в биографии Адриана из сборника «Авторы жизнеописаний Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*, далее – SHA). Рассмотрим указанные источники подробнее.

Кассий Дион в «Римской истории» (созданной в первой трети III в.) при описании смерти Антиноя высказывает недоверие к записям самого Адриана на сей счет³. Автор пишет, что юноша «погиб в Египте, то ли бросившись в Нил, как пишет Адриан, то ли, как достоверно известно (ὡς ἡ ἀλήθεια ἔχει), будучи принесенным в жертву» (*Dio* 69.11.2; пер. А.В. Махлаюка). Как можно понять из дальнейшего повествования, Кассий Дион считает, что Антиной утонул не случайно, но «по собственной воле обрек себя на гибель (ибо для исполнения замыслов [Адриана] необходимо было добровольное самопожертвование)» (*Dio* 69.11.3; пер. А.В. Махлаюка). Отметив повсеместность священных изображений юноши, автор добавляет, что Адриан верил в «выдумки своих приближенных» о превращении Антиноя в звезду на небосклоне и стал в итоге из-за этого «предметом насмешек» (*Dio* 69.11.4).

Вообще Кассий Дион оценивает деятельность Адриана положительно, что не мешает ему критиковать отдельные мероприятия и склонности императора, в том числе чрезмерный интерес к магии и гаданиям. В этом свете негативную окраску получает и вся история с обожествлением Антиноя, позволяющая автору лишний раз упрекнуть императора в неумеренном любопытстве и доверии к «всевозможным пророческим выдумкам» (*Dio* 69.11.3).

---

³ Известно, что Адриан написал автобиографическое сочинение, не сохранившееся до нашего времени. Подробнее см.: [8 с. 372–389].

В сборнике императорских биографий «Авторы жизнеописаний Августов» (SHA), памятнике последней четверти IV в.⁴, читателям предлагаются две версии гибели Антонию: «Одни утверждают, что он обрек себя ради Адриана, другие выдвигают в качестве объяснения то, о чем говорит его красота и чрезмерная страсть Адриана» (SHA Hadr. 14.6; пер. С.П. Кондратьева под ред. А.И. Доватура). Автор биографии пишет, что император убивался по своему умершему любимцу, «как женщина» (*muliebriter*), а обожествовали юношу «греки, по воле Адриана» (SHA Hadr. 14.5–7). Таким образом, в SHA поведение императора осуждается как неподобающее.

Критическая тенденция в отношении истории с Антиномом наиболее заметна в сочинении «О Цезарях» римского писателя второй половины IV в. Секста Аврелия Виктора. Этот автор приводит две разные оценки действий императора. С одной стороны, он рассказывает про слухи о склонности Адриана к развращению юношей (*Aur. Vict. De Caes. 14.7*). С другой стороны, приводит и мнение тех, кто считает историю с Антиномом «выражением благочестия и религиозности» (*alii pia volunt religioaque; 14.8*), так как юноша добровольно предложил себя в жертву ради императора, а тот в ответ почтил его достойный поступок. Однако сам Аврелий Виктор склоняется к первой точке зрения, когда заключает рассказ об этом эпизоде так: «Мы оставим этот вопрос открытым, хотя у праздного ума можно предположить склонность к представителю совсем другого возраста» (*Aur. Vict. De Caes. 14.9*; пер. В.С. Соколова). Нужно заметить, что интересующая нас история рассказывается автором в контексте осуждения праздности императора и его чрезмерного увлечения роскошью.

Заключая рассмотренный выше обзор негативных оценок обожествления Антонию в греко-римской историографии, необходимо отметить, что было бы ошибкой считать литературное осуждение отражением реальных настроений в обществе. На большую популярность культа Антонию указывают как многочисленные археологические свидетельства, так и сам факт существования продолжающейся критики его обожествления (например, как будет показано далее, со стороны христианских авторов II–IV вв.).

---

⁴ По вопросу о датировке и авторстве SHA существует обширная дискуссия. Большинство современных исследователей придерживаются указанной датировки. См., напр.: [9 с. 148, 10 с. 743–782, 11 с. 6–8, 153–158].

Критика культа в раннехристианской литературе

Раннехристианские писатели часто обращаются к истории Антиноя. Обожествленный по воле императора юноша упоминается во множестве апологетических произведений II–IV вв. (у Иустина Философа, Афинагора Афинского, Татиана, Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена, Феофила Антиохийского, Афанасия Великого), о нем пишут Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» и Епифаний Кипрский в сочинении «Анкорат», в начале V в. мы встречаемся с ним в полемической поэме «Против Симмаха» Пруденция и на страницах «Толкования на книгу пророка Исаяи» Иеронима Стридонского⁵.

Столь пристальное внимание христианских авторов к истории Антиноя можно объяснить рядом факторов. Во-первых, это был близкий по времени и хорошо известный их современникам очевидный пример обожествления простого человека. В контексте активной религиозной полемики сложно было пройти мимо столь удачной мишени для критики традиционных религиозных представлений. Во-вторых, предшествовавшая учреждению культа любовная связь 50-летнего римского императора с 17-летним юношей в глазах христиан являлась лишним поводом обвинить римскую религию в аморальности и оправдании человеческих пороков. В-третьих, популярность и широкое распространение культа Антиноя в восточных частях империи во II–III вв., несомненно, делали его соперником христианства, с которым приходилось бороться. О возможном четвертом факторе мы попробуем выдвинуть гипотезу в заключении.

Практически во всех перечисленных выше христианских сочинениях апофеоз юноши подвергается резкому осуждению. «Зачем же ты причисляешь к богам того, кто удостоился почестей за блуд?» – восклицает Климент Александрийский в посвященном Антиною небольшом разделе «Увещевания к язычникам» (*Clem. Protr.* 4.49.2; пер. А.Ю. Братухина). «И как это умерший Антиной, красивый мальчик, утвердился на луне? Кто возвел его, если только и о нем, как и об императорах, кто-нибудь подкупленный не заявил клятвопреступно, насмехаясь над Богом, будто он взошел на небеса», – пишет Татиан в «Слове к эллинам» (*Tat. Orat.* 10; пер.

---

⁵ *Iust.* I Apol. 29.4; *Athen. Leg.* 30; *Tat. Orat.* 10; *Tert. Ad Nat.* 2.10; *Clem. Protr.* 4.49; *Orig. Contra Cels.* 3.36–39; *Theoph. Ad Aut.* 3.8; *Athanas. C. Gentes* 1.9; *Eus. Hist. Eccl.* 4.8.2; *Epiph. Ancorat.* 106; *Prudent. C. Symm.* 1.271–277; *Hieron. Comm. in Is.* 1.2.

Д.Е. Афиногенова). Афанасий Великий отмечает, что император этим поступком «навлек на себя позор» (ἔλεγχον <...> καθ' ἑαυτοῦ; *Athanas. C. Gentes* 1.9).

Иронию в отношении обожествления того, кто всем был известен как простой смертный, высказывают Иустин Философ («[Антиноя] все принялись со страхом чтить, как Бога, хотя знали, кто он был и откуда происходил». *Iust. I Apol.* 29.4; пер. П. Преображенского) и Тертуллиан («Оспаривал ли кто-нибудь божественность Антиноя? <...> у вас открыто небо для умерших». *Tert. Ad Nat.* 2.10). Феофил Антиохийский замечает, что учреждение Адрианом культа своего любимца «вызывает у разумных людей смех» (*Theoph. Ad Aut.* 3.8).

В большинстве упомянутых выше произведений прямо или косвенно звучит тема порочности связи императора с юношей. Например, Иероним Стридонский в комментарии на стих 2:6 из книги пророка Исаяи пишет: «Адриан, искусный в философских науках, обожествил Антиноя, установил для него и храм, и жертвы, и жрецов <...> Под сводами общественных мест среди развратниц оказались выставлены для публичного разврата также и мальчики (*Hieron. Comm. in Is.* 1.2). Татиан, Тертуллиан, Климент Александрийский и Пруденций сопоставляют любовь Адриана к Антиною с мифологической историей похищения Зевсом Ганимеда, тем самым обозначая для своих читателей прямую связь между аморальностью традиционной религии и реальными пороками ее приверженцев⁶.

В биографии Адриана из SHA и у Аврелия Виктора, как было рассмотрено ранее, связь императора с юношей тоже подвергается осуждению. По мнению А. Галимберти и К. Вильямса, в греко-римских источниках осуждается не столько сама связь Адриана с Антиноем (которая, с точки зрения римской системы ценностей, не нарушала принятых норм⁷), сколько неподобающее поведение императора после смерти возлюбленного [4 с. 102; 12 с. 64–65]. Не вдаваясь в этот сюжет подробнее, констатируем, что христианские авторы, осуждающие поведение Адриана с позиции своих представлений о нравственности, оказываются по этому вопросу в одном ряду с греко-римскими писателями.

Особенно интересный случай пересечения разных взглядов на культ Антиноя встречается в сочинении Оригена Александрийского «Против Цельса» (середина III в.). Христианский автор под-

⁶ *Tat. Orat.* 10; *Tert. Ad Nat.* 2.10; *Clem. Protr.* 4.49; *Prudent. C. Symm.* 1.271–277.

⁷ Подробнее о принятых нормах см.: [12 с. 247–249].

вергает культ Антиноя детальной и подробной критике в связи с тем, что римский философ Цельс, осуждая христианство, сравнил почитание Иисуса с почитанием Антиноя (*Orig. Contra Cels.* 3.36). Следовательно, в глазах философа середины II в. (сочинение Цельса было написано приблизительно на 75 лет раньше обличительного труда Оригена) поклонение обожествленному по воле императора юноше не лучше глупого варварского учения, примкнуть к которому готовы «одни лишь безрассудные, глупые, низкие люди, рабы, женщины и дети» (*Orig. Contra Cels.* 3.44). Такое отношение вполне соответствует рассмотренным в предыдущем разделе оценкам греко-римских писателей.

Ориген категорически отвергает возможные параллели между поклонением Христу и ложным и бесполезным, с его точки зрения, почитанием Антиноя. При этом христианский писатель лишь кратко отмечает порочность страсти императора к юноше, а подробно рассуждает о злокозненности египтян и занесении Антиноя в число богов «скоплением обманщиков, стремящихся заслужить милости правителя» (*Orig. Contra Cels.* 3.36). Таким образом, по мнению данного автора, инициатива учреждения культа исходит не столько от императора, сколько от невежественной черни и нечестивых египтян.

Еще больше смягчает критическую ноту при обращении к истории обожествления Антиноя апологет II в. Афинагор Афинский, когда рассматривает в своем «Предстательстве за христиан» различные случаи провозглашения смертных людей богами: «Антиноя стали называть богом из-за благосклонности ваших предков к своим подданным» (*Athen. Leg.* 30). Афинагор не только отказывается прямо упрекать Адриана (общая тональность главы при этом, безусловно, критическая), но и подчеркивает положительные качества императора.

Приведенные выше примеры из сочинений Афинагора и Оригена показывают, что единство христианских авторов в осуждении культа Антиноя отнюдь не означает такого же единства в отношении учредившего культ Адриана. Для раннехристианской апологетики в целом характерно положительное отношение к тем императорам, которые изображаются «хорошими принцепсами» в римской традиции, и негативное – к «плохим» (например, Нерону и Домициану)⁸. Поскольку Адриан в числе других представителей династии Антонинов пользовался доброй славой, то и у раннех-

---

⁸ См., напр.: *Tert. Ad Nat.* 1.7, *Apol.* 5.3–6, *Ad Scap.* 4.6; *Eus. Hist. Eccl.* 4.26.9–11. Подробнее о «христианизации» образа римских императоров в апологетике см. [13].

ристианских авторов его можно увидеть в числе союзников христианства. Например, Мелитон из Сард в апологии, обращенной к Марку Аврелию, называет «благочестивыми» (εὐσεβείς) его деда и отца – Адриана и Антонина Пия. Он пишет, что они «часто письменно порицали тех, кто дерзнул принять новые меры (νεωτερίσαι ἐτόλμησαν) против христиан» и упоминает некое письмо Адриана проконсулу Азии Фундану (*Eus. Hist. Eccl.* 4.26.10). Данный рескрипт Адриана приводит полностью в «I Апологии» Иустин Философ, и в его изложении документ также предстает направленным в защиту христианства (*Iust. I Apol.* 68). На наш взгляд, не случайно и то, что, критически высказываясь о почитании Антиноя, Иустин ничего не говорит про обожествившего его императора (*Iust. I Apol.* 29.4).

Заключение

Греко-римские авторы освещают деятельность Адриана преимущественно в положительном свете, но сохраняют при этом хорошо ощутимую критическую ноту. Особенно она заметна в связи с рассказом об Антиное. Кассий Дион, автор сборника «Авторы жизнеописаний Августов», и Секст Аврелий Виктор сохраняют и передают очерняющие поведение императора слухи, а также в ряде случаев сопровождают историю с обожествлением Антиноя собственными критическими замечаниями. Как показывает пример Цельса, для римлянина II века между христианским почитанием Христа и поклонением Антиною не было особенной разницы: и в том и в другом случае легковверные глупцы почитают недавно умерших людей и верят выдумкам обманщиков о свершающихся от имени новоявленных богов чудесах и сбывающихся пророчествах.

Острая критика обожествления Антиноя со стороны христианских авторов оказывается вполне соответствующей консервативным установкам римской исторической традиции. Конечно, раннехристианские писатели используют пример нового культа для осуждения традиционной религии и морали, однако выбранный ими в качестве мишени объект оказывается в итоге под перекрестным огнем критики с обеих сторон.

С нашей точки зрения, стремление следовать в общем русле с римской традицией не следует сбрасывать со счетов при рассуждении о причинах массового обращения христианских писателей к истории с Антиноем. Вполне согласуется с позицией греко-римских историков II–IV вв. и в целом позитивное освещение деятельности Адриана в раннехристианской литературе. В этом свете даже резкое обличение культа обожествленного юноши могло не

затрагивать имени учредителя культа или же сводиться к вполне привычному в литературе осуждению отдельных аспектов поведения и личности императора.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «“Псевдо-историческая реальность” и модусы исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н. э. – III в. н. э.» (проект № 17-31-01061-ОГН).

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Pseudo-historical reality and modes of historical narrative in the works of Greek authors of II BCE – III CE”, no. 17-31-01061-ОГН.

Литература

---

1. *Vout C.* Power and Eroticism in Imperial Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 285 p.
2. *Lambert R.* Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous. London: Weidenfeld and Nicolson, 1984. 360 p.
3. *Speller E.* Following Hadrian: A Second-Century Journey Through the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2003. 352 p.
4. *Galimberti A.P.* Oxy. 471: Hadrian, Alexandria, and the Antinous Cult // Empire and Religion: Religious Change in Greek Cities under Roman Rule (= Impact of empire, 25) / Ed. by E.M. Grijalvo J.M.C. Copete, F.L. Gómez. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 98–111.
5. *Jones C.* New Heroes in Antiquity. From Achilles to Antinoos. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 123 p.
6. *Opper Th.* Hadrian: Empire and Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. 256 p.
7. *Нукунюк Е.В.* Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого возрождения // Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. С.П. Кондратьева. СПб.: Алетейя, 1996. С. 20–40.
8. *Westall R., Brenk F.* The Second and Third Century // Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 363–416.
9. *Potter D.S.* Literary Texts and the Roman Historian. London, New York: Routledge, 1999. 218 p.
10. *Cameron A.* The Last Pagans of Rome. New York, Oxford: Oxford University Press, 2011. 878 p.
11. *Rohrbacher D.* The Play of Allusion in the Historia Augusta. Madison: The University of Wisconsin Press, 2016. 246 p.
12. *Williams C.A.* Roman Homosexuality. Second Edition. Oxford: Oxford University Press, 2010. 471 p.

13. Лебедев П.Н. "Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus": образ императора в христианской апологетической литературе II–III вв. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 10 (31), ч. 1. С. 31–39.

References

---

1. Vout C. Power and Eroticism in Imperial Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 285 p.
2. Lambert R. Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous. London: Weidenfeld and Nicolson, 1984. 360 p.
3. Speller E. Following Hadrian: A Second-Century Journey Through the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2003. 352 p.
4. Galimberti A.P. Oxy. 471: Hadrian, Alexandria, and the Antinous Cult. V: *Empire and Religion: Religious Change in Greek Cities under Roman Rule* (= Impact of empire, 25) / Ed. by E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gómez. Leiden; Boston: Brill, 2017. p. 98-111.
5. Jones C. New Heroes in Antiquity. From Achilles to Antinoos. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 123 p.
6. Opper Th. Hadrian: Empire and Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. 256 p.
7. Nikityuk EV. Historical and antiquarian writing of Pausanias in the mainstream of the so-called Greek Revival. V: *Pausanias*. Description of Greece. Sankt-Peterburg: Aleteya Publ.; 1996. p. 20-40. (In Russ.)
8. Westall R., Brenk F. The Second and Third Century. V: Marasco G., ed. *Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity*. Leiden; Boston: Brill, 2011. p. 363-416.
9. Potter DS. Literary Texts and the Roman Historian. London, New York: Routledge, 1999. 218 p.
10. Cameron A. The Last Pagans of Rome. New York, Oxford: Oxford University Press, 2011. 878 p.
11. Rohrbacher D. The Play of Allusion in the Historia Augusta. Madison: The University of Wisconsin Press, 2016. 246 p.
12. Williams CA. Roman Homosexuality. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2010. 471 p.
13. Lebedev PN. "Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus": the image of the emperor in the Christian apologetics of the 2nd – 3^d centuries. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2017;10:31-9. (In Russ.)

Информация об авторе

Павел Н. Лебедев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; lebedevp235@gmail.com

Information about the author

Pavel N. Lebedev, Ph.D. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; lebedevp235@gmail.com

Сарацины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина

Ирина Е. Ермолова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terira@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются сведения Аммиана Марцеллина о сарацинах. Сочинение этого автора является наиболее информативным позднеантичным источником о данных номадах. Из «Деяний» следует, что именно в IV в. римляне стали активно использовать представителей этих арабских племен в качестве федератов. По мнению автора статьи, ранее контакты и сотрудничество с ними были лишь эпизодическими.

Труд Аммиана Марцеллина не лишен стереотипов, характерных для античной историографии при описании варваров (худшими из которых, с точки зрения римлян, были именно кочевники). Римский историк использует устойчивую схему этнографического описания и применяет ряд типичных образов и формул. К сарацинам он относится очень негативно и пишет, что римлянам не следовало бы иметь с ними никаких отношений. Однако тенденциозность автора вовсе не исключает того, что в «Деяниях» содержатся и оригинальные сведения о сарацинах.

Экскурс о сарацинах наряду с традиционным описанием кочевого образа жизни дает представление об оригинальных чертах их быта и внутренних социальных отношений.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, араб, сарацин, кочевник, номадизм

Для цитирования: Ермолова И.Е. Сарацины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 194–206. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-194-206

Saracens in Ammianus Marcellinus' "Res gestae"

Irina E. Ermolova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
merira@mail.ru*

Abstract. In the article the Ammian Marcellinus' information about Saracens is analysed. The Ammian's work is the most informed late antique source about these Arab tribes. It reports that the Romans began to use them as federates just in the fourth century. In the author's opinion, earlier contacts and relations with them were only episodic.

The work of Ammianus Marcellinus is not free of traditional Roman stereotypes in the description of barbarians (the worst of whom, from the Roman point of view, were nomads). The Roman historian followed a deeply-rooted pattern of ethnographic description. He treats the Saracens in a very negatively and writes that the Romans should not have any relations with them. However, the author's tendentious discourse in the "Res Gestae" does not exclude the fact that it contains original information about the Saracens.

An excursion about the Saracens, along with the traditional description of the nomadic way of life, gives an idea of the original features of their life and internal social relations.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Arab, Saracen, nomad, nomadism

For citation: Ermolova IE. Saracens in Ammianus Marcellinus' "Res gestae". *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:194-206. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-194-206

Введение

«Деяния» Аммиана Марцеллина содержат много ценных сведений о различных народах древности. Одним из них являются сарацины. Самые ранние упоминания сарацин встречаются у Плиния Старшего (в форме Агасени), Урания и Клавдия Птолемея [1 с. 132, 2 с. 57], но распространение этого названия приходится на более поздние времена.

В сочинении Аммиана сохранился один экскурс о них (*Amm. Marc.* XIV.4.1–7) (автор указывает, что были и другие (*Amm. Marc.* XIV.4.2), однако эти книги «Деяний» не сохранились) и приводится описание похода императора Юлиана в Персию, в котором участвовали вспомогательные отряды сарацин (*Amm. Marc.* XXIII.3.8; XXIV.2.8; XXV.6.9).

Этимология термина «сарацины»

Историк сообщает о том, что в его время появился новый этноним для обозначения части арабских племен: «сценитских арабов <...> мы зовем теперь сарацинами (Scenitas <...> Arabas <...> Sarracenos nunc appellamus; *Amm. Marc.* XXII. 15. 2; XXIII. 6. 13). Под сценитами подразумеваются кочевники-бедуины [2 с. 59]. И. Шахид полагает, что этот термин стали использовать оседлые арабы Nabatei по отношению к своим кочевым сородичам [1 с. 123]. Этимология данного слова до сих пор остается дискуссионной. Вариантов объяснения этого названия в научной литературе существует несколько. Некоторые из них представляются более обоснованными, некоторые – менее. По мнению Б. Морица [3 col. 2388] и И. Шахида [1 с. 124–126], оно может происходить от арабских слов *sharq/sharqī/sharqīyūn*, обозначающих восток, жителей Востока; от – *sāriq/sariqin* (вор, мародер, грабитель); от – *s'gāq* (житель пустыни); от названия доминировавшего в III в. арабского племени или определенной местности, в которой оно обитало. М.Д. Бухарин возводит его к наименованию Вади ас-Сирхан – основной транспортной артерии, соединявшей Сирию с центральной частью Северной Аравии [2 с. 61]. Новую этимологию Д.Ф. Графа и М. О'Коннора, возводящих «сарацин» к арабскому слову со значением «общность», «федерация», И. Шахид справедливо критикует, приводя много различных аргументов против [1 с. 129–131]. Сам И. Шахид, один из авторитетных исследователей ранней средневековой истории арабов, склоняется к двум возможным версиям: или «восточные люди», или «бандиты, грабители, мародеры», как набатеи называли своих беспокойных кочевых сородичей [1 с. 135].

Аммиан Марцеллин отчасти противоречит сам себе, когда пишет, что сценитских арабов теперь (nunc) называют сарацинами (*Amm. Marc.* XXII.15.2), так как в экскурсе о них он сообщает о более ранних упоминаниях этого этнонима в его труде, в частности в повествовании о правлении Марка Аврелия (*Amm. Marc.* XIV.4.2), что позволяет предположить, что данный термин был известен уже во II в. Дополнение Аммиана в книге 23 о том, что сценитских арабов называли сарацинами позднее (posteritas) (*Amm. Marc.* XXIII.6.13), мало что проясняет в вопросе о времени его появления. Б. Мориц считает, что этноним «сарацины», первоначально обозначавший только кочевой народ Синайского полуострова на северо-западной границе Аравии, уже в III в. был распространен на все племена Сирийской степи, с которыми римляне вступали в соприкосновение [3 col. 2389]. Во всяком случае, в биографиях императоров этого времени различаются арабы и сарацины (SHA

XXIV Tyr. Trig. 30.7; XXVI Aurel. 11.3). Уже тогда в римском войске были *alae Saracenaе* (SHA XXVI Aurel. 28.2) и *cohortes Saracenaе* (SHA XXVIII Prob. 4.1). М.Д. Бухарин полагает, что этот этноним «быстро потерял свое определенное этническое насыщение и стал обозначать любых враждебных Риму кочевников Северо-Западной Аравии» [2 с. 59].

Таким образом, сарацины, видимо, – племена Сирийской степи [3 col. 2389] и самых северных областей Аравии. Аммиан так очерчивает и территориальные рамки расселения сарацинов: «...область проживания которых, начинаясь от Ассирии, простирается до порогов Нила и границы с блеммиями» (*Amm. Marc. XIV.4.3*), где Ассирия – это персидская провинция в нижнем течении Тигра [4 с. 10]. Жителей большей части Аравийского полуострова он продолжает называть арабами (*Amm. Marc. XXIII.6.45*).

Сведения Аммиана Марцеллина о сарацинах

Наиболее раннюю характеристику тем, кого объединяет термин «сарацины», дает Аммиан Марцеллин.

Аммиан, который сам видел многих из них (*Amm. Marc. XIV.4.6*), относится к сарацинам очень негативно, с досадой пишет о том, что римлянам не следовало бы желать иметь этих грабителей ни друзьями, ни врагами (*Amm. Marc. XIV.4.1: Saraceni tamen nec amici nobis unquam nec hostes optandi*).

Негативное отношение к варварам, от которых исходит угроза римскому миру, ощущается во всех экскурсах «Деяний». Спокойное и обстоятельное описание границ, территорий, областей, рек, городов и достопримечательностей давних римских провинций, история их завоевания дополняются сообщениями о характерах и обычаях местных народов. Дурных качеств у них, по мнению Аммиана, больше, чем хороших. Самую глубокую неприязнь у автора вызывают кочевые народы, особенно сарацины и гунны. Сарацины «в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь» (*Amm. Marc. XIV.4.1*). Все они – воины, опасный народ (*Amm. Marc. XIV.4.3; 7*).

Экскурс в книге 14 представляет собой описание кочевого образа жизни: это – отсутствие постоянных жилищ, непрерывные перемещения в пространстве, занятие скотоводством, а не земледелием, привязанность к лошадям, боевая тактика конных орд и т. п. [5 с. 361ff, 6 с. 77–95]. В нем, конечно, отражается приверженность

Аммиана Марцеллина к определенной, довольно устойчивой схеме этнографического описания, которая сложилась задолго до IV в. н. э., в период от Гомера до Геродота [7 с. 139–144], и использование им ряда типичных образов и формул. Вопрос в том, заключено ли в этих *topoi* реальное содержание или нет. Во-первых, похожие черты и обычаи номадов, которые определяются исторически сложившимися условиями их существования в соответствующих климатических зонах, влекут за собой аналогичные способы описания в историографии, имеющей к тому же многовековые традиции [8 с. 58, 9 с. 208]. Во-вторых, известно, что как для античных, так и для византийских писателей характерно следование традиции, оформление их реальных знаний с помощью стереотипов. Та или иная информация «...в большинстве случаев подается по литературным законам жанра в соответствии с этикетными требованиями читателей или слушателей. Конкретность исторического факта как бы опосредуется литературной средой передачи информации. В результате наблюдаемые события описываются с использованием ряда определенных формул» [10 с. 41]. Поэтому наличие параллелей в изображении кочевников у разных авторов еще не дает права утверждать, что в позднем сочинении содержится просто пересказ более ранних.

В отступлении Аммиана Марцеллина о сарацинах есть детали, которые можно отнести исключительно к кочевникам южных областей: передвигаются они не только на конях, но и на поджарых верблюдах (*graciliumque camelorum*); ходят «полуголые, покрытые до бедер цветными плащами (*seminudi coloratis sagulis pube tenuis amicti*)» (*Amm. Marc.* XIV.4.3). В экскурсе о других кочевниках, гуннах, автор не упоминает верблюдов и описывает совершенно другую одежду (*Amm. Marc.* XXXI.2.5–6).

Оригинальными являются сведения Аммиана Марцеллина о брачных отношениях сарацин: «Жен они берут себе за плату по договору на время; а чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копьё и палатку; по желанию она может уйти после определенного срока» (*Amm. Marc.* XIV.4.4). Данный рассказ рисует достаточно независимое положение женщин у сарацин. Информацию Аммиана подтверждает рассказ церковных историков о Мавии¹, которая после смерти своего мужа, вождя пле-

---

¹ И. Шахид полагает, что Аммиан Марцеллин не мог не знать о Мавии, и считает отсутствие упоминаний о ней в «Деяниях» «примером преднамеренного умолчания» [11 с. 258]; Д. Вудс уверен, что у Аммиана Марцеллина были тесные личные связи с Финикией и он от непосредственных свидетелей мог знать о восстании Мавии [12 с. 335], но этот исследователь не задается вопросом, почему Аммиан ничего не сообщает о ней.

мени, заняла его место (*Sozom.* Н.Е. VI.38.1; *Socr.* Н.Е. IV.36), может быть, потому, что не было сына – прямого наследника.

Другая группа качеств, которые приписываются античными писателями самым различным народам и которые отнесены Аммианом Марцеллином и к сарацинам: дикость, свирепость, жестокость, разрушительные функции, непостоянство, коварство, беззаконие и т. п., свидетельствуют об отношении греков и римлян к окружающим их народам, но никак не раскрывает образ конкретного племени. Что касается утверждения Аммиана Марцеллина об отсутствии законов у сарацин (*Amm. Marc.* XIV.4.3), которых римляне, как и всех прочих неримлян, считали варварами [13 с. 319], то И. Шахид упрекает античного автора в субъективности, поскольку полагает, что у них были тщательно разработанные и строгие законы, хотя и неписанные [11 с. 240]².

Тенденциозное отношение к чужим этносам, зачастую негативное восприятие всего неадекватного собственным установлениям, привычкам и обычаям [14 с. 67, 15 с. 342, 668] является одной из особенностей античной литературы. И уж худшими из худших в глазах римлян были кочевники [16 с. 56].

Впрочем, и в данном случае не все сводится к стереотипам. После разгрома римлян при Адрианополе в 378 г. Константинополь осадили готы, и положение помог спасти отряд сарацин из племени вышеупомянутой Мавии (*Socr.* Н.Е. V.1) весьма необычным способом. Способ этот описывает Аммиан Марцеллин, не упоминая Мавию. Так что удививший всех поступок мог совершить сарацин, ей не подчинявшийся. Один полуголый (*nudus omnia praeter pubem*) воин, убив в упорном сражении гота, начал пить его кровь, чем нагнал ужас на нападающих (*Amm. Marc.* XXXI.16.6) и вынудил их отступить.

Аммиан Марцеллин понимает, как опасны для всего римского мира кочевые орды. Этим пониманием и обусловлена резко негативная окраска экскурсов о них. Историк испытывает те же страх, ненависть и отвращение, кномадам, которые охватывали народы, ставшие жертвами их стремительных нападений. В частности, сарацины представляли постоянную угрозу восточным римским провинциям [17 с. 35, 40].

Но в условиях непрерывного наступления на римские границы армия несла значительные потери, а людские ресурсы империи были ограничены, к тому же граждане уже давно перестали счи-

---

² К слову сказать, И. Шахид более, чем принято в научной литературе, эмоционально-негативно относится к Аммиану Марцеллину в связи с тем, что последний отрицательно характеризует сарацин.

тать военную службу обычной обязанностью, так что многие стремились любыми способами ее избежать [18 с. 42–44, 19 с. 119–120]. В таких обстоятельствах приходилось наращивать мощь государства, в том числе и за счет кочевников. Тем более что римляне с давних пор умели использовать для решения своих проблем (прежде всего военных) чужие силы.

Именно для IV в. следует отметить систематическое использование в качестве федератов кочевых племен сарацин [20 с. 359]. Для более раннего времени этот феномен неизвестен, хотя некоторые исследователи считают, ссылаясь на Цицерона и Феста, что римляне с ними активно сотрудничали и раньше [21 с. 237–238]. Из писем Цицерона, освещающих события осени 51 г. до н. э., следует, что речь идет об арабах, вторгшихся в римские провинции под видом парфян или вместе с парфянами (*Cic. Fam.* III.8.10; VIII.10.2; XV.4.7). В сообщении Феста о времени похода Л. Лукулла на Восток некие филархи сарацин (*Fest. Brev.* 14) упоминаются только вскользь. Правда, отдельные арабские вожди в это время снабжали римлян информацией о враждебных действиях парфян (*Cic. Fam.* XV.1.2). В I в. эти контакты были эпизодическими, Аммиан же упоминает о сарацинах довольно часто.

Он сообщает, что они использовались в качестве разведчиков (*Amm. Marc.* XXIV.1.10; XXIII.3.8) и вспомогательных войск (*Amm. Marc.* XXIII.5.1), прежде всего конных.

Аммиан Марцеллин описывает, как император Юлиан перед походом против персов отказался от предложенной ему союзными народами помощи (*Amm. Marc.* XXIII.2.1–2). Этот пример представляет собой редкое исключение и, вероятнее всего, является риторическим преувеличением автора с целью показать своего героя в более выгодном свете. Император в данном случае с достоинством заявляет, что римское государство само при необходимости способно защитить своими силами друзей и союзников. Н.В. Пигулевская [4 с. 30] считает, что под множеством народов имеются в виду арабские племена, которым было отказано, так как не было уверенности в их надежности. Но в данном пассаже фигурирует, по крайней мере, царь Армении, которому Юлиан все-таки приказал собрать большое войско. А вспомогательные отряды сарацин в армии Юлиана были (*Amm. Marc.* XXIII.5.1).

В начале своего восточного похода Юлиан ценил их за пригодность для партизанской войны (*ad furta bellorum adpositi*) (*Amm. Marc.* XXIII.3.8; XXXI.16.5). За взятых пленных и для поощрения таких же дальнейших действий император щедро награждал сарацинских разведчиков (*Amm. Marc.* XXIV.1.10). Они, по-видимому, получали и установленную плату за службу: *salaria muneraque*

plurima (*Amm. Marc.* XXV.6.10). Но в процессе похода Юлиан по каким-то причинам отказался от подобных действий, хотя сарацины и пытались восстановить прежние отношения (*Ibid.*). Это не могло не привести их к переходу на сторону врага.

В «Деяниях» автор часто подозревает номадов в предательстве и приводит ряд примеров их переменчивости, когда они сражались то на стороне римлян, то на стороне персов (*Amm. Marc.* XIV.3.1; XXIV.2.4; XXV.1.3; 6.8–9). Однако важно учитывать то, что сарацины обитали в пограничной местности между Римской империей и Персией. Великие державы в своем противоборстве использовали кочевников, натравливая их друг на друга. В этом свете подобное поведение сарацин является вполне закономерным [17 с. 43, 22 с. 72–78].

В переговорах с другими народами со стороны римлян участвовали или сами императоры, или их доверенные лица (например, эту роль исполнял Юлиан в ранге Цезаря в Галлии). От лица племен говорили, как правило, их вожди. Аммиан Марцеллин часто пренебрежительно именует их царьками (*reguli*). Вполне типичным является рассказ о приходе сарацинских вождей к императору Юлиану. «Здесь явились к нему царьки сарацинских племен. Они пали перед ним на колени, поднесли золотую корону, воздав ему поклонение как владыке мира и своему властителю» (*Amm. Marc.* XXIII.3.8). Союзнические отношения устанавливались на личном уровне – не с государством, а с конкретным человеком, который его представлял. Если же этот человек умирал, то следовало автоматическое расторжение мирного договора, как это случилось во время правления Валента: «...по случаю смерти сарацинского царя мирный договор сарацин с римлянами был расторгнут. Супруга его Мавия, вступив в управление народом, начала опустошать города Финикии и Палестины» (*Sozom.* Н.Е. VI.38.1). Затем договор возобновлялся, иногда на других условиях, что произошло и в случае с Мавией (*Socr.* Н.Е. IV.36), которая добилась для своего народа поставления христианского епископа не арианского, а ортодоксального вероисповедания. Правда, один из исследователей, который считает наиболее достоверным источником по истории сарацин IV в. «Деяния» Аммиана Марцеллина [23 с. 127], выражает большие сомнения по поводу историчности этого пассажа Сократа в целом и, в частности, такой подробности, как женитьба магистра пехоты Виктора на дочери Мавии (*Socr.* Н.Е. IV.36), полагая, что главным в нем является описание церковным историком победы над ересью [23 с. 128–131].

Заключение

Таким образом, сочинение Аммиана Марцелина является наиболее информативным и, по мнению многих современных ученых, достоверным позднеримским источником о сарацинах. Его труд не лишен стереотипов, характерных для античной историографии, возможно, умолчаний, но вместе с тем содержит ценные сведения об этих кочевых племенах части Аравии.

Литература

---

1. *Shahîd I.* Rome and the Arabs: A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 193 p.
2. *Бухарин М.Д.* Происхождение этнонима Σαρακηνοί // Византийский временник. Т. 67 (92). М.: Наука, 2008. С. 57–62.
3. *Moritz B.* Saraka 2 // RE. 1920. 2. Reihe. 2. Hbd. Col. 2388–2390.
4. *Пугулевская Н.В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л.: Наука, 1964. 188 с.
5. *Richter W.* Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11) // Historia. 1974. Bd. 23. S. 343–377.
6. *King C.* The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of Huns // American Journal of Ancient History. 1987. Vol. 12 (1). P. 77–95.
7. *Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский этнографический сборник. Л.: Наука, 1980. № 12. С. 139–144.
8. *Malotet A.* De Ammiani Marcellini digressionibus quae ad externas gentes pertinent. Paris: Publisher E. Leroux, 1898. 61 p.
9. *Seufarth W.* Nomadenvölker an den Grenzen des spätrömischen Reiches, Beobachtungen des Ammianus Marcellinus über Hunnen und Sarazenen // Deutsche Akademie der Wissenschaften. Veröffentlichungen des Instituts für Orientforschung. 1968. Bd. 69. S. 207–213.
10. *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ: 1980 год. М.: Наука, 1982. С. 5–153.
11. *Shahîd I.* Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 630 p.
12. *Woods D.* Maurus, Mavia and Ammianus Marcellinus // Mnemosyne, Fourth Series. 1998. Vol. 51. Fasc. 3. P. 325–336.
13. *Christides V.* Arabs as Barbaroi before the Rise of Islam // Balkan Studies. 1969. Vol. 10. P. 315–324.
14. *Vogt J.* Kulturwelt und Barbaren. Zum Menschheitsbild der spätantiken Gesellschaft (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Mainz, Geistes- und

- Sozialwissenschaftlichen Klasse 1967, nr. 1). Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften in Mainz, 1967. 68 S.
15. *Dauge Yv. A. Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation (Collection Latomus 176). Bruxelles: Latomus, 1981. 859 p.*
  16. *Грацианская Л.И. Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // ДГ: 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 46–58.*
  17. *Mayerson Ph. The Saracens and the Limes // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1986. No. 262. P. 35–47.*
  18. *Грант М. Крушение Римской империи. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 223 с.*
  19. *Банников А.В. Крушение римской оборонительной системы на западе империи в IV в. н. э. // Studia historica. Т. 5. М.: Изд-во МГПУ, 2005. С. 117–126.*
  20. *Грушевой А.Г. Принципы взаимоотношений Рима и ранней Византии с аравийскими кочевниками // Мнемон. Вып. 6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 337–366.*
  21. *Isaac B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990. 492 p.*
  22. *Ермолова И.Е. Политика Византии по отношению к кочевникам в V–VI вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто / Ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 72–78.*
  23. *Mayerson Ph. Mauiia, Queen of the Saracens – A Cautionary Note // Israel Exploration Journal. 1980. Vol. 30. No. 1/2. P. 123–131.*

References

---

1. Shahîd I. Rome and the Arabs: A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 193 p.
2. Buharin MD. The origin of name Σαρακηνοί. V: *Byzantina xponika*. Vol. 67. Moscow: Nauka Publ., 2008. p. 57–62. (In Russ.)
3. Moritz B. Saraka 2. V: *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1920. 2. Reihe. 2. Hbd. Col. 2388–2390.*
4. Pigulevskaya NV. The Arabes at the Byzantium's and Iran's Frontiers in 4th – 6th AD. Leningrad: Nauka Publ., 1964. 188 p. (In Russ.)
5. Richter W. Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11). *Historia*. 1974;23:343-77.
6. King C. The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of Huns. *American Journal of Ancient History*. 1987;1:77-95.

7. Poplinskii YuK. The Ethnographical Descriptions' Principles in the Ancient Scientific Literature. V: *African Ethnographical Collection*. № 12. Leningrad: Nauka Publ., 1980. p. 139-44. (In Russ.)
8. Malotet A. De Ammiani Marcellini digressionibus quae ad externas gentes pertinent. Paris: Publisher E. Leroux, 1898. 61 p.
9. Seyfarth W. Nomadenvölker an den Grenzen des spätrömischen Reiches, Beobachtungen des Ammianus Marcellinus über Hunnen und Sarazenen. *Deutsche Akademie der Wissenschaften. Veröffentlichungen des Instituts für Orientforschung*. 1968;69:207-13.
10. Bibikov MV. The Byzantine Sources on the Russia's History, the Northern Black Sea Littoral's and the North Caucasus' Peoples (12th – 13th c.). V: *The Earliest States of Eastern Europe*. 1980. Moscow: Nauka Publ., 1982. p. 5-153. (In Russ.)
11. Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 630 p.
12. Woods D. Maurus, Mavia and Ammianus Marcellinus. *Mnemosyne, Fourth Series*. 1998;3:325-36.
13. Christides V. Arabs as Barbaroi before the Rise of Islam. *Balkan Studies*. 1969;10: 315-24.
14. Vogt J. Kulturwelt und Barbaren. Zum Menschheitsbild der spätantiken Gesellschaft. Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften in Mainz, 1967. 68 S.
15. Dauge YvA. Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles: Latomus, 1981. 859 p.
16. Grazianskaja LI. Center and Periphery: Ethnopsychological Realities and Their Reflection in Descriptions of "Barbarians". V: *The Earliest States of Eastern Europe. 1996–1997*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999. P. 46–58. (In Russ.)
17. Mayerson Ph. The Saracens and the Limes. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1986;262:35-47.
18. Grant M. The Fall of the Roman Empire. Moscow: Terra Book Club Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)
19. Bannikov AV. The Fall of the Roman Defensive System on the Empire's West in IV AD. V: *Studia historica*. Vol. 5. Moscow: Izdatel'stvo MGPU Publ., 2005. p. 117-26. (In Russ.)
20. Grushevoy AG. The Principles of Rome's and Early Byzantium's Interrelations with the Arabic Nomads. *Mnemon*. Vol. 6. Sankt-Peterburg: Izdtel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007. p. 337-366. (In Russ.)
21. Isaac B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990. 492 p.
22. Ermolova IE. The Byzantium's Policy toward the Nomads in 5th – 6th c. V: Dzhakson TN., Mel'nikova EA., eds. *Eastern Europe in historical perspective. Towards the 80th anniversary of V.T. Pashuto*. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1999. P. 72–78. (In Russ.)
23. Mayerson Ph. Mauia, Queen of the Saracens – A Cautionary Note. *Israel Exploration Journal*. 1980;1/2:123-31.

Список сокращений

- ДГ – Древнейшие государства на территории СССР / Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования.
- Amm. Marc.* – Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig, 1978. Vol. 1–2. Перевод по изд.: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1996.
- Cic. Fam.* – *Marcus Tullius Cicero*. The Letters to His Friends / with an Engl. transl. by W.Gl. Williams. Cambridge, Massachusetts, London, 1943. Vol. 1–3.
- Fest. Brev.* – *Festus*. Abrégé des hauts faits du peuple romain / Transl. by M.P. Arnaud-Lindet. Paris: Les Belles Lettres, 1994.
- RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1894–1980.
- SHA – *Scriptores historiae Augustae* / E. Hohl (ed.). Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecerunt Ch.Samberger et W. Seyfarth. Leipzig, 1971. 1–2.
- Socr.* H. E. – *Socrates' Ecclesiastical History*. Oxford, 1878.
- Sozom.* H.E. – *Sozomenos' Ecclesiastical History*. Oxford, 1880. Перевод по изд.: Эрмия Созомена Саламинского Церковная история. СПб.: Типография Фишера, 1881.

Abbreviations

- ДГ – The most ancient states on the territory of the USSR / The most ancient states of Eastern Europe. Materials and research.
- Amm. Marc.* – Seyfarth W., ed. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Leipzig, 1978. Vol. 1–2. Translation by ed.: Ammiani Marcellini. Roman History. Sankt-Peterburg, 1996. (In Russ.)
- Cic. Fam.* – Marcus Tullius Cicero. The Letters to His Friends / with an Engl. transl. by W.Gl. Williams. Cambridge, Massachusetts, London, 1943. Vol. 1–3.
- Fest. Brev.* – Festus. Abrégé des hauts faits du peuple romain / Transl. by M.P. Arnaud-Lindet. Paris: Les Belles Lettres, 1994.
- RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1894–1980.
- SHA – *Scriptores historiae Augustae* / E. Hohl (ed.). Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecerunt Ch.Samberger et W. Seyfarth. Leipzig, 1971. 1–2.
- Socr.* H. E. – *Socrates' Ecclesiastical History*. Oxford, 1878.
- Sozom.* H.E. – *Sozomenos' Ecclesiastical History*. Oxford, 1880. Translation by ed.: Ermiya Sozomen Salamis. Church History. Sankt-Peterburg: Tipografiya Fishera Publ., 1881. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина Е. Ермолова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; merira@mail.ru

Information about the author

Irina E. Ermolova, Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; merira@mail.ru

УДК 94(363.6)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-207-216

Античное наследие в первой книге «Дифференций» Исидора Севильского

Михаил Ю. Биркин

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, mbirkin@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сохранении античной цивилизации в Толедском королевстве первой трети VII в. В качестве основного источника послужила первая книга «Дифференций» Исидора Севильского (ок. 560–636), виднейшего представителя «вестготского возрождения». Выбор этого текста обусловлен его спецификой: будучи грамматическим трактатом, он не предлагает читателю целостной картины мира, под которую были бы подстроены отдельные сведения. В контексте исторических представлений епископа Севильи изучаются его прямые указания на трансформацию каких-либо явлений, будь то связанных с языком или религиозными практиками. Затем рассматриваются сведения о частичном сохранении античного города как социального и архитектурного феномена. В итоге автор приходит к выводу, что в Толедском королевстве продолжал существовать ряд ключевых параметров культуры христианской античности.

Ключевые слова: Толедское королевство вестготов, Исидор Севильский, «Дифференции», Поздняя Античность, античное наследие, *civitas*

Для цитирования: Биркин М.Ю. Античное наследие в первой книге «Дифференций» Исидора Севильского // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 207–216. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-207-216

Ancient Heritage in the First Book of Isidore's of Seville Treatise "Differentiae"

Mikhail Yu. Birkin

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; mbirkin@gmail.com

Abstract. The article examines the continued existence of the culture of classical antiquity in the Visigothic Kingdom of Toledo in the first third of the 7th century. The main source is the first book of the treatise *Differentiae*,

written by Isidore of Seville (c. 560–636), the most outstanding figure of the Visigothic Renaissance. This text was chosen because of its specificity, namely it as grammatical treatise does offer the reader no coherent worldview, which some items of information would be adapted to. Isidore's direct indication to the transformation of any phenomena related to language or religious practices are studied in the context of his views on the history. Then the evidence of partial maintenance of the ancient city as a social and architectural phenomenon are analyzed. The author of the article concludes that the key parameters of the Christian antiquity continued to exist in the Visigothic Kingdom of Toledo.

Key words: Visigothic Kingdom of Toledo, Isidore of Seville, Differentiae, Late Antiquity, heritage of Antiquity, civitas

For citation: Birkin MYu. Ancient heritage in the first book of Isidore's of Seville treatise "Differentiae". *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;10:207-16. DOI:

Введение

Исидор Севильский (ок. 560–636) – крупнейший деятель культуры не только вестготской Испании, но всей Западной Европы, сыгравший значительную роль в сохранении и передачи потомкам античных знаний [1–5]. Вопрос о рецепции Исидором античного наследия в контексте современной ему эпохи поднимался неоднократно [6–12]. Представляется, что постановку самого вопроса в перспективе исторических воззрений Исидора необходимо пересмотреть: для Исидора не существовало разрыва между Античностью и его временем – это была одна эпоха [13, 14]. Поэтому закономерно возникает вопрос о том, где в его историческом сознании проходила граница между условным прошлым и условным настоящим.

Сказанное имеет прямое отношение к дискуссии о природе «вестготского возрождения»: являлась ли культурная жизнь Толедского королевства непосредственным продолжением христианской античности, или подъем культуры в Испании VII в. был локальным всплеском и непосредственно связан с деятельностью Исидора? [15 с. 42–43] В настоящей статье в пользу первой точки зрения будет предложен ряд аргументов на основании первой книги «Дифференций» (600–615 гг.)¹.

Названное сочинение представляет собой грамматический трактат о различии синонимов, омофонов, паронимов и т. п. и поэтому

---

¹ См.: [2 p. 24–25, 15 с. 57–58, 16–19].

не рисует четко выстроенной картины мира, которая представлена здесь предельно фрагментированно. Отмеченная особенность этого текста позволяет найти непосредственные следы античности из эпохи Исидора.

Граница между прошлым и настоящим: язык и практики

В ряде лемм первой книги «Дифференций» можно найти маркеры времени в виде соответствующих глагольных форм, а также наречий времени², указывающих на отжившие практики и линию между прошлым и настоящим. Так как Исидор во многом был зависим от своих источников, можно было бы предположить, что и здесь он следует за авторитетами. Но так происходило отнюдь не всегда. Так, например, даже в лемме № 13³ явного грамматического характера о слове *dies* в мужском и женском роде как хорошем и плохом времени соответственно Исидор в имперфекте пишет, что так обозначалось у древних [16 р. 92]. При этом стоящий за леммой источник использует настоящее время [17 р. 204]. Можно найти еще ряд аналогичных примеров⁴. Впрочем, в лемме № 70 Исидор говорит о существовавшем у древних словоупотреблении [16 с. 124], однако рассматриваемый им термин *spurium* словари фиксируют только у самого Исидора [18 с. 1811].

Примечательна лемма № 116 [16 с. 144], в которой, в частности, говорится, что любодеяние (*fornicatio*) получило свое название от строений с арками, которые древние называли *fornices* (т. е. притонами), где женщины занимались проституцией. В «Этимологиях» [19 X.110, XV.8.9]⁵ дается, видимо, более точное описание древних реалий [20 с. 259–260, 21 с. 192–193]. Но в обоих случаях используется имперфект. Конечно, это не означает, что проституция в Толедском королевстве исчезла: о ее существовании свидетельствует, например, закон III.4.17 из «Вестготской правды» [22 р. 157]. Однако, видимо, кардинально поменялась сама практика проституции в связи с одновременным влиянием германских традиций и христианизацией [23 с. 105–107, 133].

² См. также: [6 с. 26, 45–47].

³ По нумерации К. Кодоньер.

⁴ Напр., лемма № 83 [16 с. 124]. Ср.: [18 с. 82].

⁵ В используемом здесь классическом издании У.М. Линдсея отсутствует нумерация страниц.

Однако леммы, касающиеся различия языческих и христианских практик (№ 319, 320, 323), самые показательные. Так, в 319-м различии Исидор объясняет разницу между *sacrificium* (жертвоприношением) и *hostiam* (жертвой), подчеркивая, что таково было древнее различие [16 с. 226]. В следующей лемме Исидор разграничивает глаголы *libare* (возливать) и *inmolare* (приносить жертву). Рассматриваемые Исидором слова и даваемые им объяснения в целом отражают древнеримские практики жертвоприношения. Но последние для Исидора – явление прошедших времен. Противопоставляя древние обычаи христианской современности, он использует глагол в настоящем времени и местоимение «мы» (*nos*), которое ставит логическое ударение и еще больше усиливает противопоставление [16 с. 228].

В лемме № 323 проводится различие слов, приобретших христианское значение: *oracula* и *delubra* [16 с. 228]. Используя имперфект и наречие времени (*prius*), Исидор говорит, что раньше эти места не имели алтарей, так что существовали только святилища, а не храмы. За разбираемыми терминами стоят конкретные реалии времени Исидора. Под словом *oraculum* подразумевается, судя по всему, определенный вид молебни, под *delubrum* – баптистерий [24 с. 317, 742]. Хотя сочинения Исидора не позволяют предложить определенной трактовки, такие баптистерии в виде отдельных построек или, чаще, пристроек известны по археологическим данным [25 с. 295].

Также временными маркерами выступают такие слова, как *vetus* (*discretio*), *veteres* и *antiqui*. Все они, если не касаются ветхозаветной истории, являются синонимами для слова *pagani* (язычники) [26 с. 15]. Какие конкретно авторы скрываются за этими обозначениями, сказать трудно, поскольку для лишь немногих лемм, имеющих эти слова, установлены однозначные источники (например, № 13 – комментарий к «Энеиде» Вергилия). Тем не менее с определенной долей уверенности можно утверждать, что это не грамматики, которых он цитирует, а те авторы, которых комментируют они, то есть, по большей части, школьные авторы (Теренций, Цицерон, Саллюстий, Вергилий, Гораций и др.). Вполне возможно, что по большей части из них и проходит воображаемая граница между условным прошлым и условным настоящим, тем более что время их жизни попадает примерно на рубеж пятого и шестого возраста мира по Исидору [13 с. 286–287].

Значительная же часть лемм в «Дифференциях» не имеет специального временного разграничения, но тем не менее коррелирует с эпохой Исидора. Так, слова, отобранные по фонетическому прин-

ципу⁶, соответствовали реальному произношению того времени [27 с. 84]. Касается это и рассматриваемых политических и юридических понятий, а также явлений материальной культуры.

Город в первой книге «Дифференций»

Общеизвестно, что античный город – важнейшая особенность греко-римской цивилизации, поэтому для темы статьи принципиальное значение имеют соответствующие сведения в рассматриваемом источнике.

Как демонстрирует лемма № 329 [16 с. 234], для Исидора сохраняется принципиальное различие между *civitas* и *urbs*, существовавшее еще в классической античности [28 с. 143–144]. *Civitas* – это именно община, поэтому она синонимична народу (*populus*) [24 V.5.1, IX.4.6]. *Civitas* оставалась единицей административно-территориального деления, а представители короля в городах, комиты, именовались *comites civitatum*, не говоря уже о том, что епископии совпадали с границами *civitates* [29 *passim.*, 30 с. 263–266, 326–328, 31 с. 142–145]. Лемма № 336 проводит различие между словами «курульный» и «куриал», называя последнего публичным должностным лицом [16 с. 234]. Куриалы – члены местного муниципального совета (*curia*), отвечавшие за общественную и хозяйственную жизнь города, включая сбор налогов, охрану порядка, благоустройство города, устройство местных праздников. Кризис городской системы самоуправления, начавшийся в Римской империи еще с III–IV вв., привел к упадку данного института [32 с. 737–757]. Тем не менее Исидор застал функционировавшую муниципальную систему: упоминания о куриалах встречаются еще в начале VII в. и доходят минимум до середины столетия, что подтверждают рассматриваемые фрагменты и другие источники (например, закон V.4.19 из «Вестготской правды» [22 р. 224–225], 23-я глава «Жития св. Эмилиана» [33 с. 24], 21-я и 25-я вестготские формулы [34 с. 94–95, 98–99]). Круг их полномочий сильно сузился, но в целом они были ответственны за налоги, а также заверение и регистрацию частноправовых актов [35 с. 61–62, 36 с. 197].

Другой пример – лемма № 457, касающаяся устройства города [16 с. 288]. Это небольшое описание соответствует реальной ситуации. Несмотря на ряд трансформаций, связанных с христианизацией и изменением структуры власти в *civitas*, где первыми лицами

---

⁶ Леммы № 301, 303, 307, 310, 312, 322, 354, 361, 379, 408–411, 429, 431, 459, 460, 477.

становятся епископы и комиты, а также деструктивными тенденциями главным образом в жилищном строительстве, в вестготскую эпоху и при жизни Исидора испанский город остается в основе своей античным, поэтому приведенные им данные не являются просто демонстрацией знания «древностей». Так, основанный Леовигильдом в 578 г. Рекополис был построен по предварительному регулярному плану, в том числе были проложены две главные улицы, от которых протянулась остальная уличная сеть. Они соотносимы с *plateae*, рассматриваемыми в лемме № 457. Жилые кварталы, нарезанные сетью небольших дорог, были здесь также построены по регулярному плану [37].

Заключение

Анализ первой книги «Дифференций» позволяет найти ту грань, по которой проходил водораздел прошлого и настоящего в представлении Исидора Севильского. Эта граница прошла задолго до падения Западной Римской империи: для севильского епископа античный период не заканчивался. Окружавший его мир, несмотря на всю изменчивость, сохранял многие свои фундаментальные основы: от языка и принципиальных концептов (частично поменявших свое наполнение, частично нет) до социальных институтов и отдельных его материальных проявлений (античный город). Сказанное позволяет, таким образом, говорить, что культура Толедского королевства первой трети VII в. являлась локальным продолжением греко-римской цивилизации периода Поздней Античности. Поэтому говорить о рецепции античности (по крайней мере, в узком смысле слова [38 с. 484–485]) применительно к Исидору, как и об исключительно «антикварном» характере его сочинений, представляется некорректным: «первый энциклопедист Средневековья» был одним из последних представителей эпохи христианской античности.

Литература

---

1. *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья: конец V – середина VII в. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 320 с.
2. *Madoz J.* San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León: Centro de Estudios e Investigaciones S. Isidoro, 1960. 230 p.
3. *Cazier P.* Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Paris: Beauchesne, 1994. 329 p.

4. *Pérez de Urbel J.* San Isidoro de Sevilla. Su vida, su obra y su tiempo. León: Universidad de León, 1995. 288 p.
5. *L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique / Ed. par J. Fontaine, C. Pellistrandi.* Madrid: Casa de Velázquez, 1992. 446 p.
6. *Diesner H.-J.* Isidor von Sevilla und seine Zeit. Stuttgart: Calwer, 1973. 83 S.
7. *Diesner H.-J.* Isidor von Sevilla und das westgotische Spanien. Trier: Spee, 1978. 127 S.
8. *Churruga J. De.* Instituciones de Gayo en san Isidoro de Sevilla. Bilbao: Publicaciones de la Universidad de Duesto, 1975. 153 p.
9. *Lozano Sebastián F.* San Isidoro y la filosofía clásica. León: Isidoriana-Editorial, 1982. 278 p.
10. *Fontaine J.* Tradition et actualité chez Isidore de Séville. London: Variorum reprints, 1988. 336 p.
11. *Velázquez Soriano I.* Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño: Fundación San Millán de la Cogolla, 2003. 631 p.
12. *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. In 3 vols. Paris, 1983. 1242 p.
13. *Bassett P.M.* The Use of History in the Chronicon of Isidore of Seville // *History and Theory.* 1976. № 3 (15). P. 278–292.
14. *Borst A.* Das Bild der Geschichte in der Enzyklopädie Isidors von Sevilla // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1966. № 22. S. 1–62.
15. *Мареў Е.С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представление о праве и правосудии. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 278 с.
16. *Isidorus Hispalensis.* Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum I // *Isidoro de Sevilla. Diferencias Libro I /* Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992. P. 84–301.
17. *Maurus Servius Honoratus.* In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / *Recensuerunt G. Thilo et H. Hagen.* Vol. 1, pt. 1. Lipsiae: B.G. Teubneri. 1881. 458 p.
18. *Oxford Latin Dictionary.* Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.
19. *Isidorus Hispalensis.* Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / *Ed. W.M. Lindsay.* Oxonii: F. Typographeo Clarendoniano, 1911. 2 vols.
20. *Блох И.* История проституции. Т. 1 / *Пер. с нем. П.И. Лурье-Гибрман.* СПб.: К.Л. Риккер, 1913. 716 с.
21. *Робер Ж.-Н.* Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений / *Пер. с фр. Т.А. Левиной.* М.: Молодая гвардия, 2006. 245 с.
22. *Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica: Legum Sectio I: Leges nationum Germanicarum.* Т. 1. Hannoverae; Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hanniani, 1902. S. 33–464.
23. *Brundage J.A.* Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago; London: University of Chicago Press, 1987. 674 p.

24. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus* / Ed. by J.F. Niermeyer. Leiden: Brill, 1976. 1138 p.
25. *Macias Solé J.M.* Tarracona visigoda. ¿Una ciudad en declive? // *Recópolis y la ciudad en la época visigoda*. Madrid: Museo Arqueológico Regional, 2008. P. 293–301. (Zona Arqueologica 9)
26. *The Etymologies of Isidore of Seville* / Transl., with introduction and notes by S.A. Barney et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 475 p.
27. *Wright R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. 322 p.
28. *Фюстель де Куланж Н.Д.* Гражданская община древнего мира. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1906. 459 с.
29. *Kulikowski M.* Late Roman Spain and Its Cities. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 489 p.
30. *García Moreno L.A.* Historia de España visigoda. Madrid: Ediciones Cátedra, 1989. 390 p.
31. *Orlandis J.* Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: PIALP, 2003. 461 p.
32. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602: a Social Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxford: Basil Blackwell and Mott Ltd, 1964. 523 p.
33. *Braulio Caesaraugustanus.* Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emilianii / Ed. crit. por L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943. 41 p.
34. *Formulae Wisigothicae* // *Miscellanea Wisigothicae* / Ed. por J.Gil. Sevilla: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1972. P. 70–112.
35. *Ауров О.В.* Государство и право в Королевстве вестготов (Тулудский и Толедский периоды) // *Вестготская правда (Книга приговоров): Латинский текст. Перевод. Исследование* / Под ред. О.В. Аунова, А.В. Мареев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 60–95.
36. *Клауде Д.* История вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002. 288 с.
37. *Olmo Enciso L.* Recópolis: una ciudad en una época de transformaciones // *Recópolis y la ciudad en la época visigoda*. Alcalá de Henares, 2008. P. 41–62.
38. *Словарь античности: Пер. с нем. / [Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне]; под ред. В.И. Кузищина и др. М.: Прогресс, 1989. 704 с.*

References

---

1. Ukolova VI. The Antique Heritage and the Early Medieval Culture in Western Europe from the beginning of the 5th to the middle of the 7th century. Moscow: LKI Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)
2. Madoz J. San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León: Centro de Estudios e Investigaciones S. Isidoro, 1960. 230 p.
3. Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Paris: Beauchesne, 1994. 329 p.

4. Pérez de Urbel J. San Isidoro de Sevilla. Su vida, su obra y su tiempo. León: Universidad de León, 1995. 288 p.
5. L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique / Ed. par J. Fontaine, C. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 1992. 446 p.
6. Diesner HJ. Isidor von Sevilla und seine Zeit. Stuttgart: Calwer, 1973. 83 S.
7. Diesner HJ. Isidor von Sevilla und das westgotische Spanien. Trier: Spee, 1978. 127 S.
8. Churruca J. De. Instituciones de Gayo en san Isidoro de Sevilla. Bilbao: Publicaciones de la Universidad de Duesto, 1975. 153 p.
9. Lozano Sebastián F. San Isidoro y la filosofía clásica. León: Isidoriana-Editorial, 1982. 278 p.
10. Fontaine J. Tradition et actualité chez Isidore de Séville. London: Variorum reprints, 1988. 336 p.
11. Velázquez Soriano I. Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño: Fundación San Millán de la Cogolla, 2003. 631 p.
12. Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. In 3 vols. Paris, 1983. 1242 p.
13. Bassett PM. The Use of History in the Chronicon of Isidore of Seville. *History and Theory*. 1976;3:278-92.
14. Borst A. Das Bild der Geschichte in der Enzyklopädie Isidors von Sevilla. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1966;22:1-62.
15. Marey ES. Encyclopaedist, theologian, lawyer: Isidore of Seville and his ideas of the law and the justice. Moscow: Russian Foundation for the Education and Science Publ., 2014. 278 p. (In Russ.)
16. Isidorus Hispalensis. Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum I. In: *Isidoro de Sevilla*. Diferencias Libro I. Paris: Les Belles Lettres, 1992. p. 84-301.
17. Maurus Servius Honoratus. In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Recensuerunt G. Thilo et H. Hagen. Vol. 1, pt. 1. Lipsiae: B.G. Teubneri. 1881. 458 p.
18. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.
19. Isidorus Hispalensis. Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. In 2 vols. / Ed. W.M. Lindsay. Oxonii: F. Typographeo Clarendoniano, 1911.
20. Bloch I. The history of prostitution. Sankt-Peterburg: K.L. Rikker Publ., 1913. 716 p. (In Russ.)
21. Robert JN. Daily life in ancient Rome through the lenses of a pleasure. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 245 p. (In Russ.)
22. Leges Visigothorum. V. *Monumenta Germaniae Historica*: Legum Sectio I: Leges nationum Germanicarum. T. 1. Hannoverae; Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hanniani, 1902. S. 33–464.
23. Brundage JA. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago; London: University of Chicago Press, 1987. 674 p.
24. Mediae Latinitatis Lexicon Minus / Ed. J.F. Niermeyer. Leiden: Brill, 1976. 1138 p.

25. Macias Solé J.M. Tarracona visigoda. ¿Una ciudad en declive? V: *Recópolis y la ciudad en época visigoda*. Madrid, 2008. P. 293–301. (Zona Arqueologica 9)
26. The Etymologies of Isidore of Seville. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 475 p.
27. Wright R. Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. 322 p.
28. Fustel de Coulanges ND. The Ancient City. Sankt-Peterburg: B.M. Wolff Тип. Publ., 1906. 459 p. (In Russ.)
29. Kulikowski M. Late Roman Spain and Its Cities. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 489 p.
30. Garcia Moreno LA. Historia de Espana visigoda. Madrid: Ediciones Cátedra, 1989. 390 p.
31. Orlandis J. Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: Pialp, 2003. 461 p.
32. Jones AHM. The Later Roman Empire, 284–602: a Social Economic and Administrative Survey. Oxford: Basil Blackwell and Mott Ltd, 1964. 523 p.
33. Vazquez de Parga L., ed. Braulio Caesaraugustanus. Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani. Madrid, 1943. 41 p.
34. Formulae Wisigothicae. V: Gil J., ed. *Miscellanea Wisigothicae*. Seville: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1972. P. 70–112.
35. Aurov OV. The state and the law in the Visigothic Kingdom (Toulouse and Toledo periods). V: Aurov OV, Marey AV, eds. *The Visigothic Code (Book of the Judges)*. Moscow: Russian Foundation for the Education and Science Publ., 2012. p. 60-95 (In Russ.)
36. Claude D. A History of the Visigoths. Sankt-Peterburg: Eurasia Publ., 2002. 288 p. (In Russ.)
37. Olmo Enciso L. Recópolis: una ciudad en una época de transformaciones. In: *Recópolis y la ciudad en la época visigoda*. Alcalá de Henares, 2008. p. 41-62.
38. Kuzishchin VI., ed. A Dictionary of Antiquity. Moscow: Progress Publ., 1989. 704 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил Ю. Биркин, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 127051, Лихов пер., д. 6, стр. 1; mbirkin@gmail.com

Information about the author

Mikhail Yu. Birkin, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Likhov line, Moscow, 127051, Russia; mbirkin@gmail.com

УДК 94(44)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-217-229

«Английская Нормандия» первой половины XV в.

Виктория А. Бароне

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, victoria_barone@mail.ru*

Аннотация. В 1417–1419 гг. в ходе возобновившейся Столетней войны англичане завоевали Нормандию и установили в герцогстве независимую от остальной Франции администрацию. Вместе с английским военным присутствием она просуществовала здесь до середины XV в. Применительно к процессу завоевания Нормандии англичанами и установления длительного английского господства на территории герцогства в историографии используется выражение «английская оккупация». Целью статьи является на материале средневековых документов показать, насколько «английской» и «оккупированной» областью была в рассматриваемое время Нормандия.

Ключевые слова: Англия, Франция, герцогство Нормандия, Столетняя война, завоевание, оккупация

Для цитирования: Бароне В.А. «Английская Нормандия» первой половины XV в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 217–229. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-217-229

The “English Normandy” of the first half of the 15th c.

Victoria A. Barone

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
victoria_barone@mail.ru*

Abstract. In 1417–1419 during the resumed Hundred Years War the English have won Normandy and have established in the duchy an independent from the rest of France administration. Together with the English military stay it has existed here until the middle of the 15th century. As to the process of the conquest of Normandy by the English and establishment of long-term English domination in the duchy territory the expression “occupation” is quite often used in the modern historiography. The aim of the article is on the material of medieval documents to show how much “English” and “occupied” area was Normandy during considered time.

Keywords: England, France, the duchy of Normandy, the Hundred Years War, conquest, occupation

For citation: Barone VA. The “English Normandy” of the first half of the 15th c. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;10:217-29. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-217-229

Введение

Особое место в истории Столетней войны – самого длительного вооруженного конфликта эпохи Средневековья – занимают события, связанные с английским завоеванием Нормандии в начале XV в. и установлением длительного военного присутствия англичан в герцогстве.

Эта проблема вызывает чрезвычайно оживленную полемику в историографии. Французские авторы в основной своей массе представляли Нормандию рассматриваемого времени зоной действительного влияния англичан. Они пытались доказать наличие в герцогстве английской власти и реального английского господства. Британские исследователи, наоборот, писали о том, что английская монархия не стремилась к тому, чтобы насадить свое главенство в провинции. Она преследовала, в первую очередь, созидательные задачи, поэтому проводила политику, которая отставивала основы французской, а не английской государственности в Нормандии. Следствием подобных взглядов стали различные термины, которые употребляют историки для характеристики «политического строя», установившегося в герцогстве. Французские авторы еще со времен «патриотической школы» конца XIX – начала XX в. используют, как правило, выражение «английская Франция» [1–6], в современных англоязычных исследованиях доминирует словосочетание «Ланкастерская» Нормандия [7–11]. По-разному оценивается также характер завоевания Нормандии англичанами и влияние «иностранный оккупации» на жизнь местного населения.

В источниках как английского, так и французского происхождения применительно к этим вопросам употребляются одни и те же выражения, разница делается лишь в адресате. Авторы пишут о завоевании (“conquest”, “conquerir”) и оккупации (“occupation”, “occuper”) Нормандии и ее городов, когда имеют в виду противника, и об отвоевании или возвращении герцогства (“reconquest”, “reconquerir” и “recouvrement”, “recouvrer”), когда говорят о собственных военных операциях на севере Франции. В настоя-

шей работе мы будем использовать как некоторую условность термины «завоевание», «английское присутствие» и «английское господство» в Нормандии.

Основными нашими источниками были «письма помилования» (“lettres de remission”), в которых король Англии объявлял о своем прощении различным категориям правонарушителей, включая политических преступников, акты и распоряжения Генриха V и наместников Генриха VI во Франции, хозяйственная документация [12–17]. Проведенный анализ содержащихся в них данных позволяет по-новому взглянуть на сущность феномена «английской Нормандии» и таким образом ответить на один из центральных вопросов, составляющих основу разногласий английской и французской историографических школ. Существуют несколько ракурсов, или уровней, восприятия этой проблемы. Один из них предполагает анализ с точки зрения организации управления Нормандией при англичанах, то есть характера деятельности английского административного аппарата – непосредственного проводника королевской политики в герцогстве. Другой (но не последний) уровень – через локальную историю, с позиций местного населения – позволяет увидеть, как складывалась жизнь нормандцев при англичанах, каковы были отношения завоевателей и завоеванных, как протекали будни «оккупированной» провинции. Думается, в конечном итоге это поможет скорректировать представление об «английской» и «оккупированной» Нормандии в указанное время.

Администрация англичан в Нормандии

Управление Нормандией при англичанах осуществлялось с помощью французских органов власти. Завоевав герцогство, Генрих V не стал ничего перестраивать. Он сохранил в Нормандии уже существующие институты и восстановил те, что были упразднены при Капетингах. Так, в Руане были учреждены Канцелярия и Совет Нормандии – верховный апелляционный суд герцогства, в ведении которого находились дела, раньше подлежащие юрисдикции Парижского парламента. В 1419–1420 гг. по инициативе Генриха V был восстановлен пост сенешаля Нормандии, который возглавлял гражданскую и военную администрацию области. Была создана должность адмирала провинции и реорганизован Суд Шахматной доски, который из делегации Парламента и Счетной палаты Парижа, ежегодно приезжающей в Нормандию на время, превратился в высший орган судебной власти герцогства.

Фискально-расчетными функциями в области располагала специально созданная Счетная палата. В Нормандии была сохранена отдельная финансовая администрация под управлением казначея и главного сборщика налогов, а также возрождены Штаты, которые не собирались с 80-х гг. XIV в. В 1431 г. в Кане был организован юридический факультет, на базе которого впоследствии возник Канский университет [18 с. 108–111, 19 с. 312–313, 20 с. 553–574]. Таким образом, с точки зрения существовавших ранее, реорганизованных и вновь воссозданных институтов в Нормандии не было ничего специфически английского.

Административный персонал Генрих также не тронул: местные чиновники, виконты и наместники бальи, представляющие судебную власть в герцогстве, остались на своих местах [21 с. 41–43, 52]. Даже в органах центральной власти здесь преобладал французский или, точнее, нормандский элемент [1 с. 17–18, 22 с. 37], поэтому жители «английской Нормандии» имели дело в основном только с представителями собственной «национальности». Власть и правление англичан в Северной Франции ассоциировалась для них с деятельностью чиновников-французов, соответственно и «английскую Нормандию» они не могли воспринимать в полной мере и сугубо английской. Не стоит также забывать, что на территории Нормандии по условиям договора в Труа действовали правовые и юридические нормы, обычаи и традиции Французского королевства. В ходу были французские монеты, официальным языком считался французский [14 с. 225–228].

Таким образом, политика Ланкастеров в отношении Нормандии не была, так сказать, чисто «английской». Вместе с тем, на примере восстановления Совета в Руане, создания Счетной палаты в Кане и некоторых других институтов видно, что английские власти целенаправленно проводили политику по отделению Нормандского герцогства от остального королевства.

Повседневная жизнь в Нормандии

Для того чтобы понимать, насколько «оккупированной» областью была в рассматриваемое время Нормандия, необходимо знать, как нормандцы жили при англичанах.

Оспаривая мнение, существующее во французской исторической литературе [19 с. 23–27], источники приводят немало примеров достаточно мирных отношений нормандцев с англичанами. Англичане и нормандцы вместе обедали в тавернах и трактирах, которыми владели в герцогстве как одни, так и другие. «Письма по-

милования» сообщают о Гийоме Галопине, цирюльнике из Бретвиля, который был в приятельских отношениях с Джоном ле Коуди, слугой Роберта Лэнсо, англичанина из гарнизона Серифонтена, поэтому часто бывал с ним в одной таверне. В текстах рассказывается о том, как англичане Томас Боуробс со слугой и Джонквин Эйван, слуга наместника капитана Арка, с компаньоном ели и пили в доме сержанта Робена Мале вместе со «многими людьми из Сен-Васа». По свидетельству ноябрьского «письма помилования» от 1426 г., англичане Гийом Ваствуд и Джордж Дарнфорт «вместе с другими английскими компаньонами» пили вино в таверне Сен-Жам-де-Беврона, которая принадлежала одному местному жителю, и т. д. [12 с. 26, 226–230, 257, 297, 393–394, 13 с. 60, 203].

Англичане ночевали в одних домах с нормандцами. В документах говорится об англичанине, который, следуя в г. Эксм, остановился в Мардии у своего знакомого, ремесленника Лорана дю Пора, потому что не мог идти дальше. По сообщению «письма помилования» от 3 марта 1428 г., английские солдаты спокойно останавливались на ночь у Жана ле Ке, жителя прихода Мормуйё. Повествуя об английской осаде Руана, источники показывают, как владелец таверны Пьер Колемар приютил у себя раненого англичанина, которого навещал Ричард Блефорд, камердинер регента Франции Джона Бедфорда, и др. [12 с. 21, 257, 13 с. 76–78, 187].

Англичане оказывали нормандцам помощь, которую иногда, правда, приходилось оплачивать. Так, в сговоре против Колена Мартена, жителя прихода Томвиля, согласно февральскому тексту от 1423 г., помимо Анри де Сошэ, Тома Блонделя, Жана ле Ба и Мишеля л'Апреди принял участие также некий англичанин из гарнизона Шербура. Поссорившись со своим кузенком, священником Мишелем ле Пурселем, «бедный булочник» Пьер ле Пурсель, судя по «письму помилования» от ноября 1428 г., обратился за помощью к своему приятелю Джону Оучорпу, «уроженцу нашего (Генриха VI. – В. Б.) королевства Англия», чтобы тот «оградил его от неприятностей со стороны священника». Два англичанина из гарнизона Берне охотно согласились помочь Тома Геру, который хотел отомстить своему брату, когда тот пообещал им показать место, где находится много золота, и т. д. [12 с. 38–41, 100–103, 322–325, 13 с. 118–121]. Несмотря на то, что помощь англичан нормандцам, как мы видим, далеко не всегда была искренней, самое главное, что жители герцогства не боялись обращаться за ней к завоевателям, а те, в свою очередь, отвечали им взаимностью.

Нормандцы поддерживали с англичанами торговые отношения. Так, в ноябре 1422 г., накануне праздника св. Мартина, трое

жителей прихода Сен-Круа-сюр-Бюши: Пьер Бертен, Жанно Ле Монье и Жаннотен Ле Февр – купили «по договорной цене» нескольких домашних животных у англичанина Джона Ле Бруна. Согласно октябрьскому «письму помилования» от 1424 г., Робен Обер, уроженец прихода Геркесаль в бальяже Алансон, был схвачен и ограблен бандитами по дороге на рынок, куда он ехал торговать селедкой, купленной у капитана Шамбре Джона Лэнгхема. Гийом Отен, торговец из Барантона, через своего слугу пытался продать трех лошадей англичанам из гарнизона Дамфрона, и т. д. [12 с. 6, 116, 164–165].

Англичане нередко брали нормандцев к себе на службу [23, 24]. Так, слугой английского рыцаря Рауля Тиссона, судя по «письму помилования» от 16 декабря 1433 г., был Колен Пезан, житель виконтства Кутанс. «В походах, которые тот предпринимал по нашему (Генриха VI. – В. Б.) приказу» Колен «очень часто, – подчеркивается в тексте, – находился с ним и на его службе» [15 с. 29–30].

Нормандцы и англичане с охотой проводили вместе свой досуг. Англичанин Джон Лоутон, как сообщают источники, вместе с нормандцами Винсеном Лувелем и Винсаном ле Февром принимал активное участие в играх жителей прихода Ламервиль. Нормандские медики, подобно хирургу из Руана Гийому Куломбелю, оказывали помощь не только местному населению, но также раненым англичанам [13 с. 21, 116–118]. Между англичанами и нормандцами пусть и нечасто, но случались браки.

Таким образом, как показывают источники, привычный уклад жизни основной массы населения герцогства с приходом англичан практически не изменился. В большинстве из приведенных случаев речь идет о жителях нормандских коммун, то есть сельских слоях общества. Новый режим воплощался для них лишь в смене сеньора, тогда как отношения между «завоевателями» англичанами и «завоеванными» нормандцами, судя по документам, могли быть и вполне мирными.

Другой характерной особенностью этого времени было то, что зачастую конфликтные ситуации, которые возникали между нормандцами и англичанами, напоминали скорее ситуации личной вражды и обиды, нежели были признаками сознательной борьбы населения герцогства против захватчиков. Так, судя по «письму помилования», датированному декабрем 1424 г., жители нормандского Шишбовиля совершили заранее продуманное убийство двух англичан из-за того, что те «причинили им много зла» – избивали, грабили и разоряли односельчан [12 с. 168–170]. В 1423 г., по воспоминаниям Гийома ле Метра, жителя Фалеза, несколько англичан ворвались к нему в дом и злостно его избивали,

потому что за несколько лет до этого Гийом пожаловался на их хулиганские выходы капитану города. Капитан Фалеза провел по этому поводу расследование и вынес решение о тюремном заключении своих солдат, поэтому, выйдя из тюрьмы, они вернулись к Гийому, чтобы расквитаться с ним [13 с. 89–91]. Согласно октябрьскому письму от 1424 г., причиной неоднократно возникающих конфликтов между Коленом дю Руа, портным из Мардиди, и англичанами из гарнизонов Эссе, Эксма и Берне была женщина, в которую Колен и «несколько из этих англичан» были влюблены [12 с. 118–120].

Итак, отношения между завоевателями-англичанами и завоеванными нормандцами в ряде случаев были обычными конфликтами на бытовой почве [12 с. 218–220, 226–230, 252–256, 262–264, 370–381, 13 с. 40–41, 164–165]. Несмотря на это, факты вызывающего поведения англичан в Нормандии, по мнению ряда исследователей, говорили в пользу точки зрения об оккупации Северной Франции англичанами [2, 25, 26]. Английские солдаты действительно относились к нормандцам как к покоренному населению, а к своей службе в Нормандии – как к средству наживы и максимального обогащения за счет чужой, завоеванной территории [8 с. VI, 27 с. 3–18, 28 гл. 2, 29 с. 34–53 и др.]. Такое отношение англичан к Нормандии было настоящей проблемой не только для жителей герцогства, которых они постоянно третировали своими набегами, но также для английских властей, которые предпринимали все усилия – правового, финансового и административного характера, чтобы остановить произвол английских солдат [14 с. 120, 145, 21 с. 52, 30 р. 11–12, 31 с. 195, 203].

Однако подобное поведение в условиях войны было свойственно не только англичанам. Мародерство и грабеж были явлением повсеместным. В меньшей степени, чем завоеватели-англичане, этим занимались и сами французы, примерами аморального поведения которых изобилуют указы Карла VII, хроники и полемические сочинения [18 с. 195–197, 198, 310–312, 317–318]. На наш взгляд, было бы неправильным рассматривать подобные действия англичан в качестве явного признака оккупации Нормандии. Такое поведение могло проявляться как в ходе оккупации, так и в рамках войны, которая не обязательно сопровождается оккупацией. Оно могло быть характерно как для оккупирующей стороны, так и для армии освобождения, будучи признаком крайней материальной заинтересованности солдат в войне, их отношения к войне как постоянному источнику дохода.

Заключение

Таким образом, правление Ланкастеров в Нормандии заключалось в том, что здесь были сохранены очень многие характерные черты северофранцузской области. С одной стороны, речь в данном случае шла об использовании англичанами достаточно унифицированной для европейских государств того времени системы феодальных институтов и учреждений. С другой – такая политика, на наш взгляд, объяснялась также тем, что английские монархи традиционно рассматривали Нормандию как свою исконную территорию, а себя считали ее законными сеньорами, которые чтят древние свободы и привилегии нормандцев. С этой точки зрения для жителей «оккупированной» Нормандии с приходом англичан мало что изменилось. Действительно, с их приходом Нормандия покрывается сетью гарнизонов, но, во-первых, эти гарнизоны предназначались не столько для контроля над местным населением, сколько для того, чтобы противостоять французам, солдатам Карла VII, а во-вторых, власть английских капитанов распространялась исключительно на их же собственных солдат. Они осуществляли лишь военное руководство вверенными им частями и никаким образом не касались гражданских вопросов. Этими вопросами занимался административный персонал герцогства, среди которого преобладали чиновники французского происхождения. Обычная жизнь нормандцев при англичанах также практически не изменилась, они вели свои повседневные дела, как и раньше.

Английская «оккупация» Нормандии выражалась также в том, что дома и земли сторонников Карла VII подвергались конфискации в пользу английской короны с последующей передачей в дар новым держателям. При этом конфискации подлежали земли и личное имущество только тех нормандцев, которые отказывались приносить клятву верности и сотрудничать с новыми властями, остальных же это не касалось. Население конфискованных земель (неконфискованных тем более) оставалось на своих местах, его никуда не переселяли, с тем чтобы отдать эти территории новым колонистам, поэтому земельные конфискации в герцогстве приводили по сути лишь к смене сеньора. При анализе «английской» и «оккупированной» Нормандии необходимо, как нам кажется, иметь этот фактор в виду.

Литература

1. *Petit-Dutaillis Ch.* Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422–1492). Paris: Tallandier, 1981. 490 p.
2. *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. Paris: Tallandier, 1981. 298 p.
3. *Contamine Ph.* La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. 1. Paris, 1988. P. 17–29.
4. *Leguai A.* «La France Bourguignonne» dans le conflit entre la «France Française» et la «France Anglaise» // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. 1. Paris, 1988. P. 41–52.
5. *Lewis P.S.* La «France Anglaise» vue de la «France Française» // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. 1. Paris, 1988. P. 31–39.
6. *Genet J.-Ph.* Le roi de «France anglaise» et la nation française au XV siècle // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne: Actes de colloque organisé par l'Université Paris-XII, 6–8 oct. 1993 / sous la direction de R. Babel et J.-M. Moeglin. Paris, Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1997. P. 39–58.
7. *Curry A.E.* The First English Standing Army? – Military Organisation in Lancastrian Normandy, 1420–1450 // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England. Gloucester: Sutton; Totowa: Rowman & Littlefield, 1979. P. 193–214.
8. *Allmand Ch.* Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450 // The Economic History Review. 1968. Vol. 21. № 3. P. 461–479.
9. *Allmand Ch.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. The History of Medieval Occupation. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press, 1983. 349 p.
10. *Keen M.H.* The End of the Hundred Years War: Lancastrian France and Lancastrian England // England and Her Neighbours, 1066–1453: Essays in Honour of Pierre Chaplais / Ed. by M. Jones, M. Vale. London: Hambledon Press, 1989. P. 279–311.
11. *Jones R.L.C.* 'Œuvres et réparations': the reasons for fortification in Lancastrian Normandy. Oxford, 1994. [Unpublished]
12. Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination anglaise (1422–1435), extraits des registres du Trésor des charters aux Archives nationales / Publ. par P. Le Cacheux. Paris; Rouen: A. Lestringant, 1907. Vol. 1. 445 p.
13. Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination anglaise (1422–1435), extraits des registres du Trésor des charters aux Archives nationales / Publ. par P. Le Cacheux. Paris; Rouen: A. Lestringant, 1907. Vol. 2. 436 p.

14. Chronique du Mont-Saint-Michel (1343–1468) publiée avec notes et pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et a la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise / Publ. par S. Luce. Paris: Librairie de Firmin Didot et cie, 1879–1883. Vol. 1. 322 p.
15. Chronique du Mont-Saint-Michel (1343–1468) publiée avec notes et pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et a la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise / Publ. par S. Luce. Paris: Librairie de Firmin Didot et cie, 1879–1883. Vol. 2. 348 p.
16. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. by J. Stevenson. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1864. Vol. 1. 638 p.
17. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. by J. Stevenson. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1864. Vol. 2. 576 p.
18. *Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328–1498). London: Putnam, 1967. 208 p.
19. *Perroy E.* La guerre de Cent Ans. Paris: Gallimard, 1945. 342 p.
20. *Rowe B.J.H.* The Estates of Normandy under Duke of Bedford, 1422–1435 // The English Historical Review. 1931. Vol. 46. P. 551–578.
21. *Newhall R.A.* Bedford's Ordinance on the Watch of September 1428 // The English Historical Review. 1935. Vol. 50. P. 36–60.
22. *Pollard A.J.* John Talbot and the War in France, 1427–1453. London: Royal Historical Society New Jersey: Humanities Press Inc., 1983. 166 p.
23. *Curry A.E.* The Nationality of Men-at-Arms serving in English Armies in Normandy and the pays de conquête, 1415–1450: A Preliminary Survey // Reading Medieval Studies. 1992. Vol. 18. P. 135–163.
24. *Бароне В.А.* Английская армия в Нормандии в первой половине XV в. // Человек и общество перед судом истории: сб. статей / Отв. ред. В.М. Володарский. М.: РГГУ, 2013. С. 77–114.
25. *Jouet R.* La resistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen: Musee de Normandie, 1969. 211 p.
26. *Goulay D.* La résistance à l'occupation anglaise en Haute Normandie (1435–1444) // Annales de Normandie. 1986. T. 36. P. 91–104.
27. *McFarlane K.B.* War, the Economy and Social Change. England and the Hundred Years War // Past and Present. 1962. Vol. 22. P. 3–18.
28. *McFarlane K.B.* The Nobility of the Late Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 1973. 315 p.
29. *Postan M.M.* The Costs of the Hundred Years' War // Past and Present. 1964. Vol. 27. P. 34–53.
30. *Newhall R.A.* Muster and review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge: Harvard University Press, 1940. 173 p.
31. *Rowe B.J.H.* Discipline in the Norman Garrisons under Bedford, 1422–1435 // The English Historical Review. 1931. Vol. 50. P. 194–208.

References

---

1. Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422–1492). Paris: Tallandier, 1981. 490 p.
2. Bourassin E. La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. Paris, 1981. 298 p.
3. Contamine Ph. La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité. V: *La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie*. T. 1. Paris, 1988. p. 17-29.
4. Leguai A. «La France Bourguignonne» dans la conflit entre la «France Française» et la «France Anglaise». V: *La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie*. T. 1. Paris, 1988. p. 41-52.
5. Lewis PS. La «France Anglaise» vue de la «France Française». V: *La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie*. T. 1. Paris, 1988. p. 31-9.
6. Genet JPh. Le roi de «France anglaise» et la nation française au XV siècle. V: Babel R., Moeglin J-M., dir. *Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne: Actes de colloque organisé par l'Université Paris-XII, 6-8 oct. 1993*. Paris, 1997. p. 39-58. Paris, Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1997. p. 39-58.
7. Curry AE. The First English Standing Army? – Military Organisation in Lancastrian Normandy, 1420–1450. V: *Patronage, pedigree and power in later medieval England*. Gloucester: Sutton; Totowa: Rowman & Littlefield, 1979. p. 193-214.
8. Allmand Ch. Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450. *The Economic History Review*. 1968;21-3: 461–479.
9. Allmand Ch. Lancastrian Normandy, 1415–1450. The History of Medieval Occupation. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press, 1983. 349 p.
10. Keen MH. The End of the Hundred Years War: Lancastrian France and Lancastrian England. V: Jones M., Vale M., eds. *England and Her Neighbours, 1066–1453: Essays in Honour of Pierre Chaplais*. London: Hambledon Press, 1989. p. 279-311.
11. Jones RLC. 'Œuvres et réparations': the reasons for fortification in Lancastrian Normandy. Oxford, 1994. [Unpublished]
12. Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination ang-laise (1422–1435), extraits des registres du Trésor des charters aux Archives national / Publ. par P. Le Cacheux. Paris–Rouen, 1907: A. Lestringant, 1907. Vol. 1. 445 p.
13. Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination anglaise (1422–1435), extraits des registres du Trésor des charters aux Archives national / Publ. par P. Le Cacheux. Paris–Rouen, 1907: A. Lestringant, 1907. Vol. 2. 436 p.

14. Chronique du Mont-Saint-Michel (1343-1468) publiée avec notes et pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et à la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise. Paris: Librairie de Firmin Didot et cie, 1879–1883. Vol. 1. 322 p.
15. Chronique du Mont-Saint-Michel (1343–1468) publiée avec notes et pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et à la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise. Paris: Librairie de Firmin Didot et cie, 1879–1883. Vol. 2. 348 p.
16. Stevenson J., ed. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1864. Vol. 1. 638 p.
17. Stevenson J., ed. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1864. Vol. 2. 576 p.
18. Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328–1498). London: Putnam, 1967. 208 p.
19. Perroy E. La guerre de Cent Ans. Paris: Gallimard, 1945. 342 p.
20. Rowe BJH. The Estates of Normandy under Duke of Bedford, 1422–1435. *The English Historical Review*. 1931;46:551-78.
21. Newhall R.A. Bedford's Ordinance on the Watch of September 1428. *The English Historical Review*. 1935;50:36-60.
22. Pollard A.J. John Talbot and the War in France, 1427–1453. London: Royal Historical Society; New Jersey: Humanities Press Inc., 1983. 166 p.
23. Curry AE. The Nationality of Men-at-Arms serving in English Armies in Normandy and the pays de conquête, 1415–1450: A Preliminary Survey. *Reading Medieval Studies*. 1992;18:135-63.
24. Barone VA. The English army in Normandy in the first half of the 15th century. V: Volodarskii VM., ed. *Man and society before the tribunal of history*: Coll. of articles. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2013. p. 77-114. (In Russ.)
25. Jouet R. La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen: Musée de Normandie, 1969. 211 p.
26. Goulay D. La résistance à l'occupation anglaise en Haute Normandie (1435-1444). *Annales de Normandie*. 1986;36:91-104.
27. McFarlane KB. War, the Economy and Social Change. England and the Hundred Years War. *Past and Present*. 1962;22:3-18.
28. McFarlane KB. The Nobility of the Late Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 1973. 315 p.
29. Postan MM. The Costs of the Hundred Years' War. *Past and Present*. 1964;27:34-53.
30. Newhall RA. Muster and Review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge: Harvard University Press, 1940. 173 p.
31. Rowe BJH. Discipline in the Norman Garrisons under Bedford, 1422–1435. *The English Historical Review*. 1931;50:194-208.

Информация об авторе

Виктория А. Бароне, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; victoria_barone@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Barone, PhD. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; victoria_barone@mail.ru

УДК 94(437.3)=411.16
DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-230-240

Еврейские общины Богемии и Моравии в эпоху Гуситских войн

Анна А. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anne_novikova@bk.ru*

Аннотация. В данной статье будет рассматриваться положение еврейских общин Богемии и Моравии в условиях чешской религиозной революции. Гуситские войны навсегда изменили регион Чешского королевства, и их отголоски ощущаются в том числе и в современной Чешской Республике. В XV в. события в этом регионе потрясли всю Европу, особенно христианскую ее часть. Конец папской схизмы совпал с превращением чешских общественных волнений в полноценную религиозную революцию, на подавление которой ушли десятилетия. Гуситские войны стали самым турбулентным периодом в истории независимого Чешского королевства. Требования гуситов содержали в себе идеалы толерантности и равноправия. Несмотря на это, еврейское население Богемии и Моравии сильно пострадало в период гусизма. Оно пострадало гораздо сильнее, чем в предыдущие годы общеевропейского преследования евреев во время эпидемий чумы. В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты отношений чешского еврейства с представителями различных течений гуситского движения, трансформация иудео-христианских отношений на территории Богемии и Моравии, а также последовавшие за гуситскими войнами экономические, социальные и культурные изменения. Особое внимание будет уделено политике изгнания евреев из крупных городов, не наблюдавшейся в Чешском королевстве в догуситский период.

Ключевые слова: Средневековье, иудаика, Богемия, Моравия, погромы, кровавый навет, гусизм, Гуситские войны

Для цитирования: Новикова А.А. Еврейские общины Богемии и Моравии в эпоху Гуситских войн // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 230–240. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-230-240

Jewish Communities of Bohemia and Moravia during Hussite Wars

Anne A. Novikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anne_novikova@bk.ru*

Abstract. This article will examine the position of Jewish communities in Bohemia and Moravia within circumstances of Czech religious revolution. Hussite wars have forever changed the region of Czech kingdom and their influence is felt today in the modern Czech Republic. In 15th century events in this region shocked the entire Europe, especially its Christian part. The end of papal schism coincided with transformation of Czech civil unrest into a full religious revolution which took decades to suppress. The Hussites wars became the most turbulent period in history of independent Czech kingdom. Demands made by hussites included the ideals of tolerance and equality. Despite that, Bohemian and Moravian Jewry suffered though the period. It suffered greater than during previous perilous era of prosecution during the Black Plague epidemic. This article will examine some aspects of relations between Czech Jewry and representatives of various parts of Hussite movement, the transformation of Judeo-Christian relations of Bohemia and Moravia, and the economic, social, and cultural changes that followed Hussite wars. Special focus of this article will be the policy of banishing Jews from prominent townships – a policy that was not enacted in Czech Kingdom in pre-Hussite era.

Keywords: Middle Ages, judaica, Bohemia, Moravia, pogroms, blood libel, hussism, Hussite wars

For citation: Novikova AA. Jewish Communities of Bohemia and Moravia during Hussite Wars. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:230-40. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-230-240

Введение

Положение еврейских общин в Чешском королевстве во время Гуситских войн было неоднозначным. В условиях роста напряженности иудео-христианских отношений в католическом мире евреи Богемии и Моравии оказались в затруднительном положении, находясь в самом центре крупнейшего христианского конфликта XV в.

Существует ряд источников, описывающих историю Богемии и Моравии и жизнь еврейских общин во время Гуситских войн. Среди самых известных средневековых хроник, освещавших события

XV в., следует отметить «Гуситскую хронику» Лаврентия из Бржезовой [1] и «Хронику королей Римских» Томаса Эбендорфера [2]. Также описание событий в Богемии и Моравии содержит «Пражская еврейская хроника» [3], чьим основным недостатком является то, что написана она спустя почти 150 лет после описываемых событий. Для репрезентации изменений в иудео-христианских отношениях и трансформации связи между властью и евреями будет использовано дело о даровании прав евреям во второй половине XV в. [Чешский губернский архив. Фонд Пражской губернии (993–1526). Д. 348 от 25 апреля 1466 г.].

Историография Гуситских войн достаточно обширна, но в то же время малое число работ сосредотачивается на положении еврейских общин в этот период. Среди основных исследователей иудео-христианских отношений в гуситский период следует назвать Г.П. Мельникова, О.В. Белову, В.Я. Петрухина, А.В. Рандина [4–8].

В этой статье автор попытается провести исследование именно иудео-христианских отношений на территории Богемии и Моравии в условиях периода трансформации чешского общества. Целью данной статьи является изучение положения еврейских общин в период гуситских войн. В задачи данной статьи входят изучение репрезентативных эпизодов, демонстрирующих изменения в иудео-христианских отношениях, рассмотрение исключительности обстоятельств принятия определяющих решений, а также анализ причин и последствий событий, изменивших иудео-христианские отношения в гуситский период.

Начало гуситского движения и его восприятие чешским еврейством

Вскоре после прибытия в Прагу приговоров магистру и богослову Яну Гусу и его стороннику Иерониму Пражскому, казненных 6 июля 1415 г. в Констанце за распространение ересей, в Чешском королевстве начались общественные волнения. Казнь магистра Гуса и Иеронима Пражского воспринимались как предательство со стороны Сигизмунда Венгерского, императора Священной Римской империи, пригласившего Гуса на собор и подписавшего ему охранную грамоту. Богословы Пражского университета вскоре объявили о несогласии с решением собора и намерении игнорировать его постановления. Среди недовольного чешского населения стали распространяться призывы к отказу от уплаты церковной десятины и ренты, после чего последовали нападения на церкви, церковные владения и священнослужителей. Эскалация от обще-

ственных волнений до религиозной революции проходила стремительно и не поддавалась контролю [5 с. 31–32].

Необходимо отметить, что евреи оказывали симпатию магистру Гусу начиная с его конфликта с пражским архиепископом Яном из Йенштейна 1403 г. [5 с. 28]. Антисемитская риторика архиепископа Яна резко контрастировала с проповедями магистра Гуса, не забывавшего о том, что важнейшие события, описанные в Библии, происходили на территории Израиля и что основные герои Священного Писания говорили на еврейском языке. Его слова формировали позитивный имидж проповедника в еврейской среде.

Начавшиеся после казни Яна Гуса общественное волнение и беспорядки сначала поддерживались чешскими еврейскими общинами. Возможно, гуситы воспринимались как родственная маргинализованная группа, подвергавшаяся нападениям со стороны официальной церкви. Известно как минимум об одном хвалебном прогуситском гимне, составленном еврейскими поэтами [6 с. 197]. Поддержка гусизма распространилась даже среди евреев, бежавших в Чехию из Франции и Германии.

Изменения в отношениях евреев и гуситов начались после раскола гуситского движения на умеренное крыло (утраквистов) и радикальное (таборитов). Чешское еврейство не считало возможным поддержать одно конкретное течение нового гусизма с учетом постепенного ухудшения отношения к евреям. Основой последующей дискриминации евреев стало их нежелание вмешиваться в сугубо христианский конфликт.

Конфликт между гуситами и католиками перерос в революцию в конце июля 1419 г., когда проповедь Яна Желивского закончилась дефенестрацией [1 с. 232–234] и убийством коншелов и представителей городской власти Ново-Места. Совершившийся акт насилия над представителями власти не поддержал и король Вацлав IV. Однако его кончина в середине августа того же года усугубила ситуацию, добавив династический кризис к числу уже существовавших.

После смерти Вацлава IV регентом стала его вдова, София Баварская. Вацлав IV не оставил прямого наследника, а королева-регент поддерживала кандидатуру Сигизмунда Венгерского, младшего брата ее покойного супруга. Сигизмунд был исключен из списка наследников чешского короля из-за конфликта за корону римского императора. Его кандидатура также не имела поддержки – евреи не желали видеть открытого сторонника политики Католической церкви на троне, а чехи воспринимали его как узурпатора.

Против королевы Софии и императора Сигизмунда начали собираться силы гуситов. По стране ходили слухи о том, что рим-

ский император приведет армии для разгрома гуситских церквей, и общественная паника вылилась в идею осады королевского замка. Королеву Софию «требовалось» сместить с престола, чтобы Сигизмунд оказался без поддержки со стороны наследницы Вацлава IV.

Ухудшение перспектив чешского еврейства после 1419 г.

Еврейская община Праги и все чешское еврейство оказалось в крайне трудной ситуации. Если Вацлав IV поддерживал еврейские общины и в его окружение входили видные еврейские ученые [4 с. 208], то Сигизмунд был циничным и прагматичным правителем, выжимавшим из подвластных ему еврейских общин средства на финансирование собственных проектов [4 с. 279]. Когда же конфликт перерос в осаду Пражского града, евреям пришлось сделать выбор. Они предпочли поддержать «легитимного» наследника – Сигизмунда – который наверняка казался им более приемлемым. Пражская еврейская община присоединилась к немецкому гарнизону рыцарей и держала оборону замка в августе–сентябре 1419 г. [1 с. 216].

Дальнейший поворот событий поставил чешское еврейство в еще более тяжелое положение. Сигизмунд передал чешские территории своему зятю Альбрехту IV, герцогу Австрийскому, в качестве приданого своей дочери. Альбрехт IV был вспыльчив и не питал каких-либо симпатий к евреям. После наступления в 1419–1420-х гг. гуситов на австрийские земли местные евреи были объявлены пособниками еретиков; 23 мая 1420 г. Альбрехт IV изгнал из Австрии всех евреев. Первым его требованием было крещение всех евреев Австрии. Отказавшихся от крещения сплавили вниз по Дунаю, предоставив Богу право решать их судьбу. Самых же богатых евреев Альбрехт заключил под стражу, а их имущество было тотчас передано казне. Еще жестче он расправился с еврейской общиной Вены – 12 марта 1421 г. Альбрехт IV объявил о вечном изгнании евреев из города; 55 евреев покончили жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки христианам, а оставшиеся – 92 мужчины и 120 женщин разных возрастов – были сожжены заживо на костре возле южных городских стен [2].

С угрозой правления Альбрехта IV в Богемии и Моравии следующий, 1421 г. оказался для чешского еврейства годом трагедий: крупная община в Хомутове была уничтожена таборитами, а кутногорская община была ограблена утравкистскими войсками [1 с. 195]. Описание этих событий описывается как в христианских,

так и в еврейских хрониках. Еврейское описание содержится в «Еврейской богемской хронике», созданной около 1615 г. [3] – спустя почти два века после описываемых событий. Христианское упоминание содержится в источнике, составленном гораздо ближе к произошедшим событиям – «Гуситской хронике» Лаврентия из Бржезовоя.

Крушение надежд, связанных с гуситским движением

Согласно «Гуситской хронике», 16 марта 1421 г. гуситские войска начали штурм города со всех сторон, пока велась воскресная служба. Оказавшись в городе, наступавшие пражане и табориты немедленно начали грабеж, обезумев от богатства Хомутова. В результате гуситского наступления все мужчины в городе были убиты, кроме 30, которым было поручено хоронить погибших. Еврейская община Хомутова оказалась уничтожена [1 с. 199].

Трагедия евреев Хомутова кардинально изменила иудео-христианские отношения в Чешском королевстве. Гибель общины в этот раз была вызвана не знакомыми еврейству кровавыми наветами и не в результате погрома. Община в Хомутове погибла от рук до этого поддерживаемых евреями гуситов, и в большинстве своем – чехов, от которых евреи не ждали подобных действий.

Следующими городами, пострадавшими от рук гуситов, где проживали крупные еврейские общины, были Зноймо и Часлав. Прибытие войска пражан в Часлав стало еще более тяжелым событием, так как изначально гуситское войско дало слово не разорять городских жителей. Войско запросило снаряжение и продовольствие, которое горожане согласились предоставить, но накануне Дня всех святых пражане вошли в город и опустошили дома чаславских евреев, отбирая все, что смогли найти и вынести.

Чаславские евреи избежали горькой участи общины в Хомутове, что отнюдь не улучшило положение евреев в Чешском королевстве и не оказало положительного влияния на иудео-христианские отношения. Они стали напряженными и убедили чешских евреев в том, что им не следовало рассчитывать на благосклонность гуситов. Романтизация гуситов в еврейской среде закончилась, и гуситы перестали выделяться среди всего остального христианского мира.

В 1426 г. Альбрехт IV разрешил городскому совету Йиглавы изгнать из города всех евреев под предлогом борьбы с поддержкой евреями гуситского движения. Насколько действительно йиглавские

евреи поддерживали гуситов и как именно они это делали, неизвестно [1 с. 261]. В 1430 г. из богемского города Эгера были изгнаны все евреи [1 с. 263]. В Эгере располагалась достаточно крупная еврейская община, к тому периоду насчитывавшая около 400 человек. Согласно более поздним хроникам, члены городского совета в Эгере выступили с жалобой на местных евреев, которые злостно уклонялись от службы в королевской армии.

Эгерское изгнание евреев привело к началу миграции евреев из крупных городов в деревни. Общины Брно, Оломоуц, Йиглава, Тржебич, Зноймо, Кромержиж и Угерске-Градиште стали уменьшаться, а в деревнях вокруг этих городов стали появляться мелкие еврейские поселения в 50–100 человек.

Примечательно, что моравское еврейство пострадало сильнее всего не от гуситов, а от католического населения уже в 1450-е гг. Влияние католиков в Моравии усилилось в период правления сына Альбрехта IV, Ладислава Постума, являвшегося сторонником решений официальной Католической церкви. Молодой король, родившийся вскоре после кончины отца и находившийся под регентством Йиржи из Подебрад, несмотря на юный возраст, пытался проводить самостоятельную политику. В 1454 г., используя предыдущие постановления отца в качестве прецедента, Ладислав приказал изгнать евреев из моравских королевских городов Брно, Зноймо и Оломоуц [6 с. 174]. Тем не менее в мелких городах, принадлежавших дворянам, положение евреев оказалось не таким плачевным.

Положение моравских евреев во второй половине XV в.

Моравские евреи также пострадали от распространения учений Иоанна Капистрано, францисканского проповедника, известного по всей Европе своим радикальным отношением к евреям [8 с. 96]. В славянские земли он был направлен папой Римским Николаем V для борьбы с ересями. По Моравии ему удалось совершить два отдельных тура, во время которых он произносил многочасовые проповеди. Речи Иоанна Капистрано были наполнены ненавистью к гуситам и евреям, которые оговаривались им на протяжении всей его жизни. Он открыто подстрекал христианское население Моравии к насилию над евреями и заявлял, что местные правители обязаны изгонять евреев из своих земель [8 с. 97].

В 1450-х гг. обострилось экономическое противостояние между евреями и христианами как в Богемии, так и в Моравии. Если

дворянство сохраняло и даже улучшало свое финансовое положение за счет секуляризации церковных земель или за счет участия в военных походах и местном управлении, горожане и некоторые сельские жители стали беднеть из-за жесткой конкуренции с евреями в разделяемых с ними областях производства. Когда было нарушено сообщение городов с деревнями, евреи быстро перекалифицировались в ремесленников, чтобы удовлетворить спрос на свои товары. Когда же ремесленники снова стали производить эти товары в нужном количестве и сообщение с городами было налажено, началось соперничество еврейских и христианских ремесленников. В Моравии, где евреи образовали множество мелких общин в радиусе 15–20 км от городов, из которых они были изгнаны, местное дворянство всячески стало поддерживать стремление евреев заниматься ремеслами, которыми они традиционно не занимались [Чешский губернский архив. Фонд Пражской губернии (993–1526). Д. 348 от 25 апреля 1466 г.].

В 1457 г. Ладислав Постум внезапно умер и престол Чешского королевства был предложен Йиржи из Подебрад уже не в качестве регента, но в качестве самостоятельного правителя. После 1458 г. моравские дворяне начали собирать с евреев, проживавших на территории их городов и деревень, «деньги на защиту» – Schutzgeld¹. На фоне роста напряженности между Прагой и Римом из-за обещания короля Йиржи сохранить за католическим дворянством занятые ими церковные земли чешское еврейство почувствовало себя достаточно безопасно, чтобы активнее интегрироваться в местное население.

В этот период активного развития чешские города преобразовались в крупные политические, экономические и социальные центры. До изгнания из королевских городов Богемии и Моравии евреи занимали в них важное положение, удовлетворяя запросы на ремесленные товары, выполняя функции банковских структур и устанавливая торговые связи внутри страны и с ближайшими соседями. Чешские евреи в 1450–1460-х гг. установили пути сообщения с Австрией, Венгрией и Польшей, которые обеспечивали постоянный приток товаров для производства текстиля и для животноводства. Восстановленные евреями торговые связи также на протяжении всех Гуситских войн помогали снабжать Чехию такими товарами роскоши, как специи.

---

¹ О практике «платы за покровительство» в Средневековье см. [8 с. 141].

Заключение

Постоянный подъем мелких еврейских общин во второй половине XV в. во время переселения в панские города показывает тесную связь еврейских общин и их благосостояния с подъемами и упадками Чешского королевства. Те панские города, которые предоставили убежище изгнанным из королевских городов евреям, в долгосрочной перспективе оказались в выигрышном положении. Позитивные отношения, которые общины имели с короной до начала Гуситских войн, перешли на уровень пана и общины. Паны были заинтересованы в стимулировании ремесленного производства, которое могли обеспечить переселяющиеся евреи, а евреям было необходимо более безопасное место для жизни. Именно подобное взаимодополняющее сосуществование стало залогом дальнейших позитивных иудео-христианских отношений.

В XV в. начала расти напряженность между евреями и христианами Богемии и Моравии из-за постоянно растущего числа евреев, занимавшихся ремеслами, традиционно являвшимися областью деятельности христиан. Конфликт интересов и высокая конкуренция между ремесленниками, чей труд являлся их единственным источником доходов, не мог не перерасти в разделение общества на «своих» и «чужих» в условиях ухудшающейся послереволюционной экономики. Религиозный элемент использовался как обоснование возникавших противоречий и конфликтов после каждого конкретного происшествия.

Еврейские общины Богемии и Моравии впервые в этот период истории оказались в ситуации конфликта с представителями власти практически исключительно при главенствовании радикальных ответвлений гуситского движения или Католической церкви в регионе. Таборитские погромы еврейских общин Хомутова и Чаславы являются репрезентативными конфликтами евреев со сторонниками гуситского движения, а изгнание евреев из королевских городов Моравии под влиянием проповедей Иоанна Капистрано является примером негативного влияния католического присутствия.

Иудео-христианские конфликты с применением насилия, как правило, заканчивались наибольшим числом жертв со стороны евреев, а участвовавшие в насилии христиане редко несли за это наказание. Одновременно с этим конфликты между еврейскими общинами и чешскими властями оставались редкими явлениями и, как правило, заканчивались после принятия решений, удовлетворявших обе стороны, но только в период самостоятельного существования Чешского королевства.

Литература

---

1. *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника / Пер. В.С. Соколова; отв. ред. С.А. Никитин. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 331 с.
2. *Thomas Ebendorfer*. *Chronica regum Romanorum* / Hrsg. von H. Zimmermann. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2003. 1249 S.
3. A Hebrew chronicle from Prague, c. 1615 / Ed. by A. David. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993. 106 p.
4. *Мельников Г.П.* Город и гетто: конфессиональные, этнические, экономические и социокультурные взаимоотношения в Праге в XIV – начале XVII в. // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1990. 102 с.
5. *Рандин А.В.* Этнические, конфессиональные, политические и социальные факторы в гуситском движении (некоторые этапы взаимодействия) // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1990. 102 с.
6. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.: Гешарим – Мосты культуры, 2008. 569 с.
7. Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура: Материалы международной научной конференции 27 апреля 2014 г. / Отв. ред. М.О. Мельдин, А.Н. Пилипенко. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2014. 395 с.
8. Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution / Ed. by R.S. Levy. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 828 p.

References

---

1. Nikitin S.A., ed. Laurentius of Březová. Hussite chronicle. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 331 p. (In Russ.)
2. Thomas Ebendorfer. *Chronica regum Romanorum*. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2003. 1249 S.
3. David A., ed. A Hebrew chronicle from Prague, c. 1615. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993. 106 p.
4. Melnikov G.P. City and ghetto. The confessional, ethnic, economic, and socio-cultural relationships in Prague in 16th – beginning of 17th centuries. V: *The Slavs and Their Neighbours: Ethno-Psychological Stereotypes in the Middle Ages*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1990. 102 p. (In Russ.)
5. Randin AV. Ethnic, confessional, political, and social factors in the Hussite movement (some stages in cooperation). V: *The Slavs and Their Neighbours: Ethno-Psychological Stereotypes in the Middle Ages*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1990. 102 p. (In Russ.)

6. Belova OV., Petrukhin VYa. "Jewish Myth" in the Slavic Culture. Moscow: Geshtarim / Mosty kul'tury Publ., 2008. 569 p. (In Russ.)
7. Meltsin MO., Pilipenko AN., eds. Jews of Europe and Middle East: history, sociology, culture. Proceedings of International scientific conference on April 27th, 2014. Sankt-Peterburg: Peterburgskii institut iudaiki Publ., 2014. 395 p. (In Russ.)
8. Levy RS., ed. Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 828 p.

Информация об авторе

Анна А. Новикова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; anne_novikova@bk.ru

Information about the author

Anne A. Novikova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; anne_novikova@bk.ru

УДК 94(460)(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-241-250

Рецензия на книгу:

Варьяш И.И. Сарацины под властью арагонских королей.

Исследование правового пространства XIV в.

СПб.: Евразия, 2016. 390 с.

Станислав Б. Беленький

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
sbelenky.92@mail.ru.*

Аннотация. В данной рецензии рассматривается книга И.И. Варьяш о мусульманском населении в Арагоне, их организации общества, параллельного христианскому, и взаимодействии с другим населением королевства и монархами. Особенно важна здесь специфика правовых отношений и связанных с ними религиозных, поскольку исламское право неотделимо от религии. В данном контексте важно рассмотреть не только вопросы межконфессионального диалога в Арагоне, но и то, как работала правовая система. Именно поэтому источниковая база об истории культуры во много состоит из нормативных документов, в которых, однако, из-за специфики есть данные и о более бытовых вопросах.

Автор рецензии пытается проследить, какие методы и источники использованы для относительно необычной постановки вопроса, а также подчеркнуть важность подобных исследований и на сегодняшний день. Кроме того, отдельно интересно использование методов анализа одиночных событий, «казусов» и что информация о них дает для понимания процессов куда большего масштаба. Обращение к одиночным небольшим событиям в данной монографии связано с информацией, заданной в источниках, а применяются к ним методы различных дисциплин, поскольку, без их привлечения, проблема не сможет стать раскрытой.

Ключевые слова: Испания, Арагон, ислам, Средневековье

Для цитирования: Беленький С.Б. Рецензия на книгу: Варьяш И.И. Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016. 390 с. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 241–250. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-241-250

Review: *Variash II*. The Saracens under the Power
of Aragonese King:
Research of the Legal Space in the 14th c.
St. Petersburg: Eurasia Publ., 2016. 390 p.

Stanislav B. Belen'kii

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; sbelenky.92@mail.ru*

Abstract. The central point of this review is a monograph of I.I. Variash about the muslim population of the Kingdom of Aragon and organization of its society which was developing parallel to the Christian one, and cooperation and interaction of that population with the rest of the population in the Kingdom as well as with monarchs. Particularly important here is the specificity of the legal and related religious relations, since Islamic law is inseparable from religion. In this context, it is important to consider a dialogue between different religious confessions in the Kingdom of Aragon but also the work of the legal system. That is why the source base of the seemingly cultural history is largely composed of normative documents, in which, however, because of the specifics, there is evidence of the more domestic life issues.

The author of this review tries to understand what methods and sources are used for the rather specific question and whether such surveys retain their importance nowadays. Besides, the use of methods for studying small, simple events, or "cases" and the fact that information on them can give us understanding processes much larger in scale are of particular interest. The importance of a small events in this monograph caused by the information given in sources themselves whereas the methods that are applied to them are those of various disciplines, because without attracting them, the issue can not become disclosed.

Keywords: Spain, Aragon, Islam, the Middle Ages

For citation: Belen'kii SB. Review: Variash II. The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14th c. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2016. 390 p. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:241-50. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-241-250

Введение

Монография Ирины Игоревны Варьяш [1] посвящена правовым аспектам истории мусульманского населения (так называемых мудархаров), находившегося под властью христианских правителей Арагонской короны, а также форм взаимоотношений мусульман

с христианским большинством, проявившихся в юридической сфере. Основным предметом исследования в книге является функционирование институтов мусульманского права, которому следовало религиозное меньшинство и которое составляло неотъемлемый элемент правовой системы Арагонской короны – феодальной монархии, сложившейся к середине XII в. и объединившей земли королевства Арагон и графства Каталония. К ним в 1238 г. присоединилось вновь завоеванное королевство Валенсия (которому уделяется особенно пристальное внимание в книге). В дальнейшем, в ходе средиземноморской экспансии, к землям Арагонской короны добавились также Сардиния, Сицилия, Южная Италия и некоторые другие владения, сделавшие это государство одним из наиболее значимых на латинском Западе эпохи Высокого и Позднего Средневековья.

Пестрое по своему этническому составу, культуре и моделям социальной организации, это государство, оставаясь, в первую очередь, пиренейским, вместе с тем сохраняло тесные политические и культурные связи с провансальскими и южноитальянскими мирами. Кроме того, в эпоху Высокого и Позднего Средневековья его неотъемлемой частью являлся мусульманский компонент, изучению которого, собственно, и посвящена монография.

Напомню, что в процессе Реконкисты под властью арагонских королей оказалось весьма многочисленное население, исповедующее ислам [2]. Оно включало и горожан, и крестьян-сарацинов, которые продолжали жить там, где их застало христианское завоевание. Их обширные земли, попав во власть правителей Арагонской короны, включались в систему королевских земель, а их население, соответственно, становилось вассалом последней. Мусульмане вносили различные платежи и несли разнообразные повинности, а кроме этого, по требованию своего сеньора-короля обязаны были нести также и военную службу. Соответственно, они получали определенные правовые гарантии, которые содержались в юридических памятниках, тщательно изученных И.И. Варьяш.

Для оценки сделанного ею необходимо отметить, что до появления ее книги в отечественной медиевистике полностью отсутствовали оригинальные монографические исследования, посвященные истории Арагонской короны, не говоря уже об истории арагонских мудехаров вообще и их права – в частности, а также о проблемах взаимодействия права исламского с «христианским». Тем более, что, как справедливо указывает И.И. Варьяш, такое исследование «могло бы обогатить наши представления об Исламе в целом, о его адаптивных способностях и об особенностях развития в условиях потери господствующего положения» [1 с. 7].

Помимо общей характеристики системы права арагонских мудархаров, автор монографии исследует проблему идентичности правовой традиции в условиях социально-политической и правовой трансформации. Шаг за шагом, последовательно опираясь на данные источников, И.И. Варьяш выясняет, каким образом и с помощью каких механизмов мусульманское право включалось в правовое пространство христианской монархии; как оно воспринималось властью, действительно ли обладало реальной автономией во внутренних делах; в какой форме и на каких основаниях происходило взаимодействие мусульманского права и королевского; как исламское право реагировало на непредусмотренные традицией конфликтные ситуации и изменилось ли оно при взаимодействии с иноверцами.

Очевидно, что несомненная научная актуальность проблематики монографии тесно переплетается с актуальностью культурной и политической, поскольку именно сейчас Европа и, в частности, Россия находятся в ситуации, когда диалог между христианством и исламом оказывается *conditio sine qua non* современной повестки дня.

Структурно монография состоит из введения, трех крупных глав, заключения и справочного аппарата. Во введении рассматривается общий исторический контекст, вокруг которого строится исследование взаимодействия исламского и христианского права, осуществляется постановка проблемы исследования и обосновывается его научная, культурная и политическая актуальность, а также объясняется введенный автором монографии специально для своей работы термин «правовое пространство». Она объясняет необходимость использования этого тем, что, во-первых, употребление термина «право» вызывает неминуемо путаницу, поскольку под этим словом могут скрываться совершенно разные явления. Так, поскольку право традиционного общества является многомерным и гетерогенным [1 с. 8], речь может идти о королевском или же каноническом праве, общем, праве мусульман и иудеев и т. д. Кроме этого, то же слово обозначает и индивидуальный интерес, например, короля, сеньора или какого-либо иного частного лица. Во-вторых, термин «правовое пространство» может заключать в себе и систему права, нормы писанные и неписанные, правовые представления и культуру, т. е. те категории, с помощью которых изучается регулирование общественных правовых отношений.

Источниковая база исследования включает «Книгу Сунны и Шариата мавров», судебник XV в., составленный на староваленсийском языке, «Законы мавров» (XIII в.), записи правовых обычаев городов, капитуляции, а также документальные источники – королевские грамоты, грамоты иных категорий должностных лиц и др.

Последней группе источников автор отвела значительное место в процессе своего исследования, тщательно изучив «казусы» и разобрав исключительные случаи. По словам исследовательницы, «данный подход, во многом использующий и методiku case-study, позволяет продемонстрировать не только богатство источникового материала, но и актуальность поставленной научной задачи...» [1 с. 12]. Тем более что, поскольку высшей властью для мусульманских общин-альхамов [3] являлся король, соответствующие королевские документы не только являются ценным источником, но и сохранились в значительно большем количестве, нежели остальные источники по этому вопросу.

Право мусульман в общей правовой системе Арагона в XIV в.

Первая глава книги («Шариат в правовом пространстве Арагонской короны XIV в.») касается вопросов мусульманского права валенсийских мудехаров как *res in se*. В качестве основного объекта исследования здесь выступает грамота, созданная в канцелярии короля Жоана в 1391 г. в ответ на прошение некоего мусульманина по имени Брафим Абенферре [1 с. 19]. Чтобы заставить звучать «голос источника», И.И. Варьяш прилагает и сам текст этого документа в переводе на русский язык. Поскольку изначальный спор между христианином и мусульманином шел о разводе и в связи с этим о дележе имущества, возникла проблема, связанная с отсутствием подобной нормы в королевском праве. Кроме того, речь шла о наследстве, но по непонятным причинам в тексте оно называется приданым. В итоге развернутое исследование этой грамоты оказывается своеобразным продолжением введения в проблематику работы, что подчеркивает и сама И.И. Варьяш: «В сущности, последующие разделы нашего исследования призваны дать исчерпывающую информацию по всем затронутым выше вопросам...» [1 с. 24].

В той же главе подробно исследуется источниковедческая проблематика, связанная с присутствием исламского права в королевских документах. Для достижения этой цели И.И. Варьяш отобрала комплекс политико-юридических документов, содержащих информацию об основных формах взаимодействия короны с мусульманскими подданными. Речь идет о привилегиях, дарованных как всем мусульманам королевства, так и отдельным общинам. Выбор данного источника обусловлен, кроме всего прочего, тем, что именно в нем содержатся сведения о том, что короли даровали

право мусульманам пользоваться своим законом, разрешали браки и разводы, обеспечивали необходимую охрану их имущества и т. д.

В этих текстах мусульманское право обозначается словами «*suna et lex sarracenoum*». В этих терминах видно, что законодатели, безусловно христиане, были знакомы с исламской традицией деления на Предание/Сунну и Закон. Тем не менее упоминание Сунны встречается чаще всего [1 с. 28]. И.И. Варьяш объясняет это тем, что сам термин подходил для обозначения исламского права лучше, поскольку через него выражалось прикладное с точки зрения короны значение права мавров, ибо ведущая роль в отправлении правосудия между ними была за Сунной. Но христианские законники лишали этот текст сакральности, оставляя за ним авторитет обычая или традиции. В связи с этим в христианских королевствах Сунна претерпела некое «обмирщение». Мусульманское право, которым по милости короля пользовались в альхамах, было встроено в иерархически упорядоченное правовое пространство христианских королевств. Во-вторых, оно обладало четко очерченной сферой действия. И основной вывод главы – это то, что право мусульман ни в коей мере не противопоставлялось «христианскому» ни властью, ни остальными подданными.

Шариат и королевское право – конфликт или сотрудничество?

Во второй главе («Принципы взаимодействия мусульманского права с королевским правом в Арагонской короне XIV в.») автор на столь же конкретных примерах говорит о том, на каких основах и каким образом строилось взаимодействие между правом мусульман и короной. Собственно, первые контакты в рамках правового пространства между мусульманами и короной уходили корнями в военные действия. Так, во время осады населенного пункта необходимо было урегулировать подданные отношения или же впоследствии даровать фуэро. Но необходимо отметить, что капитуляции, заключавшиеся между сарацинами и христианами в случае победы последних, оформлялись как двухсторонние договоры между королем и представителем сарацин, в результате чего последний становился одним из королевских вассалов. Поэтому монарх приобретал легитимную основу власти над мусульманином, поскольку, по словам автора, «исламское право с самого начала своего существования не ставило под сомнение политическую власть иноверца, если она опиралась на легитимно оформленный документ» [1 с. 99]. Соглашения также скреплялись устными клятвами.

В подобного рода документах (капитуляциях) решались следующие вопросы [1 с. 100–101]:

- право мусульман остаться жить в конкретном населенном пункте после христианского завоевания. Поскольку колонизация земель, захваченных у мавров христианами, не всегда оказывалась успешной или даже возможной, то проще было иметь дело с живущим там мусульманским населением, тем более что это хорошая возможность пополнить казну, обложив покоренных налогами;
- сохранение права за мусульманами на все их имущество, особенно если мавр желал уйти с покоренной территории;
- реализация правовой автономии мусульманских общин и возможность назначать своих судей («кади»). И.И. Варьяш отмечает, что в определенных случаях этим же словом именуют не только мусульманских, но и христианских судей; однако ответ на вопрос о причинах этого оставлен открытым, скорее всего, по причине отсутствия объяснений в источниках.

Существуют данные о делах, в которых истец и ответчик принадлежат к разным конфессиям и, соответственно, подвластны своим судам. В качестве одного из примеров подобного рода И.И. Варьяш приводит капитуляцию г. Тортоса [1 с. 101]. На основании изучения подобных казусов автор заключает, что диалог между христианами и мусульманами вполне допускался, но тем не менее право христианское и мусульманское не проявляли тенденции к сближению, хотя и оказывались в равном положении перед лицом короля. Однако в случае с капитуляцией Туделы известна норма, из которой следует, что в отдельных случаях обе правовые системы не просто взаимодействовали, но и переплетались. Земля становилась королевской, но право мусульман сохраняло свою силу, и обе части права «механически сочетались» [1 с. 102]. Впрочем, подобный пример сочетания разных правовых пространств относится к более раннему периоду. Позднее же корона внешне как будто бы вмешивалась во внутренние дела альхамов, назначая туда своих должностных лиц, но на самом деле это никоим образом не затрагивало основы той правовой автономии, которой обладали мавры.

Собственно, исламское право, будучи подчиненным по отношению к королевскому, не заменялось последним, а воспринималось как обычай или традиция в рамках уже существующего королевского права. Определенную роль здесь играло также то, что право мусульман не было кодифицировано и бытовало изустно. Тот же факт, что над мусульманами стоял король-иноверец, ничуть их не смущал, поскольку они, обращаясь в королевскую курию, искали то правосудие, которое признавало бы Сунну, и, таким образом,

именно в лице короля обретали гарант своих прав и свобод. При чем монарх принимал аргументацию с использованием Сунны как имеющую силу. И самый важный вывод, который делает И.И. Варьяш в этой главе, – это то, что принцип диалога, который часто встречается в текстах капитуляций и прочих документах нормативного характера, являлся не просто словами, но осуществлялся на практике, что доказывается на многочисленных примерах из конкретных источников.

Изменения шариата в Арагоне под влиянием королевского права

В главе III «Трансформация исламской традиции в правовом пространстве Арагонской короны XIV в.» автор говорит о тех изменениях, которые неминуемо претерпевало исламское право в процессе взаимодействия с правом королевским. Причинами этих изменений являлись разные факторы: подчинение шариата короне, встроенность администрации альхамов в общую систему управления в монархии, а также тот факт, что по политическим причинам шариат не мог реализовывать свои нормы полностью; кроме того, мусульманское население напрямую взаимодействовало с христианским [4 с. 35]. Трансформация правового пространства начинает проследиваться во введении новых норм, выработке принципов урегулирования последствий, а также в меняющемся поведении носителей права и формировании, что немаловажно, новой практики. При этом изменения переживала практика, поскольку сами нормы сохранялись в неизменном виде по той причине, что в условиях сосуществования с иноверцами возникала острая проблема сохранения идентичности, из-за чего правовая традиция мудархаров оказывалась последовательно консервативной.

В результате своего исследования И.И. Варьяш приходит к ряду значимых выводов. Во-первых, по ее наблюдениям, изучение правового пространства позволяет выйти на следующий уровень – проблематику эволюции средневекового права и ее особенностей, а также получить более обширные сведения об исламской правовой традиции. Во-вторых, оказывается, что исламское право было успешно интегрировано в правовое пространство Арагонской короны и сделало своим гарантом и защитником христианского короля. Кроме судопроизводства внутри альхамов, обращения мусульман в королевскую курию не требовали особых аргументов для учета Сунны и шариата,

что свидетельствует о «традиционности и аутентичности» правового сознания мусульман и христиан [1 с. 278–279]. В-третьих, мусульманское право обладало все же подчиненным статусом по отношению к праву королевскому.

В-четвертых, в результате взаимодействия с христианами и королевским правом шариат неминуемо претерпевал многочисленные изменения. Кроме того, возникла обширная сфера, которая не «покрывалась» шариатом вовсе. Тем не менее даже притом, что практика стала меняться, нормы не претерпевали видимых изменений, поскольку при взаимодействии с Другим возникала проблема самосохранения исламского права, ибо изоляция альхамов от остальной части населения не была полной.

Заключение

Структура исследования отвечает поставленной И.И. Варьяш задаче изучения проблемы функционирования исламского права в христианском государстве и является максимально логичной. Так, от описания шариата, которым пользовались в Арагонской короне (глава I), автор переходит к вопросам взаимодействия шариата с правом королевским, аргументированно подводя читателя к выводу о неминуемом диалоге и *convivencia* права мусульман и христиан и возможности их подчиниться правителю-иноверцу, а уже в последней главе речь идет о том, как и почему шариат трансформировался в ситуации, где он является не доминирующей системой, а подчиненной по отношению к королевскому праву.

Как уже говорилось, выводы автора основаны на исследовании значительного круга источников, которые по большей части фиксируют отдельные казусы. Кроме того, нельзя не отметить стремление И.И. Варьяш к «сохранению голоса источника»: те материалы, на которых разбираются определенные казусы, включены в работу, и каждый читатель сможет ознакомиться с этим самым источником. Методология работы носит выраженный междисциплинарный характер, поскольку включает не только изощренный лингвистический анализ сложных для перевода памятников, но и методы как «case studies», так и традиционной истории права.

Думается, что исследование И.И. Варьяш не только совершенно в научном плане, но и крайне значимо в контексте современного диалога христианского и мусульманского миров.

Литература

---

1. *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей: Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016. 390 с.
2. *Catlos B.A.* The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 449 p.
3. *Ferrer i Mallol M.T.* Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona: CSIC, 1988. 338 p.
4. *Ferrer i Mallol M.T.* Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona: CSIC, 1987. 427 p.

References

---

1. Variash II. The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14th c. Sankt-Peterburg: Evraziya Publ., 2016. 390 p. (In Russ.)
2. Catlos BA. The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 449 p.
3. Ferrer i Mallol MT. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle 14. Barcelona: CSIC, 1988. 338 p.
4. Ferrer i Mallol MT. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle 14. Segregació i discriminació. Barcelona: CSIC, 1987. 427 p.

Информация об авторе

Станислав Б. Беленький, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; sbelenky.92@mail.ru

Information about the author

Stanislav B. Belen'kii, postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; sbelenky.92@mail.ru

УДК 94(44)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-251-262

Письма Генриха де Гиза к Екатерине Медичи как источник по истории Религиозных войн во Франции

Марина В. Кущева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kusheva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу рукописных источников, вышедших из-под пера участника Религиозных войн во Франции Генриха Лотарингского, герцога де Гиза. В статье обосновывается важность изучения корреспонденции герцога для исследования его биографии и истории Религиозных войн. В качестве источника используются письма из собрания русского коллекционера П.П. Дубровского, хранящиеся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург). В нем содержится несколько десятков писем, освещающих историю гражданского конфликта конца XVI в. во Франции и деятельность семьи Гизов. Перу одного из ярчайших представителей этого рода, главе Католической лиги, Генриху (Анри) де Гизу, принадлежат десять писем этой коллекции. Ни одно из этих писем не издано, более того, они мало изучены и практически не используются исследователями. Учитывая то, что эпистолярное наследие герцога не очень обширно, эти документы представляют большой интерес. В статье подробно анализируется содержание двух посланий из данной коллекции. Это письма де Гиза королеве-матери Екатерине Медичи, написанные юным герцогом в 1566–67 гг. Они отражают его военную и политическую деятельность в этот период: поход в Венгрию и участие во Второй религиозной войне.

Ключевые слова: Религиозные (Гражданские) войны во Франции, Генрих (Анри) I де Гиз, Екатерина Медичи, корреспонденция, коллекция П.П. Дубровского

Для цитирования: Кущева М.В. Письма Генриха де Гиза к Екатерине Медичи как источник по истории Религиозных войн во Франции // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 251–262. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-251-262

Letters of Henri de Guise to Catherine de Medici as a source on the history of the French Wars of Religion

Marina V. Kushcheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kushcheva@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the handwritten sources, penned by participant of the French Wars of Religion Henri de Lorraine, duke of Guise. The article substantiates the importance of studying the letters of the duke for the study of his biography and the history of Wars of Religion. The source is the letters from the collection of the Russian collector P.P. Dubrovsky, stored in the Russian National Library (St. Petersburg). It contains several dozen of letters highlighting the history of the civil conflict of the late 16th century in France and the activities of the family de Guise family. Ten letters of that collection are written by one of the brightest members of the family, head of the Catholic League, Henri de Guise. None of these letters have been published, moreover, they have been little studied and are practically not used by researchers. Taking into the account that the duke's epistolary heritage is not very extensive, the documents are of great interest. The article analyzes in detail the contents of two letters from that collection. Those are the letters of de Guise to the Queen Mother, Catherine de Medici, written by the young duke in 1566–67. They reflect the military and political activities of Henry de Giese during that period, his campaign in Hungary and participation in the Second War of Religion.

Keywords: the French Wars of Religion, Henri I of Guise (Duc de Guise), Catherine de Medici, correspondence, collection of P.P. Dubrovsky

For citation: Kushcheva MV. Letters of Henri de Guise to Catherine de Medici as a source on the history of the French Wars of Religion. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10:251-62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-251-262

Введение

Генрих (Анри) Лотарингский, третий герцог де Гиз (1549–1588) – один из самых значительных персонажей французской и мировой истории, знаменитый участник Религиозных войн во Франции. Несмотря на постоянный интерес специалистов к этому периоду французской истории, особенно обострившемуся в последние десятилетия, одно из его главных действующих лиц, Генрих де Гиз, оказалось практически лишено внимания современ-

ных историков, в отличие от других, зачастую менее значительных персонажей. Исследования, специально посвященные ему, можно буквально пересчитать по пальцам, и в основном они носят научно-популярный характер [1, 2]. Одной из причин такого невнимания является, несомненно, сложность и неоднозначность фигуры Генриха де Гиза. Несмотря на цельность его личности, огромную популярность, переходящую в поклонение, среди людей разных сословий и убеждений, нам зачастую сложно понять и объяснить некоторые его действия и поступки, уже несколько веков вызывающие споры среди его немногочисленных биографов. Другой причиной является ограниченность имеющегося в нашем распоряжении круга источников. Историки из века в век описывают жизнь герцога де Гиза по нескольким мемуарам относительно близких к нему политических и военных деятелей, наиболее информативными из которых являются воспоминания Гаспара де Со, маршала Таванна, написанные на основе личных записок его сыном [3]. Дополнительными источниками служат донесения послов [4], а также несколько десятков его писем и корреспонденция его родственников, многие из которых были столь знамениты, что удостоились отдельных исследований. Например, издание писем его дяди, кардинала Лотарингского, предпринятое в 90-е гг. прошлого века Даниэлем Кюизиа, пролило свет и на некоторые темные пятна биографии его племянника – Генриха де Гиза [5]. Поэтому изучение личной и деловой переписки самого герцога представляет несомненный научный интерес.

Целью данной статьи является анализ двух писем герцога де Гиза из петербургской коллекции в контексте событий эпохи Религиозных войн.

Обзор корреспонденции герцога де Гиза

Рукописное наследие Генриха де Гиза представляет собой десятки писем, разбросанных по нескольким архивам Европы. Однако, если сравнить сохранившиеся письма третьего герцога де Гиза с документацией его отца, Франсуа де Гиза, или дяди, Шарля де Гиза, кардинала Лотарингского, можно сделать вывод, что он не отличался эпистолярной активностью своих старших родственников. С большой долей вероятности можно предположить, что далеко не все его письма сохранились. Существуют различные легенды и домыслы, в том числе представленные в художественной литературе, почему многие источники были утрачены. Есть предположение, что существовала переписка Генриха с Маргаритой Валуа, но она была

уничтожена, чтобы не компрометировать будущую королеву. Документальным подтверждением этого является единственное сохранившееся письмо Маргариты герцогу де Гизу, правда относящееся уже к позднему периоду их отношений [6 с. 293–294]. Многие документы по истории Религиозных войн были уничтожены во время самой Смуты, при Генрихе IV, и расхищены о время Французской революции. Часть из них попала в коллекцию П.П. Дубровского, но многие манускрипты были безвозвратно утрачены [7].

Достаточно большой комплекс корреспонденции герцога хранится в Отделе манускриптов Национальной библиотеки Франции, из них особый интерес представляют оригиналы трех детских писем принца Жуанвиля, будущего герцога де Гиза, своему отцу [BnF. Departement of Manuscripts. Collection Gaignières, vol. 348, f. 151, 153, 157: Letters of the little Guise; BnF. Département des manuscrits. Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610–1710). XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 419–421; XLVIII: Règnes de Henri III et Henri IV. 1588–1595. P. 1–4, 25, 28–31]. Некоторые короткие письма и записки содержатся в фондах Национального архива Франции, одно послание удалось обнаружить в Рукописном отделе Австрийской национальной библиотеки в Вене [Österreichische Nationalbibliothek. Sammlung von Handschriften und alten Drucken (HAN) Sammlung von Handschriften und alten Drucken Signatur: Autogr. 5/42–2: Heinrich I., Lothringen, Herzog, 1550–1588 [VerfasserIn]. Korrespondenz. 1584]. Однако далеко не все эти документы хорошо сохранились, некоторые находятся в плачевном состоянии и практически утрачены для исследователей. Один из наиболее значимых комплексов корреспонденции герцога, в том числе его переписка с испанским монархом, был опубликован еще в XIX в. французским историком Ж. де Крозом в его монографии, посвященной сложным и противоречивым отношениям Гиза, короля Филиппа II и дома Валуа [8]. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в фонде П.П. Дубровского содержатся десять посланий герцога [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автографы 51 № 24, 43–44, 92, 106–109, 117], которые благодаря усилиям русского коллекционера оказались практически не тронуты временем. Значительная часть писем написаны рукой самого герцога де Гиза, некоторые переписаны набело с приписками на полях. Наверху основного текста сотрудником канцелярии были сделаны резюме каждого письма. Одно послание частично зашифровано автором,

видимо номенклатором, очень похожим, а возможно идентичным шифру, использовавшемуся Марией Стюарт и Франсуа де Гизом¹. Хронологические рамки писем охватывают большой период жизни де Гиза – 1566–1587 гг.²

Учитывая количество сохранившихся писем де Гиза, коллекция в собрании П.П. Дубровского представляет особый интерес для исследователей. Это его письма королеве-матери Екатерине Медичи, о которых подробнее пойдет речь далее, одно послание королю и военная корреспонденция, например письмо губернатору Лимузена и заместителям в Шампани в период «Войны трех Генрихов» [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автографы № 106–107].

Помимо писем Генриха данная коллекция содержит множество писем других представителей семьи Гизов: Франсуа, второго герцога де Гиза (отца Генриха), Шарля де Гиза, кардинала Лотарингского, Клода Лотарингского, герцога д'Омаля и многих других. Частично они исследованы и даже изданы, но многие еще ждут своего часа [9].

Письмо королеве Екатерине Медичи 1566 г.

Два самых ранних и наиболее значимых из писем петербургской коллекции относятся к 1566 и 1567 гг., когда юному герцогу было, соответственно, 16 и 17 лет. Именно о них и пойдет речь в данной статье. Письма приходятся на один из интереснейших периодов его жизни – начало военной и политической карьеры герцога. Первое из них связано с событием, о котором мы, к сожалению, слишком мало знаем, – это военный поход в Венгрию, где в то время шел очередной этап борьбы с турецким влиянием. Этот эпизод имел интересную предысторию. В 1563 г. в результате покушения под Орлеаном погиб отец Анри³, не менее прославленный представитель семьи Гизов, выдающийся полководец и политик Франсуа де Гиз. Гибель отца произвела на подростка очень сильное впечатление и во многом определила дальнейший путь. Но пока несовершеннолетний герцог

---

¹ Отдельные фрагменты этого письма требуют дешифровки и дальнейшего исследования.

² Достаточно полное современное описание этой коллекции дано В.В. Шишкиным [9], однако в приложении он почему-то датирует корреспонденцию Генриха де Гиза 1560–1570-ми гг.

³ Автор использует имя собственное Анри, когда речь идет о совсем юном герцоге, но традиционное для отечественной историографии имя Генрих во всех остальных случаях.

остался на попечении матери и дяди, Шарля де Гиза, кардинала Лотарингского. Последний был тоже выдающейся личностью – меценатом, богословом и политиком и оказывал влияние на становление молодого герцога в течение многих лет. В 1566 г. кардинал, однако, имел неосторожность поссориться с властями и спровоцировать вооруженный конфликт в Париже, поскольку вопреки запрету губернатора столицы Франсуа де Монморанси явился в столицу в сопровождении своего старшего племянника и вооруженного отряда. Монморанси являлся представителем знаменитого рода, старшим сыном Анна де Монморанси, прославленного полководца и коннетабля Франции. Возможно, запрет на въезд в столицу и дальнейший конфликт были проявлением давнего противостояния между двумя могущественными семьями за влияние при дворе и на военном поприще. Как бы то ни было, хотя королевской семьи не было в столице, губернатор имел право препятствовать въезду вооруженных людей, подчинявшихся Гизам. Несмотря на назревавший серьезный конфликт, кардиналу вместе с племянником удалось спастись, им фактически разрешили покинуть столицу без последствий. Однако, как считают некоторые исследователи, кардинал опасался за жизнь молодого герцога, и это заставило его удалить племянника подальше от двора [10 с. 233; 11 с. 214]. Но, возможно, были и другие причины. Генрих отправляется в поход под началом и покровительством своего дяди Альфонсо II д'Эсте, который как раз год назад вторым браком женился на Барбаре Австрийской, одной из дочерей императора Священной Римской империи Фердинанда I и Анны Венгерской и Богемской. Родственные связи призывали его помочь делу защиты венгерских территорий и границ империи от турецкого проникновения. Он взял под свое покровительство племянника, чтобы тот улучшил армейские навыки, приобрел военный опыт и влияние. Летом 1566 г., в то время как его мать, Анна д'Эсте, повторно выходит замуж за герцога Немурского, юный герцог отправился в Венгрию в составе свиты императора Максимилиана II.

Прибыв в Аугсбург и там объединившись, как он сам пишет, с силами императора, герцог обращается с посланием к Екатерине Медичи, датированным 31 июля 1566 г. Судя по нему, вынужденное бегство из страны было все-таки основной причиной отъезда, так как, с одной стороны, тон письма свидетельствует о явном недовольстве необходимостью покинуть Францию и двор, с другой стороны, налицо попытка через королеву, с которой у него всегда были более близкие отношения, оправдать действия своей семьи и укрепить собственное влияние при дворе: «...по прибытии в город Аугсбург, я решил, что, хотя долг повелевает мне уехать, я не могу это сделать, не обратившись к Вам для того, чтобы смирен-

нейше умолять Ваше Величество сохранить и поддержать Вашу благосклонность ко мне, которую за время моего отсутствия я могу умножить, обретя столь много благ и чести» [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автограф № 43].

Не случайно обращение де Гиза именно к королеве. Популярная еще в XVI в. версия о том, что она испытывала к юному герцогу особо теплые чувства и считала его чуть ли не сыном, не выдерживает никакой критики, учитывая дальнейшее развитие их отношений и роль Екатерины Медичи в организации Варфоломеевской ночи. Тем не менее королева-мать служила посредником между Гизом и королем, тем более, несмотря на официально наступившее совершеннолетие монарха, он не обладал реальной властью. Поэтому, с одной стороны, чтобы объяснить столь спешный отъезд, с другой, чтобы подготовить свое будущее безопасное возвращение ко двору, Генрих де Гиз пишет Екатерине письмо, в котором и надежду, что он не утратил ее расположение, пытается объяснить причины отъезда и выражает свое почтение. Значительную часть этого небольшого по объему послания занимает попытка оправдать свое бегство необходимостью примкнуть к войскам императора в его борьбе против турецкого султана: «Я, наблюдая, в каких заботах пребывает император, надеюсь с Божьей помощью содействовать ему в этом благом долге, так что король и Вы не будете жалеть, что я воспользовался [своим] правом для такой прекрасной возможности» [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автограф № 43].

Однако через несколько месяцев ситуация изменилась, опасность преследований временно миновала, как и турецкая угроза в Венгрии; возможно, Гизы даже были официально прощены, а кроме того, возникла необходимость укреплять политическое влияние семьи при дворе. Генрих де Гиз, совсем недолго пробыв в первом самостоятельном военном походе, вернулся в Париж в начале 1567 г., по пути проведя некоторое время в Вене, при дворе Габсбургов, что было немаловажным для дальнейшей карьеры и международных связей дома Гизов.

Вторая религиозная война и письмо королеве в ноябре 1567 г.

Его возвращение было необходимо еще по одной причине. Пока молодой Генрих в условиях относительного мира в самой Франции воевал с неверными, постепенно зрела очередная религиозная война на его родине. Протестанты, вдохновленные событиями в Нидер-

ландах, снова активизировались и стали готовиться к военным действиям. В конце сентября 1567 г. произошло массовое убийство католиков в Ниме, а накануне лидеры гугенотов очередной раз решили захватить короля. Несмотря на то, что попытка переворота была сорвана, эти и некоторые другие события привели к тому, что в октябре во Франции начинается Вторая религиозная война и Гизы вновь оказываются «на коне». Роль этой семьи в XVI в. возрастала каждый раз, когда требовались услуги людей, верных Католической церкви и хорошо владевших мечом. Королевская власть, как полагает французский историк Дени Крузе [12], пыталась проводить политику «всеобщей гармонии», которая была немыслима в условиях непрекращающейся гражданской войны. Однако Гизы не были столь толерантны и не принадлежали к партии умеренных «политиков». Только жесткий отпор протестантам и последовательная религиозная политика могла, по их мнению, предотвратить национальную катастрофу.

Теперь молодому герцогу предстояло проявить себя уже в серьезных боевых действиях в самой Франции, тем более что после гибели Франсуа де Гиза он становится лидером католической партии в глазах своих сторонников. Современный биограф де Гиза Ж.М. Констан считает, что главным мотивом всей его деятельности на этом этапе было стремление быть достойным своего знаменитого отца [2 с. 65–66]. С другой стороны, огромное влияние на него оказывали ценности и установки его социальной среды и семьи. Поэтому стремление поскорее проявить себя на настоящей войне, продемонстрировать истинно рыцарские качества, стать достойным лидером руководили им в дальнейшем и привели на поле боя в стане Католической лиги.

Первое крупное сражение Религиозных войн, в котором принял участие Генрих де Гиз, – битва при Сен-Дени 10 ноября 1567 г. Возможно, именно накануне, в начале ноября было написано второе из писем. В отличие от предыдущего, оно напрямую касается военных действий, которые велись в течение осени.

В период Религиозных войн каждая сторона использовала своих естественных союзников и наемников. В мемуарах маршала Вьевиля мы встречаем описание его советов королю на военном совете осенью 1567 г. на то, что «его [принца Конде] армия была сформирована из такого же большого количества иностранцев, как и французов» [13 с. 361]. В начале так называемой Второй гугенотской войны от границы с немецкими княжествами на помощь принцу Конде двинулось войско, возглавляемое Казимиром Пфальцским. Герцог де Гиз, следовавший вместе с королем в Париж, которому угрожали протестанты, повернул на запад, чтобы предот-

вратить соединение наемных войск с основными силами гугенотов. Об этом он и сообщает в начале своего письма: «Я отправляю этого дворянина в качестве нарочного, чтобы донести до Короля и Вас решение, которое приняли собравшиеся здесь капитаны и кавалеры ордена [Святого Духа], о том, что во власти Вашего Величества мне приказать препятствовать проходу рейтеров...» [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автографы № 44]. Эта военная операция, которую редко упоминают даже в специальной литературе, посвященной истории Религиозных войн во Франции, имела большое стратегическое значение. В том числе благодаря ей армия короля получила значительный перевес и одержала победу в решающем сражении при Сен-Дени. По мнению В.Д. Балакина, «если бы гугеноты своевременно получили подкрепление из Германии, они были бы непобедимы, но герцог Гиз задержал германских наемников в Шампани...» [14 с. 150]. Поскольку денег в королевской казне катастрофически не хватало, де Гиз, защищая свои владения, снарядил кавалерию и пехоту за свой счет [1 с. 61].

Интересно, что издатели мемуаров Гаспара де Таванна, написанных его сыном, обратили внимание на то, что их автор (сын Таванна) проведение этой операции приписывает самому будущему маршалу, а о молодом Гизе почти не упоминает [3 с. 123], тогда как принц Конде утверждал, что земли на северо-западе страны были сохранены для короля благодаря усилиям Гиза и маршала Вьевиля. Согласно его версии, 16 ноября монарх получил от этих господ известия, что они передали в руки короля город Мец, в который ранее господин д'Озанс не хотел впускать маршала Вьевиля [3 с. 181]. Если же мы обратимся к упомянутому письму де Гиза к королеве, то ситуация немного прояснится. Дело в том, что герцог как раз просит с целью препятствования дальнейшего продвижения немецких рейтаров «оставить Таванна [в качестве командующего] с большей частью сил, который, как известно, так хорошо обучен, что нет никакой нужды, сдается мне, Вам об этом еще раз говорить» [РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автограф № 44]. Таким образом, молодой герцог и один из его наставников в военном деле, будущий маршал, совместными усилиями организовали эту операцию, но решающую роль сыграл, вероятно, Таванн. Если более внимательно проанализировать мемуары, то можно заметить, что сам маршал далее всячески подчеркивал значительную роль Гиза в военных действиях против немецких рейтаров [3 с. 130–131]. Возможно, в вышеупомянутых случаях речь идет о разных военных операциях. Ведь битва при Сен-Дени состоялась 10 ноября 1567 г. Перехват сил немецких рейтаров в Шампани имел стратегическое значение до ее начала. Тогда как сообщение о лик-

видации опасности для Меца, которое описывает Конде, пришло только 16 ноября. Между этими двумя событиями Генрих де Гиз, по утверждению некоторых современников, принимал участие в самой битве при Сен-Дени, а после нее, уже к зиме, французские протестанты все-таки объединили свою армию с рейтерами герцога Казимира, и перед лицом новой угрозы Екатерина Медичи назначила Таванна командующим армией.

Заключение

Таким образом, мы видим, что письма Генриха де Гиза 1567–1568 гг., в том числе хранящиеся в Российской национальной библиотеке, написаны в один из переломных периодов истории Гражданских войн во Франции. Они являются важным источником для изучения развития религиозного конфликта и роли в нем Генриха де Гиза. Дальнейший анализ его корреспонденции из петербургской и других рукописных коллекций необходим как для исследования истории Религиозных войн в целом, так и изучения деятельности одного из главных действующих лиц этого конфликта.

Литература

---

1. *Cauvin Ch.* Henri de Guise le Balafré / Histoire de France de 1563 a 1589. Tours: Alfred Mame et Fils, 1881.
2. *Constant J.-M.* Les Guise. Paris: Hachette, 1984. 261 p.
3. *Tavannes G.* Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes, Maréchal de France, Amiral des Mers du Levant, Gouverneur de Provence, Conseiller du Roi, Capitaine de cent hommes d'armes, commençant en 1522 et finissant en 1573. XVIe siècle. Collection Universelle des mémoires particuliers, relatifs à l'histoire de France. T. 27. Paris, 1787. 510 p.
4. Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVIe siècle / Recueillies et traduites par M.N. Tommaseo. Paris: Imprimerie Royale, 1838. 834 p.
5. Lettres du Cardinal Charles de Lorraine (1525–1574) / Publiées et présentées par D. Cuisiat. Genève: Librairie Droz, 1998. 710 p.
6. *Маргарита де Валуа.* Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб.: Евразия. 2010. 352 с.
7. *Воронова Т.П.* П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М.: Книга, 1973. С. 101–114.
8. *Croze J., de.* Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris: Librairie d'Amyot, 1866. T. 1. 426 p.

9. *Шишкин В.В.* Французские автографы эпохи Религиозных войн (1559–1598) в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Религиозные войны во Франции XVI в.: Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Под ред. Ю. Досси, В.В. Шишкина. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2015. С. 56–68.
10. *Шишкин В.В.* Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574): По материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге // Средние века. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 222–248.
11. *Pigaillem H.* Les Guises. Paris: Pygmalion, 2012. 517 p.
12. *Crouset D.* La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance. Paris: Fayard, 1994. 657 p.
13. Mémoires de la vie de François de Scépeaux, sire de Vieilleville et comte de Duretal, mareschal de France / [comp. par Vincent Carloix] // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France: depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe / [publ.] par J.F. Michaud, J.F. Poujoulat. Paris: Ed. du commentaire analytique du Code civil, 1836–1839. P. 7–400.
14. *Балакин В.Д.* Екатерина Медичи. М.: Молодая гвардия, 2012. 304 с.

References

---

1. Cauvin Ch. Henri de Guise le Balafré. V: *Histoire de France de 1563 a 1589*. Tours: Alfred Mame et Fils, 1881.
2. Constant J.-M. Les Guise. Paris: Hachette, 1984. 261 p.
3. Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes, Maréchal de France, Amiral des Mers du Levant, Gouverneur de Provence, Conseiller du Roi, Capitaine de cent hommes d'armes, commençant en 1522 et finissant en 1573. XVIe siècle. Collection Universelle des mémoires particuliers, relatifs à l'histoire de France. T. 27. Paris, 1787. 510 p.
4. Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVIe. Paris: Imprimerie Royale, 1838. 834 p.
5. Cuisiat D., publ. Lettres du Cardinal Charles de Lorraine (1525–1574). Genève: Librairie Droz, 1998. 710 p.
6. Marguerite de Valois. Memoirs. Selected letters. Documentation. Sankt-Peterburg: Evraziya Publ., 2010. 352 p. (In Russ.)
7. Voronova TP. P.P. Dubrovsky and Saint-Germain manuscripts. V: *Books. Archives. Autographs*. Moscow: Kniga Publ.; 1973. p. 101-14. (In Russ.)
8. Croze J., de. Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris, 1866. T. 1. Paris: Librairie d'Amyot, 1866. T. 1. 426 p.
9. Shishkin VV. French autographs of the era of Religious Wars (1559–1598) in the Russian National Library in St. Petersburg. V: Dossi Yu., Shishkin VV., eds. *French Wars of Religion in 16th c. New documents, new researches, new periodization*. Sankt-Peterburg; Moscow: Evraziya; Klio Publ.; 2015. p. 56-68. (In Russ.)

10. Shishkin VV. Cardinal of Lorraine and Religious Wars in France (1559–1574). *Middle Ages*. 2015;1-2:222-48. (In Russ.)
11. Pigaillem H. Les Guises. Paris: Pygmalion, 2012. 517 p.
12. Crouset D. La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance. Paris: Fayard, 1994. 657 p.
13. Mémoires de la vie de François de Scépeaux, sire de Vieilleville et comte de Duretal, mareschal de France. V. Carloix V., comp.; Michaud JF., Poujoulat JF., publ. *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France: depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe*. Paris: Ed. du commentaire analytique du Code civil, 1836–1839. p. 7-400.
- 14 Balakin VD. Catherine de Medici. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2012. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Марина В. Кущева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; kusheva@mail.ru

Information about the author

Marina V. Kushcheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; kusheva@mail.ru

УДК 327(492)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-263-273

Внешнеполитическая линия Королевства Объединенных Нидерландов

Галина А. Шатохина-Мордвинцева

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, galina1149@yandex.ru*

Аннотация. В статье идет речь о созданном в 1815 г. по решению Венского конгресса Королевстве Объединенных Нидерландов, ранее не становившемся предметом специального исследования российских историков. По замыслу великих держав это государство, в состав которого вошли все голландские и бельгийские провинции, должно было служить эффективным барьером в случае повторения французской экспансии. Но нидерландский король Вильгельм I поставил перед собой куда более масштабные задачи: используя ресурсы колониального хозяйства, развивая торговлю голландских областей и промышленность бельгийских, возродить былую значимость комплекса нидерландских земель в общем контексте европейского пространства.

В соответствии с этой целью выстраивалась и внешнеполитическая линия страны. Объединенные Нидерланды сохраняли добрососедские отношения в рамках Венской системы и строго придерживались политики невмешательства, при этом активно стремились развивать торговлю со всеми своими партнерами. Автор рассматривает отношения королевства с Францией, Великобританией, под «покровительством» которой оно находилось с первых дней своего существования, а также с Пруссией и Россией, с которыми Нидерланды пребывали в тесной дружбе и сотрудничестве.

К концу 1820-х гг. бельгийские провинции Объединенного королевства опережали по темпам промышленной революции все страны континента, а страна занимала одно из ведущих мест в мире по объему внешней торговли и являлась важнейшим транспортным узлом. Однако внутренние противоречия между голландскими и бельгийскими провинциями привели к Бельгийской революции 1830 г. Великие державы не оказали помощь Вильгельму I в сохранении единства страны. Им более не казалось целесообразным поддерживать существование Королевства Объединенных Нидерландов с его набиравшей мощь экономикой и, как следствие, стремлением к самостоятельно выстраиваемой линии нейтральной внешней политики.

Ключевые слова: Королевство Объединенных Нидерландов, король Вильгельм I, Великобритания, Франция, Россия, Пруссия, Бельгийская революция

Для цитирования: Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешнеполитическая линия Королевства Объединенных Нидерландов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 263–273. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-263-273

Foreign Policy of the United Kingdom of the Netherlands

Galina A. Shatokhina-Mordvintseva

*Institution of Russian Academy of Sciences Institute of World History,
Moscow, Russia, galina1149@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the United Kingdom of the Netherlands established in 1815 by the decision of the Congress of Vienna. Earlier there has been no specific research conducted by Russian historians on this subject.

Great powers designed the United Kingdom of the Netherlands that incorporated all the Dutch and Belgian provinces to serve as an effective barrier in case a new French expansion takes place. But the Dutch King Wilhelm I set a more ambitious aim to restore the former importance of the Netherlands within the general European space using resources of colonial economy, increasing trade of Dutch regions and developing industry of the Belgian provinces.

Foreign policy of the country was formed in full alignment with this aim. The United Netherlands maintained relations of good-neighborliness with states within the Vienna System and strictly adhered to the non-interference policy while actively seeking to develop trade with all its partners. The author considers the relations of the United Kingdom of the Netherlands with France and its interaction with Great Britain, which patronized it from the outset of its existence, as well as with Prussia and Russia, which both were bound with the Netherlands by close friendship and cooperation.

By the end of 1820's the Belgian provinces of the United Kingdom of the Netherlands grew industrially much faster than other countries of the European continent. At the same time the United Kingdom was one of the leading states in the world by foreign trade volumes and served as an important transport hub. But internal contradictions between the Dutch and the Belgian provinces resulted in the Belgian Revolution of 1830. Great powers did not help Wilhelm I to preserve country's unity. They did not view it as beneficial to maintain the United Kingdom of the Netherlands with its growing economic

power and, accordingly, with its willingness to independently conduct its neutral foreign policy.

Key words: the United Kingdom of the Netherlands, King Wilhelm I, France, Russia, Prussia, the Belgian Revolution

For citation: Shatokhina-Mordvintseva GA. Foreign Policy of the United Kingdom of the Netherlands. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;10:263-73. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-263-273

Введение

Появление на европейской карте нового государства – Королевства Объединенных Нидерландов – совпало по времени с общим усилением в Европе антифранцузских сил и формированием Священного союза. После восстановления независимости Северных Нидерландов (Голландии) в границах бывшей Республики Соединенных провинций уже 29 марта 1814 г. была принята конституция нового государства. Республика в Нидерландах окончательно уступила место унитарной монархии, и суверенным государем Нидерландов под именем Вильгельма I 30 марта был провозглашен принц Вильгельм Оранский (1772–1843), сын последнего статхаудера Соединенных провинций.

Когда в 1814 г. были освобождены южные (бельгийские) области, идея объединить все нидерландские провинции получила дальнейшее развитие: сначала в ходе совещаний представителей Великобритании, Пруссии, Австрии и России в Лондоне в июне 1814 г., затем этот вопрос решался на Венском конгрессе. 12 февраля 1815 г. статьи, определявшие статус и права южных нидерландских провинций, были одобрены на заседании Совета пяти, а 16 марта 1815 г. Вильгельм I провозглашается главой Королевства Объединенных Нидерландов. 9 июня 1815 г., за несколько дней до битвы при Ватерлоо, страны-участницы подписали Заключительный (генеральный) акт Венского конгресса, в котором заявлялось об объединении Северных Нидерландов и Южных Нидерландов в одно государство и о границах этого государства¹. Так, спустя четыре столетия был фактически восстановлен Бургундский округ Священной Римской империи, в который входили семнадцать провинций Исторических Нидерландов.

---

¹ Об этом см. подробнее [1 с. 162–164].

Определение приоритетов нового государства

Объединение голландских и бельгийских областей, где проживали около 5,5 млн человек, было не только жизненно важным компромиссным решением для Европы в целом, оно было важным и для самих Нидерландов уникальной возможностью возродить бывшее величие региона. Поэтому деятельность Генеральных штатов была сосредоточена в основном на решении приоритетных вопросов в развитии экономики страны и выработке механизма эффективного функционирования новой государственной системы.

Внешней политике на заседаниях парламента уделялось значительно меньше внимания, и как точно отметил в 1815 г. морской офицер и будущий декабрист Н.А. Бестужев в своих заметках, «голландцы <...> в делах Европы берут участие – только по газетам» [2 с. 82–83]. Согласно Конституции от 24 августа 1815 г., внешнеполитическими делами занимался король: он обладал правом заключать и расторгать международные договоры, объявлять войну (но изыскивать средства на ее проведение он должен был совместно с Генеральными штатами). Также требовали одобрения парламента договоры, касавшиеся раздела или уступки территории в мирное время [3 с. 289].

До 1830 г. в Европе царил мир, и оборона страны не требовала никаких особых действий, но в силу международных обязательств Нидерланды вынуждены были регулярно выделять из государственной казны солидные средства на реконструкцию военных крепостей и содержание почти 50-тысячной армии [4 с. 123]. По замыслу стран-участниц Венского конгресса, в случае повторения французской экспансии королевство могло бы стать эффективным барьером на пути армии неприятеля. Для этого вдоль своей южной границы оно обязано было восстановить цепь оборонительных сооружений из нескольких десятков крепостей. Для приведения в порядок этой «системы барьера» Нидерланды получили из контрибуции Франции 60 млн, а по условиям 2-го Парижского мира 1815 г. 2 млн фунтов от Великобритании [5 с. 101; 6 с. 672, 677].

Внешнеполитическая линия Объединенного королевства была направлена на сохранение добрососедских отношений в рамках Венской системы. При этом никакой активности в общеевропейских делах оно не проявляло, так же как и в деятельности Священного Союза, участником которого формально являлось, и более склонялось к позиции Великобритании, к Союзу не присоединившейся, но нередко координировавшей свое поведение с его линией [7 с. 15; 8 с. 602–603, 796–798]. Как отмечал историк Н. ван Сас,

своей «либеральной и антиинтервенционалистской политикой в Европе» Вильгельм I стремился к тому, чтобы позиция Нидерландов была менее уязвимой [3 с. 290].

Объединенные Нидерланды и великие державы

Объединенные Нидерланды придерживались политики невмешательства, а точнее – отстраненности от общеевропейских дел. Прежде всего требовали решения острые внутренние проблемы, связанные с урегулированием отношений между голландской и бельгийской частями государства. Вильгельм I хотел, чтобы через восстановление промышленности, внешней торговли и практики посреднических финансовых операций страна вновь заняла достойное место среди великих держав континента, стала сильной и самостоятельной, в том числе и в реализации своего внешнеполитического курса [9 с. 36–37; 3 с. 284–285].

В действительности же в области внешней политики Объединенное королевство находилось как под «покровительством» Великобритании, по-прежнему остававшейся важнейшим партнером, так и в зоне интересов Франции [7 с. 55; 10 с. 201].

Понимая необходимость усиления этого государства-барьера, Великобритания не сопротивлялась возвращению Нидерландам захваченных ею колоний. В 1814 г. Нидерланды вновь обрели почти все свои владения в Ост- и Вест-Индии, а в 1824 г. наконец-то был подписан и англо-нидерландский Лондонский договор, разграничивший сферы влияния сторон в Индии, на Малаккском полуострове и в западной части Малайского архипелага.

Торговая политика Объединенных Нидерландов была нацелена на снижение таможенных ставок, ликвидацию запретов и ограничений в международной торговле. На этой почве они постоянно вступали в конфронтацию с Англией. Лондон настаивал на «равенстве флага» торговых кораблей обеих стран (т. е. взимании одинаковых ввозных пошлин в нидерландских портах), а Гаага – на снижении ввозных пошлин в Англии. Нидерландцы решили пойти на уступки и с августа 1824 г. ввели временно одинаковые пошлины для английских и голландских кораблей, доставлявших товары непосредственно из британских гаваней. Но английская сторона выдвигала все новые и новые требования, а в январе 1826 г. все же увеличила на 20% ввозные пошлины на товары на голландских кораблях и повысила грузовые пошлины для кораблей, вывозивших из Англии соль. Ответной мерой Нидерландов стало упразднение

указов 1824 г. В итоге неоднократно начинавшиеся переговоры о подписании двустороннего договора о торговле так и не увенчались успехом [10 с. 146–147].

Франко-нидерландские отношения оставались достаточно напряженными. Усиление влияния в общественной жизни страны ортодоксального кальвинизма порождало в северонидерландских областях рост антифранцузских (и антикатолических) настроений. Определенное беспокойство у нидерландского правительства вызывала поступающая из Франции в периоды обострения международной обстановки на континенте «информация» о гипотетически возможном разделе Объединенного королевства и его заморских территорий между великими державами. Протекционистские меры Франции сокращали объемы двусторонней торговли. Так, повышение пошлин в 1822 г. практически приостановило доходный экспорт скота из Люксембурга и Намюра, а пока Нидерланды безуспешно пытались решить этот вопрос, Франция в мае 1823 г. повысила и без того высокие пошлины на ввоз товаров из шерсти. Французская сторона готовилась принять нечто подобное и в торговле полотном, но указом от 20 августа 1823 г. Нидерланды прибегли к реторсиям (в частности, на ввоз из Франции сукна и хрусталя, а также вин и коньяка в прибрежные зоны). Переговоры, проходившие зимой 1824 г. с целью уговорить Францию вернуться к более «сдержанной» торговой политике, не дали результата. В июле 1825 г. ввозные пошлины на полотно были повышены, и Нидерландам пришлось с этим смириться, поскольку их ответные ограничительные меры различными способами были отклонены [10 с. 149–150].

С Пруссией Объединенные Нидерланды оставались «в тесной дружбе», и стабильные нидерландско-пруссские экономические связи усиливали политическую «привязанность» двух государств. Одной из важных внешнеполитических задач Вильгельм I считал международное урегулирование вопросов судоходства по Рейну – главной артерии для европейской, и прежде всего нидерландской торговли. Установление выгодных Нидерландам системы торговли (таможенных пошлин и тарифов – важнейшей статье дохода королевства [4 с. 115–117]) и судоходства в рейнских водах позволило бы удовлетворить «конкретные экономические интересы» страны и сделать Объединенные Нидерланды «первым из государств второго ранга» [3 с. 285]. Политика Вильгельма I, направленная на поддержку судостроения и торговли, прокладку каналов и реконструкцию портов, сделала возможным Нидерландам, наделенным богатством колониальной империи, восстановить утраченные позиции, к концу 1820-х гг. занять

второе место в мире по объему внешней торговли [11 с. 44] и позиционировать себя мощной державой [3 с. 287; 12 с. 711]. Недаром тогдашний министр иностранных дел королевства барон Й.Г. Верстолк ван Сулен неоднократно подчеркивал, что Объединенное королевство по своим экономическим показателям вполне выдерживает сравнение с республикой Соединенных провинций в лучший ее период [12 с. 711–712].

Россия, усилиями которой Нидерланды были в 1813 г. освобождены от наполеоновских войск, сыграла одну из главных ролей в процессе создания Королевства Объединенных Нидерландов [6 с. 380–382]. В политике Александра I по обеспечению европейской безопасности и стабильности ему отводилось важное место. Российско-нидерландские отношения носили подчеркнуто дружественный характер и развивались в различных областях поступательно и динамично. К тому же Россия использовала свои возможности укрепить связи с Нидерландами и путем династического союза: 9 (21) февраля 1816 г. наследный принц Вильгельм Оранский, сын короля Нидерландов Вильгельма I, вступил в брак с великой княжной Анной Павловной, сестрой императора Александра I [13 с. 63–68, с. 684; 14 с. 19–22, с. 192–203].

Движущей силой в российско-нидерландских отношениях всегда был экономический фактор. В этом плане роль Нидерландов для Российской империи оставалась неизменно важной, да и заинтересованные в российском рынке Нидерланды, стремясь обеспечить себе торговые преимущества, при каждом удобном случае выражали свое желание подписать с Россией торговый договор. В объеме российского экспорта в Объединенное королевство отмечался стабильный рост сельскохозяйственной продукции (большая часть приходилась на рожь, ячмень, льняное семя, пеньку, смолу, строевой лес и поташ). Ввоз из Нидерландов в Россию уступал по стоимости экспорту и состоял преимущественно из традиционных колониальных товаров (чай, кофе, пряности табак, какао) и товаров класса «люкс» (например, дорогих тканей и вин).

Еще со времен Екатерины II важной областью двусторонних отношений являлись также финансовые связи. Услуги по выдаче займов России традиционно оказывал банкирский дом «Хоуп и К^о», предоставивший в 1820 г. (в партнерстве с лондонским «Беринг и К^о») заем на сумму 40 млн руб. серебром [8 с. 514–519]. В 1828–1829 гг. полученные из Нидерландов 46 млн гульденов помогли России победоносно завершить Русско-турецкую войну, а амстердамский заем 1831 г. в размере 20 млн серебром – покрыть расходы, связанные с подавлением польского восстания 1830 г. [11 с. 42].

Деятельность королевства во внешней политике не ограничивалась решением торгово-финансовых вопросов с европейскими партнерами. Документы свидетельствуют и об активности в переговорных процессах не только с державами континента (например, с Ватиканом и Швецией), но и с далекой Мексикой и государствами Южной Америки [3 с. 285–286; 15 с. 145–146].

Короткий век королевства

Экономическая политика Вильгельма I принесла выгоду бельгийским провинциям, где быстрыми темпами развивалось самое современное на континенте промышленное производство. Но длительное время существовавшие обособленно и имевшие уже разные экономические и политические интересы и доминирующие христианские конфессии голландские и бельгийские области так и не смогли создать единое политическое пространство. Это вело к обострению отношений между обеими частями государства и усилению в южных провинциях национально-освободительного движения, переросшего в революцию, противостоять которой Вильгельму I не удалось.

Бельгийская революция 1830 г.² перечеркнула многие решения Венского конгресса, усилила напряженность в европейских делах, привела к серьезным разногласиям между великими державами. Когда в октябре 1830 г. правительственный кабинет Гааги обратился к Великобритании, России, Пруссии и Австрии с просьбой о военной помощи, только российский император Николай I заявил о намерении в борьбе за сохранение единства страны поддержать план интервенции и активно оказывал содействие политике «родственного» голландского трона в разрешении бельгийского вопроса [16 с. 113]. Но надежды Вильгельма I на помощь России оказались тщетны. Восстание в Царстве Польском лишило Россию возможности вооруженного вмешательства в бельгийские дела по просьбе голландской стороны.

Условия отделения Бельгии от Нидерландов вырабатывали дипломатические представители Великобритании, Франции, Пруссии, Австрии и России на Лондонской конференции 1830–1831 гг. Ни одна из держав-участниц не желала перерастания конфликта из регионального в общеевропейский, но позиции их различались. К возвращению Бельгии под власть представителя дома Оранских-Нассау склонялись Австрия, Пруссия и Россия, усматривавшие в

---

² О бельгийской революции см. [16].

распаде государства невыгодные для них изменения в сложившейся системе международных отношений. Великобритания, заинтересованная в ослаблении нидерландской торговой конкуренции и укреплении своего влияния в южных провинциях, выступила за образование самостоятельного бельгийского государства. Выход Бельгии из Объединенного королевства отстаивала и Франция, стремившаяся избавиться от ненавистного барьера нидерландских крепостей и усилить в этом регионе свои позиции. Многочисленные протоколы конференции представляли все новые и новые пути соглашения, которые отвергала то бельгийская, то голландская сторона. И только после неудачной попытки силой оружия сохранить целостность страны Вильгельм I был вынужден подписать в Лондоне 21 мая 1833 г. англо-франко-нидерландское соглашение о завершении военных действий и признать независимость Бельгии.

Заключение

В результате бельгийской революции 1830 г. Королевство Объединенных Нидерландов перестало существовать. На территории Южных Нидерландов было создано самостоятельное государство – Королевство Бельгия, название Королевство Нидерландов закрепилось за его северной, голландской, частью. Распад просуществовавшего всего лишь 15 лет государства возможно было бы предотвратить, если бы великие державы, и прежде всего Великобритания, не утвердились во мнении, что дальнейшая поддержка Объединенного королевства, с его набиравшей мощь экономикой и, как следствие, стремлением к самостоятельно выстраиваемой линии нейтральной внешней политики, не имеет смысла. Королевство Объединенных Нидерландов, конечно же, занимало в Европе более весомую позицию, нежели потом каждое из двух государств, на которые оно распалось в результате революции. И видимо, прав был Н.А. Бестужев, когда написал в своих «Записках о Голландии»: «Чудно! Они (голландцы. – Г. Ш.-М.) ненавидят французов и любят англичан, а за приобретение сих чувствований заплатили всем своим благосостоянием» [2 с. 83].

Литература

---

1. *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Северные Нидерланды в эпоху наполеоновских войн: от Батавской республики к Королевству Нидерландов // Новая и новейшая история. № 5. 2013. С. 146–164.

2. *Бестужев Н.А.* Избранная проза. М.: Советская Россия, 1983. 336 с.
3. *Sas N. C. F., van.* De Nederlanden en Europa 1815–1830 // *Algemene Geschiedenis der Nederlanden.* Weesp: Fibula-Van Dishoeck, 1983. D. 1. P. 279–290.
4. *Zanden J. L., van, Riel A., van.* Nederland 1780–1914. Staat, instituties en economische ontwikkeling. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2000. 480 p.
5. *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. Т. 1. 508 с.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 1: 1801–1815 гг. Т. 8: Май 1814 г. – ноябрь 1815 г. М.: Политиздат, 1972. 928 с.
7. *Smit C.* De buitenlandse politiek van Nederland. Tweede deel. Koninkrijk der Nederlanden. Den Haag: Boucher, 1945. 346 p.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 2: 1815–1830 гг. Т. 3 (11): Май 1819 г. – февраль 1821 г. М.: Политиздат, 1979. 928 с.
9. *Hellemma D.* Buitenlandse Politiek van Nederland. De Nederlandse Rol in de Wereldpolitiek. Utrecht: Het Spectrum, 2006. 480 p.
10. *Smit C.* Diplomatieke geschiedenis van Nederland, inzonderheid sedert de vestiging van het koninkrijk. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1950. 511 p.
11. Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение. Мурманск: Север, 1995. 238 с.
12. *Tamse C.A.* Willem I nu // *Ons Erfdeel.* 36 jaargang. 1993. Nummer 5. P. 707–713.
13. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 2. Т. 1 (9): Ноябрь 1815 г. – сентябрь 1817 г. М.: Политиздат, 1974. 824 с.
14. *Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д.* Анна Павловна: Русская принцесса на Голландском троне. СПб.: Блиц, 2003. 272 с.
15. Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.): Документы и материалы / Ред. А.А. Губер. М.: Восточная литература, 1962. 654 с.
16. *Намазова А.С.* Бельгийская революция 1830 года. М.: Наука, 1979. 208 с.

References

---

1. Shatokhina-Mordvintseva GA. Northern Netherlands during the Napoleonic wars: from the Batavian Republic to the Kingdom of the Netherlands. *Modern and Current History Journal.* 2013;5:146-64. (In Russ.)
2. Bestuzhev NA. Selected prose. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
3. Sas NCF, van. The Netherlands and Europe 1815–1830. V: *Algemene Geschiedenis der Nederlanden.* Weesp: Fibula-Van Dishoeck, 1983. D. 1. p. 279-90.

4. Zanden J.L., van, Riel A., van. The Netherlands 1780–1914. State, institutions and economic development. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2000. 480 p.
5. Debidour A. Diplomatic history of Europe. Rostov-na Donu: Feniks Publ., 1995. Vol. 1. 508 p. (In Russ.)
6. Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series 1. Vol. 8: May 1814 – November 1815. Moscow: Politizdat Publ., 1972. 928 p. (In Russ.)
7. Smit C. De buitenlandse politiek van Nederland. Tweede deel. Koninkrijk der Nederlanden. Den Haag: Boucher, 1945. 346 p.
8. Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th century. Series 2. Vol. 3 (11): May 1819 – February 1821. Moscow: Politizdat Publ., 1979. 928 p. (In Russ.)
9. Hellema D. Buitenlandse Politiek van Nederland. De Nederlandse Rol in de Wereldpolitiek. Utrecht: Het Spectrum, 2006. 480 p.
10. Smit C. Diplomatic history of the Netherlands, in particular since the establishment of the kingdom. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1950. 511 p.
11. Russia and the Netherlands: contacts and mutual vision. Murmansk: Sever Publ., 1995. 238 p. (In Russ.)
12. Tamse C.A. Willem I nu. *Ons Erfdeel*. 1993;5:707-13.
13. Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series 2. Vol. 1 (9): November 1815 – September 1817. Moscow: Politizdat Publ., 1974. 824 p. (In Russ.)
14. Strizhak N., Sokolov A., Raskin D. Anna Pavlovna. Russian Princess on The Dutch throne. Sankt-Peterburg: Blits Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
15. Policy of the European powers in Southeast Asia (60s of the 18th – 60s of 19th century). Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1962. 654 p. (In Russ.)
16. Namazova A.S. Belgian revolution of 1830. Moscow: Nauka Publ., 1979. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Галина А. Шатохина-Мордвинцева, доктор исторических наук, доцент, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119334, Ленинский пр., д. 32а; galina1149@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Shatokhina-Mordvintseva, Dr. in History, associate professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, 119334, Russia; galina1149@yandex.ru

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-274-285

Образ Германии
в российском историческом нарративе
в годы Первой мировой войны
(на примере журнала «Голос минувшего»)

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет, Национальный
исследовательский ядерный университет «МИФИ», ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исторического нарратива периода Первой мировой войны. Исследовательский фокус сосредоточен на интерпретации образа Германии на страницах исторического журнала «Голос минувшего». Автор анализирует неопубликованную переписку редакторов журнала В.И. Семевского и С.П. Мельгунова и показывает, что между ними не было единства в вопросах выбора контента и интерпретации материала. Семевский пытался сохранить в исторических статьях журнала научность, тогда как С.П. Мельгунов рассматривал историческое знание как часть интеллектуальной культуры военной поры, призывая авторов быстро давать ответы на вызовы текущего момента, пренебрегая тщательным анализом исторических источников.

В статье показано, что Германия, ее история и культура интерпретировались на страницах журнала в 1914–1917 гг. как в жанре научности (В.Н. Перцев, В. Фишер), так и в рамках исторической политики, направленной на формирование образа врага и присущей военному времени культуры безопасности (В. Фриче, Н. Проферансов). Барьеры, которые призывал выстраивать В.И. Семевский, рушились, и порой в посвященных Германии текстах журнала преобладали прямолинейность, схематизм и они напоминали пропагандистские опусы.

Ключевые слова: Первая мировая война, исторический нарратив, образ Германии, журнал «Голос минувшего», В.И. Семевский, С.П. Мельгунов, В.Н. Фриче, культура безопасности

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Образ Германии в российском историческом нарративе в годы Первой мировой войны (на примере журнала «Голос минувшего») // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 274–285. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-274-285

The Image of Germany
in the Russian Historical Narrative
during the First World War
(by the example of the journal “Golos minuvshogo”)

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia;
National Research Nuclear University “MEPhI”, Moscow, Russia,
ranw@mail.ru*

Abstract. The article contains analysis of peculiarities of the historical narrative during the First World War. The research is focused on the interpretation of the image of Germany in articles of the historical journal “Golos minuvshogo”. The author analyzes the unpublished correspondence of the editors of the magazine V.I. Semevsky and S.P. Melgunov and shows that there was no unity between them regarding the choice of the content as well as interpretation of the material. Semevsky tended to keep the scientific approach in historical articles of the journal, whereas S.P. Melgunov considered the historical knowledge as a part of the intellectual culture of the war period urging the authors for quick responses to the challenges of the current moment ignoring a careful analysis of historical sources.

The article shows that Germany, its history and culture of security (V. Friche, N. Proferansov). It came to failures to comply with the scientific quality standards to which V.I. Semevsky called for. From time to time one-sidedness and oversimplification appeared in the articles of the magazine which made them look like propaganda.

Keywords: the First World War, the historical narrative, the image of Germany, the journal “Golos minuvshogo”, V.I. Semevsky, S.P. Melgunov, V.N. Friche, the culture of security

For citation: Rostislavleva NV. The Image of Germany in the Russian Historical Narrative during the First World War (by the example of the journal “Golos minuvshogo”). *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;10:274-85. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-274-285

Введение

Начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война повлияла на все сегменты российского общества. Историческое знание, прежде всего исторические журналы, отреагировали наиболее оперативно, активно включившись в формирование образа Германии как врага. Прекрасная иллюстрация развернувшихся коллизий по

поводу особенностей исторического нарратива в условиях военного конфликта – неопубликованная переписка редакторов одного из крупнейших исторических журналов – «Голос минувшего» – С.П. Мельгунова и В.И. Семевского, а также контент самого журнала в 1914–1917 гг.

Цель статьи – показать особенности исторического нарратива журнала «Голос минувшего» в годы Первой мировой войны. Именно данный исследовательский ракурс является новым, хотя издательская политика журнала в целом изучалась в статье С.В. Гаврилова и И.А. Гавриловой [1 с. 196–203]. Раскрывая тему статьи, автор опирается на контент журнала «Голос минувшего» и неопубликованную переписку его редакторов, хранящуюся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

*«Можно ли требовать,
чтобы в кровавом угаре штыковых атак
люди помнили о высших культурных ценностях?..»*

Журнал «Голос минувшего» начал выходить с 1908 г. и позиционировал себя как «внепартийный», как «инструмент влияния на сознание российского общества в предреволюционные годы». Для России того времени это уникальный журнал. Его тематические подразделы были предложены В.И. Семевским: «½ материала отводилась русской истории, ¼ – всеобщей истории, ¼ – истории литературы, а также библиография, хроника и обзоры» [1 с. 198]. Накануне и после вступления России в мировую войну, урапатриотические настроения в исторической журналистике достигли огромной силы. На содержании журнала они отразились слабо, в этом была заслуга В.И. Семевского. Переписка С.П. Мельгунова с В.И. Семевским показывает, что между редакторами не было согласия. Так, С.П. Мельгунов опасался, что из-за военного времени сократится подписка. Он предлагал издать номер, который бы соответствовал моменту, «звучал в унисон теперешним настроениям печати и чувствам общественности» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем С.П. Мельгунова, которая показывает его взгляд на содержание исторического журнала военной поры, оп. 1, д. 104, л. 56], и осветить все «правдиво, насколько позволяет цензура» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... л. 57]; более того, автор призывал избегать академических текстов [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... д. 105, л. 15]. На примере статьи о франко-прусской войне С.П. Мельгунов хотел показать, как немцы вели войны. Он писал: «Несомненно, что сведения о жестокостях преувеличены. Но любопытно, что

эти черты присущи немцам <...> и этому во франко-прусской войне можно найти предостаточно примеров» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... д. 104, л. 57].

В.И. Семевский отказывался расширять раздел всеобщей истории, заявив, что «исторический журнал не может скакать петушком за всеми современными событиями, но до некоторой, небольшой впрочем, степени может с ними считаться. Кое-что из истории Германии, Австрии и их отношений с Россией и Францией дать было бы может и желательно, но как бы потом не оказалось даваемое никчемным с прекращением войны... Я против того, чтобы исторический журнал давал статьи, которые перед лицом общества могли бы оказаться не имеющими никакой ценности с прекращением войны» [1 с. 199].

Мельгунов, наоборот, предлагал как можно скорее напечатать статью о Бисмарке. Он писал: «...очень интересной была бы статья о Бисмарке, как создателе Германской империи» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем...]. Он ориентировался на статьи, которые соответствовали вызовам военного времени, быстро и эффективно формировали образ Германии как врага.

В.И. Семевский как редактор журнала был против поверхностных статей-скороспелок, в которых отсутствовал бы научный анализ событий. Мельгунов настаивал на подготовке статьи «Россия и Германия за последние 40 лет», где можно было бы представить текущий момент на фоне истории дипломатических отношений между обеими странами, и полагал, что такому «знающему человеку, как В.В. (В.В. Водовозов. – *Н. Р.*), легко подобрать материал. «Не беда, что только статья будет компилятивная. Мне бы казалось, что если бы В.В. взялся за нее вплотную, он мог бы приготовить в две-три недели...» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... л. 72]. Причем если статья будет представлена немедленно, то Мельгунов обещал тут же выплатить аванс. Он стремился как можно скорее соединить прошлое с текущим моментом, рассматривая историческое знание как часть интеллектуальной культуры военного времени. Более того, желая как можно скорее откликнуться на запросы военного времени, он предлагал номера за август и сентябрь объединить в одну книгу и посвятить текущим событиям и актуальным историческим темам. Семевский отстаивал иную точку зрения, полагая, что необходимо сохранить определенную научность исторических текстов, публикуемых на страницах журнала, и упрекал коллегу, что тот разрушает журнал. Мельгунов парировал: «Я никогда не предлагал ломать журнал, брат шовинистический тон. К последнему совершенно не склонен» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... л. 41].

В сентябрьском номере 1914 г. С.П. Мельгунов опубликовал статью «Во имя национальной культуры» [2 с. 98–109], в которой размышлял о том, насколько совместимы понятия войны и культуры. Его, как и многих русских интеллектуалов, потряс «тевтонский вандализм», он отказывался верить, что культурные ценности германской нации исчезли в одночасье. Автор так сформулировал актуальную для военного времени проблему: что заставляет нас «терять трезвый взгляд на явления, расширять и обобщать его». «Грубые проявления милитаризма, его осадки начинают закутывать толстой пеленой все то, достойное подражания и хорошее, что мы привыкли годами уважать и ценить. Во имя национальной культуры, во имя защиты от пангерманизма уже почти готовы отказаться от плодов общечеловеческой культуры? Не ошибка ли это?» [2 с. 98–99]. Он полагал, что заполонившие периодические издания рассказы о «тевтонских жестокостях» инспирируются теми, кто развязал войну. С другой стороны, Мельгунов отмечал, что все воюющие страны нарушают положения Гаагской конвенции 1907. Тем самым он оправдывал те изменения, которые должны случиться в историческом нарративе военной поры. Автор полагал, что массивное развитие прогресса не способствует ослаблению жестокости. Мельгунов писал: «В оценку общих задач мировой культуры это вносит, правда, такую бездну отчаяния и чувства безотрадности, что мысль становится в тупик» [2 с. 103]. Как редактор влиятельного исторического журнала С.П. Мельгунов искал выход из этого тупика, прислушиваясь отчасти к мнению коллеги В.И. Семевского.

Характеры в фокусе германизма?

В нескольких номерах журнала за 1914–1915 гг. печаталось сочинение В.Н. Перцева «Политика Гогенцоллернов» [3], которое отличалось взвешенностью и научным анализом. В 1918 г. оно было издано отдельной книгой под названием «Гогенцоллерны», где автор уже полагал, что представители династии Гогенцоллернов имеют отношение «к тому германизму, который в настоящее время (1918 г. – *Н. П.*) является одним из определяющих факторов мирового развития, их личные характеры имеют непосредственное отношение, и при определении генезиса современной Германии их нельзя игнорировать» [4 с. 3]. В.Н. Перцев в 1918 г. явно делал реверанс текущему моменту, но в тексте журнальных публикаций 1914 г. эта линия практически не просматривалась.

В переписке В.И. Семевского и С.П. Мельгунова В.Н. Перцев неоднократно упоминался как историк, который считался знато-

ком истории Германии [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... л. 71, 78; д. 108, л. 48]. Редакторы хотели, чтобы В. Перцев написал о Бисмарке, но он, как вдумчивый историк, представил более широкое историческое полотно.

На страницах журнала В.Н. Перцев анализировал политику Вильгельма I и деятельность Бисмарка, которые в военное время рассматривались, например, А.К. Дживелеговым в контексте происхождения войны, и этим личностям давались очень нелестные характеристики, особенно Бисмарку [5 с. 103]. В. Перцев постарался представить объективные характеристики. Он писал: «Вильгельм I не обладал ни политической прозорливостью, ни даже достаточным пониманием современной ему общественно-политической конъюнктуры, но в его характере были свойства, которые необходимы для монарха страны, стоящей на поворотном пункте своего исторического пути. В политике он был чистым реалистом и хорошим практиком, во всем следовавшим соображениям о пользе и выгоде» [3 с. 58]. В разгар вооруженного конфликта В. Перцев представил довольно взвешенные характеристики Бисмарка. Он писал, что «политика Бисмарка, даже и в разгар его борьбы с прусским народным представительством, не была построена на чистом, беспримесном культе «крови и железа» и не вполне была чужда тех самых идей, которые вдохновляли и деятелей 1848–1849 гг.» [3 с. 70–71]. Историк попытался обрисовать его личность во всем многообразии, избегая распространенных во время войны штампов. Данное сочинение В. Перцева не внесло существенного вклада в формирование образа Германии как врага.

В рецензии на книгу профессора М. Рейснера (Реуса) «Вильгельм II и железная империя», опубликованной на страницах данного журнала в 1914 г., В. Перцев замечал, что эта книга «представляет собой в высокой степени отрицательную характеристику современного состояния германской культуры, германского общества и германской политики. В картине, нарисованной проф. Рейснером нет ни одного светлого тона...» [6 с. 299]. Историк не поддерживал такую интерпретацию германской истории и личности Вильгельма II. Он писал: «Нам кажется, что в огульных осуждениях немецкой культуры надо соблюдать особую осторожность в данный момент, когда эти осуждения так сильно питаются «*ira et studio*» и когда требования научного беспристрастия так часто нарушаются. С этой точки зрения и книга проф. Рейснера, может быть удовлетворяющая настроениям текущего момента, нуждается, однако, в значительных поправках» [6 с. 300–301]. В заключение Перцев с осторожностью резюмировал: «Несмотря на все эти недостатки, книга Рейснера, прочтенная с большим ин-

тересом, даст читателю много ярких картин из жизни современной Германии» [6 с. 301].

Научную взвешенность и относительный иммунитет перед вызовами военного времени сохранял еще один из авторов журнала – В. Фишер. Он был автором статьи «Гёте и воинственная Пруссия» и попытался защитить великого поэта от огульного осуждения из-за его немецкого происхождения. Автор выяснял причины прежней антипатии Пруссии к Гёте, когда в Берлине была настоящая травля Гёте [7 с. 88], и выяснял, почему теперь вдруг он стал всеобщим любимцем [10 с. 89]. Автор тонко подметил, что «пруссский милитаризм – это нечто, с чем Гёте никак мириться не мог, что было совершенно противно его гению» [7 с. 91]. Но пруссаки эпохи Первой мировой войны избавились от антипатии к Гёте, так как «для прусского немца: Гёте – предшественник Бисмарка», что «сделал железом и кровью знаменитый канцлер, до него делал Гёте своей поэзией. Национальные корни его поэзии заставляли немцев сознавать и чувствовать свое единство». По мнению автора, Гёте оказал прусским националистам эту услугу помимо своей воли: он чужд национализму, а «сознавал себя мировым поэтом» [7 с. 91], сочувствовал освободительным войнам 1813–1814 гг., потому что «он предпочитал французское правление немецкому», полагал, что «немецкая культура бы от этого ничего бы не потеряла, а обрела свободу». В. Фишер видел в Гёте прежде всего гуманиста и даже наделял его чертами пацифиста, замечая: «Однако орлиный взор его предусматривал очень далекое будущее. Он предвидел наше время и послал проклятие тому, кто явился причиной мирового кошмара» [7 с. 98].

Исторический нарратив как историческая политика

Конечно, на страницах журнала было немало абсолютно националистических очерков, которые соответствовали вызовам общественной безопасности в ситуации вооруженного конфликта России и Германии. Профессиональное сообщество историков нередко принимало деятельное участие в формировании образа Германии как врага, используя активно эстетический аспект исторической культуры. Под исторической культурой понимается совокупность восприятий, событий, мнений, личностей и явлений прошлого, а также форм их конструирования, фиксации, трансляции, функционирования [8]. Й. Рюзен выделяет три аспекта исторической культуры: эстетический, политический и когнитивный, которые часто действуют параллельно [9].

Эстетический и политический аспекты исторической культуры могут быть проиллюстрированы творчеством военной поры российского литературоведа и искусствоведа Владимира Максимовича Фриче (1870–1929). Он был русским немцем, членом РСДРП, приват-доцентом Московского университета.

Как только началась война, уже второго августа 1914 г. «В. Фриче, – как писал С.П. Мельгунов в письме В.И. Семевскому, – предложил статейку (необходимую) о целом ряде романов, посвященных франко-прусской войне. Я принципиально согласился. Это подходящая для журнала тема» [РГАЛИ, ф. 305: Подборка писем... д. 104, л. 48].

На страницах журнала «Голос минувшего» в годы мировой войны Владимир Фриче опубликовал несколько статей, которые внесли вклад в формирование новой культуры безопасности в России. Он довольно быстро понял свою задачу: приложить максимальные усилия, оперативно формируя образ врага.

В очерке В. Фриче «Идеология германского империализма», опубликованном в декабре 1914 г., представлен анализ книг и романов немецких авторов начала XX в., среди них – сочинения генерала Бернгарди, А. Нимана, Фриды фон Бюлов. В. Фриче не случайно избрал для анализа сочинения, в которых описывались будущие войны Германии, так как их авторы, по его мнению, видели основную задачу современной Германии в подготовке к войне за создание колониальной империи, где главным конкурентом выступала Англия. Ключевая идея сочинений германских авторов: только после победы над Англией немецкий народ сумеет оценить значение флота. «Мы вышли, к счастью, – цитирует В. Фриче А. Нимана, – из полосы ученических лет, за которые дорого заплатили. Ныне мы обязаны удержать то, что имеем, и взять назад, что нами было упущено. Народ отныне будет питать доверие к нашей колониальной политике» [10 с. 36].

Гегемонию Германии в Европе В.М. Фриче воспринимал как страшную опасность. На основе сочинений немецких авторов он представил русскому читателю такой идеал этого господства: «Сильная монархическая власть, опирающаяся главным образом на землевладельческое дворянство (Розеггер), отчасти на крупную буржуазию (Ниман), упраздняющая вековые «права гражданина» (Розеггер), прививающая рабочим вместо классового – национальное самосознание (ген. Бернгарди), в случае надобности подавляющая республиканские и социалистические симпатии пролетариата ружьями померанских стрелков (Розеггер)» [10 с. 48]. Таковы, по мнению В. Фриче, главные ценности германского общества, и такой образ Германии он репрезентировал на страницах журнала.

Как русский немец В.М. Фриче всеми возможными способами дистанцировался от каких-либо симпатий к Германии; более того, он создавал только негативный образ врага России в Первой мировой войне. Еще не случились немецкие погромы 1915 г. в Москве, но русские немцы уже ощущали угрозу [11]. В этих размышлениях Фриче просматриваются также вызовы его партийной принадлежности. Как член РСДРП Фриче отмечал антисоциалистический характер колониальных устремлений Германии и не одобрял формирование немецкой литературой национального сознания.

На страницах журнала «Голос минувшего» В. Фриче опубликовал предлагающуюся С.П. Мельгунову еще в начале августа 1914 г. статью «Немецкие писатели и франко-прусская война». Он, к его чести, не обнаружил полного единодушия немецких писателей в отношении к этой войне, показал их двойственное отношение к побежденным французам Теодора Фонтане, отмечая, что тот «не был противником аннексии Эльзас-Лотарингии, но требовал бережного отношения к завоеванным провинциям» [12 с. 64]. Главными причинами поражения Франции он считал «отсутствие в французском народе идеализма и религиозности и преклонение перед “золотым тельцом”» [12 с. 65]. Т. Фонтане, по мнению Фриче, идеализировал прусское юнкерство, у которого «уцелели старые добрые нравы простоты и трезвости», и оно было чуждо материализму и культуре золотого тельца. Разрушение этих ценностей стало, по мнению Фриче, основой для утверждения культа силы. В этом пассаже ощущается не только русский патриот, но и социал-демократ, который не упускал случая раскритиковать капиталистические ценности.

В. Фриче подчеркивал огромную роль Ф. Ницше в Германии, называл его властителем дум германского общества и отмечал, что тот чуть позже «провозгласит войну величайшим благодеянием, гением-хранителем культуры и человечества» [12 с. 69]. Фриче обильно цитировал немецкого философа: «Только мечтатели и люди прекраснодушные – восклицает он (Ницше. – Н. Р.) – могут утверждать, что человечество создаст все лучшее, только если разучится воевать. В настоящее время у нас нет иного средства, которое может внушить упавочным (matt warden) народам мужественную энергию, свойственную лагерной жизни, глубокую, но безличную ненависть, хладнокровную жажду истребления, совершаемого с чистой совестью, гордое презрение к собственной жизни и жизни близких так хорошо, как это делает война» [12 с. 69]. Фриче не подвергал тексты Ницше глубокому анализу, не приводил ссылки на источники, полагая, что цитирования достаточно, чтобы образ врага обрел четкие очертания. Схематизм, линейность, отсутствие глубокой рефлексии творчества упоминаемых В. Фриче авторов

доказывают, что его нарратив находился в согласии с исторической политикой военной поры, направленной на формирование образа врага.

Откровенно националистический сюжет, опубликованный на страницах журнала, принадлежал перу мало известного сейчас Н. Проферансова. Его название – «Из истории германского национализма». Он посвящен Ф.-Л. Яну, создателю гимнастических обществ в Германии, но в нем речь идет и о Фихте. Оба они, по мнению Н. Проферансова, обосновывали исключительность немецкого народа. Автор цитировал Яна: «Какая народность, спрашивает Ян <...> стоит выше всех других, больше всего приблизилась к человечеству? Только та, которая вместила в себя священное понятие человечества <...> немцы священные народы человечества!» [13 с. 9.] Н. Проферансов полагал, что культ личной силы и презрение к тонкостям культуры и правам индивидуума – то, чем Ян привлекал немецкую молодежь [13 с. 22], и усматривал прямую связь между Яном и последующими течениями германской общественности. С.П. Мельгунов полагал, что во имя национальной культуры, во имя национальной безопасности подобные статьи необходимы. Барьеры, которые призывал выстраивать В.И. Семевский, рушились, и порой схематизм и прямолинейность начинали преобладать в текстах журнала.

Заключение

В условиях спада общественного движения в стране в связи с мировой войной журнал «Голос минувшего» был одним из изданий, которые все-таки сумели стать платформой, консолидировавшей вдумчивых российских историков. Журнал нашел свою информационную нишу, не порвал с научными принципами, вводя в научный оборот многочисленные довольно качественные исторические материалы. Большая заслуга в этом принадлежала В.И. Семевскому.

Позиция журнала была неоднозначной. С.П. Мельгунов часто спешил принимать к публикации статьи, написанные в ракурсе общей исторической политики, которые по-новому определяли нормы, риски и ценности, меняли представления о безопасности. В статьях, посвященных Германии, это проявлялось ярче, чем в ином контенте. Однако «немецкая тема» нередко была представлена на его страницах с сохранением принципов научной объективности и гуманности.

Литература

---

1. *Гаврилов С.В., Гаврилова И.А.* В.И. Семевский versus С.П. Мельгунов: концепция развития «внепартийного журнала «Голос минувшего» в 1913–1916 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). С. 196–203.
2. *Мельгунов С.* Во имя национальной культуры // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 98–109.
3. *Перцев В.Н.* Политика Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 49–74; № 12. С. 81–121; 1915. № 6. С. 58–80.
4. *Перцев В.Н.* Гогенцоллерны. Минск: Харвест, 2003. 304 с.
5. *Ростиславлева Н.В.* Историки России о прошлом Германии: парадоксы научных интерпретаций (1914–1917) // Россия и Германия. Вып. 4. М.: Наука, 2007. С. 102–118.
6. *Перцев В.Н.* Рецензия на книгу профессора М. Рейснера (Реуса) «Вильгельм II и железная империя» // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 299–301.
7. *Фишер В.* Гёте и воинственная Пруссия // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 88–99.
8. *Ретина Л.П.* Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круг, 2006. С. 5–18.
9. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М.: Едиториал УРСС, 2001. С. 8–25.
10. *Фриче В.* Идеология германского империализма // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 33–48.
11. *Гатагова Л.* Хроника бесчинств: Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.
12. *Фриче В.* Немецкие писатели и франко-прусская война // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 55–69.
13. *Проферансов Н.* Из истории германского национализма // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 1–22.

References

---

1. Gavrilo SV., Gavrilova IA. V.I. Semevsky versus S.P. Melgunov: Development concepts of the “nonpartisan” journal “Golos minuvshego” in 1913–1916. *Bulletin. Tomsk State Pedagogical University*, 2016;5:196-203. (In Russ.)
2. Mel'gunov S. In the name of national culture. *Golos minuvshego*. 1914;9:98-109. (In Russ.)
3. Pertsev VN. Hohenzollern politics. *Golos minuvshego*. 1914;11:49-74,1914;12:81-121, 1915;6:58-80. (In Russ.)
4. Pertsev VN. The Hohenzollern. Minsk: Harvest Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)

5. Rostislavleva NV. Russian historians on German past: Paradoxes of scientific interpretations (1914–1917). V: *Russia and Germany*. Iss. 4. Moscow: Nauka Publ., 2007. p. 102-18. (In Russ.)
6. Pertsev VN. Review of the book by Professor M. Reisner (Reus) “William II and the Iron Empire”. *Golos minuvshogo*. 1914;10:299-301. (In Russ.)
7. Fisher V. Goethe and bellicose Prussia. *Golos minuvshogo*. 1915;1:88-99. (In Russ.)
8. Repina LP. Historical Culture as a Subject of the Study. V: *History and Memory: Historical culture of Europe before the Modern Age*. Moscow: Krug” Publ., 2006. p. 5-18. (In Russ.)
9. Ryuzen Y. Loosing the order of history. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Iss. 7. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. p. 8-25. (In Russ.)
10. Friche V. An Ideology of German Imperialism. *Golos minuvshogo*. 1914;12:33-48. (In Russ.)
11. Gatagova L. Chronicle of outrages: German pogroms in Moscow in 1915. *Rodina*. 2002;10:18-23. (In Russ.)
12. Friche V. German Writers and Franco – Prussian War. *Golos minuvshogo*. 1914; 9:55-69. (In Russ.)
13. Proferansov N. From the History of German Nationalism. *Golos minuvshogo*. 1916;10:1-22. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт), Москва, Россия; Россия, г. Москва, 115409, Каширское ш., д. 31; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; National Research Nuclear University “MEPhI” (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe highway, Moscow, 115409, Russia; ranw@mail.ru

УДК 930(437+438)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-286-295

Особенности формирования культурно-национального направления в польской и чешской историографии 1920–1930-х гг.

Елизавета И. Новикова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, leonsia21@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования актуальной проблемы формирования культурно-национального направления в польской и чешской историографии в межвоенный период 1920–1930-х гг. На основе анализа методологических подходов в историографических трудах польских и чешских историков 1920–1930-х гг. автор прослеживает взаимосвязь этих подходов с общественно-политическими реалиями исследуемого периода.

По окончании Первой мировой войны в 1918 г. началась история независимых государств Польши и Чехословакии, что создало благоприятные условия для развития национальной культуры, просвещения и науки. Это время характеризуется большим подъемом интереса к истории, появляются новые научные центры, развивается методология исторической науки.

Актуальность данного исследования заключается в том, что оно раскрывает то, как конкретно-исторические процессы способны повлиять на развитие историографии и исторической науки в целом. Так, развивавшаяся в 1920–1930-е гг. национальная историография Польши и Чехословакии оказала значительное влияние на становление национальной идентичности и формирование определенных умонастроений в обществе. Спустя почти век эти механизмы по-прежнему актуальны.

Ключевые слова: польская историография, чешская историография, культурно-национальное направление историографии, Польша, Чехословакия, позитивизм, марксизм

Для цитирования: Новикова Е.И. Особенности формирования культурно-национального направления в польской и чешской историографии 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10–2 (43). С. 286–295. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-286-295

Features of the Formation of Cultural and National Trends in the Polish and Czech Historiography of the 1920s–1930s

Elizaveta I. Novikova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia, leonsia21@mail.ru*

Abstract. The article presents the study of the problem of the formation of the cultural-national trend in Polish and Czech historiography in the interwar period of 1920–30s.

On the basis of the analysis of methodological approaches in the historiographical works of Polish and Czech historians of the 1920s and 30s, the author traces the interrelation of these approaches with the socio-political realities of the period under study.

After the end of the First World War in 1918, the history of independent states of Poland and Czechoslovakia began, which created favorable conditions for the development of national cultures, education and science. This time is characterized by a great rise in interest in history, new scientific centers are emerging, and the methodology of historical science is developing.

The relevance of this study lies in its revealing how specific historical processes can influence the development of historiography and historical science in general. Thus, the national historiography of Poland and Czechoslovakia that developed in the 1920s–1930s significantly influenced the formation of national identity and the shaping of a certain mentality in society. After almost a century, these mechanisms are still relevant.

Keywords: Polish historiography, Czech historiography, cultural-national direction of historiography, Poland, Czechoslovakia, positivism, Marxism

For citation: Novikova EI. Features of the formation of cultural and national trends in the Polish and Czech historiography of the 1920s–1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10-2(43):286-95. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-286-295

Введение

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для Европы: невиданные доселе человеческие потери, распад четырех огромных империй и череда революций. Все это оказало огромное влияние на умонастроение жителей Европы в целом и научное сообщество в частности. По итогам войны в 1918 г. были образованы независимые государства республики Польша и Чехословакия. Их прежнее

нахождение в составе больших империй накладывало существенный ряд ограничений для развития национальной культуры и науки. С обретением независимости в обоих государствах возникли благоприятные условия для просвещения, формирования национальной культуры и науки.

В межвоенный период появились новые центры исторической науки, были открыты кафедры истории в университетах, архивные школы, возродились исторические общества, была расширена сеть научно-исследовательских и архивных учреждений и т. д. Все это совместно с насыщенным событиями общественно-историческим процессом тех лет создавало много возможностей для исторических исследований, расширения их проблематики и появления новых направлений в исторической науке.

Цель данной статьи – охарактеризовать культурно-национальное направление в польской и чешской историографии 1920–1930-х гг. и выявить факторы, повлиявшие на его формирование.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- обозначить круг историков Польши и Чехословакии, чьи работы относятся к культурно-национальному направлению в историографии;
- выявить новые направления в методологии исследований польских и чешских историков культурно-национального направления;
- проанализировать основополагающие труды польских и чешских историков;
- выделить основные темы, которые волновали польских и чешских историков на этапе становления национальной историографии;
- понять, как новые общественно-политические условия повлияли на развитие польской и чешской историографии 1920–1930-х гг.

Актуальность данного исследования в том, что оно раскрывает, как конкретно-исторические процессы способны повлиять на развитие историографии и исторической науки в целом. Так, развивавшаяся в 1920–1930-е гг. национальная историография Польши и Чехословакии оказала значительное влияние на становление национальной идентичности и формирование определенных умонастроений в обществе. Спустя почти век эти механизмы по-прежнему актуальны.

На сегодняшний день проблематика польской и чешской историографии 1920–1930-х гг. в отечественной историографии не изучена. Стоит отметить коллективный труд «Историография истории южных и западных славян» [1] сотрудников Московского

университета, где подробно освещены разные взгляды историков культурно-национального направления. Однако работа написана более 30 лет назад и на сегодняшний день сильно устарела. Также интересна работа Татьяны Ивановны Мурадовой «Социокультурные аспекты идеологии чешского реализма на рубеже XIX – XX веков» [2], в которой уделяется внимание влиянию чешской политики на формирование национальной историографии.

Становление польской и чешской исторической науки в 1920–1930-х гг.

В 1918 г. в новообразованных республиках Польше и Чехословакии возникли благоприятные условия для развития национальной культуры и науки, прежде находившихся под контролем имперских властей. Начинается развитие исторических исследований и расширение их проблематики.

Новыми культурными центрами исторической науки стали университеты в Варшаве, Познани, Вильно, Люблине, в Чехословакии – Пражский университет, университеты Брно и Братиславы. Здесь сконцентрировалась основная часть ученых, проводились внутренние и международные съезды историков, были образованы исторические общества.

Был открыт доступ в государственные архивы и библиотеки, во многие частные архивы. Учреждаются Польская академия знаний и Чешская академия наук и искусств. Публикуются документы по истории Средневековья и XIX в., сборники Архива министерства внутренних дел по военной и локальной истории.

В межвоенный период в обеих странах издавалось большое количество научных журналов: «Kwartalnik Historyczny» («Исторический кварталник») и «Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение») в Польше и «Český časopis historický» («Чешский исторический журнал») и «Časopis Matice moravské» («Журнал Матицы моравской»), журнал «Český lid» («Чешский народ») в Чехословакии. Выходили специализированные журналы и сборники – «Niepodległość» («Независимость»), «Wojskowy Przegląd Historyczny» («Военно-историческое обозрение»), «Kronika Ruchu Rewolucyjnego» («Хроника революционного движения»), «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych» («Ежегодники социальной и экономической истории») и др. [1 с. 96]. Расширилась проблематика исследований, активнее изучалась Новая и Новейшая история.

*Культурно-национальное направление
в польской историографии в 1920–1930-х гг.*

Первостепенными задачами польской историографии в межвоенный период 1918–1939 гг. стали: необходимость обоснования исторических прав Польши на вошедшие в ее состав в 1918 г. земли и необходимость формирования национальной идентичности. В культурно-национальном направлении польской историографии этого периода можно выделить несколько крупных течений: позитивистское, историко-материалистическое и марксистское.

Среди позитивистов стоит отметить таких историков, как К. Тыменецкий, З. Войцеховский, С. Кутшеба, Ф. Буяк, Я. Рутковский, С. Закшевский, А. Брюкнер, В. Токаж. Все они внесли значительный вклад в развитие польской историографии, однако особо хочется отметить труды Токажа. Вацлав Токаж занимался военной историей, новым для Польши направлением. Его книги о восстаниях 1794 г. и 1830–1831 гг. детально восстанавливают события тех лет. В. Токаж связывал борьбу за независимость с отсутствием необходимых для общества перемен.

10 декабря Хлопицкий отправил в Петербург Любецкого и Езерского, рекомендуя им стараться получить от Николая гарантию того, что конституция будет здесь и там соблюдаться, русские войска не будут присутствовать в Королевстве, что будет объявлена полная амнистия, добавлял, что желанием края является основанное на давних обещаниях Александра присоединение забранных провинций [З с. 65].

Так поляки выступали против нарушения русским царем дарованной им конституции, а также мечтали о возврате восьми воеводств на землях Белоруссии, Литвы и Украины и государственных границах 1772 г.

Виднейшим представителем исторического материализма был Адам Прухник. Он занимался изучением революционных процессов: французская революция, восстания Костюшко; восстания 1863–1864 гг.; изучение роли женщин в польском рабочем движении и новейшей истории Второй Польской республики.

Важнейшей вехой в польской историографии стала книга А. Прухника «Первое пятнадцатилетие независимой Польши» [4]. В книге сделан акцент на политических событиях исследуемого периода. Книга носит антисанационный характер: в ней проводится сопоставление парламентского периода межвоенной истории Польши и военного режима Пилсудского, который автор харак-

теризует как диктатуру, анализируются ошибки демократических сил накануне и во время переворота 1926 г.

А. Прухник отметил: «С момента принятия Конституции законодательный Сейм выполнил главную задачу. Оставался вопрос, как долго он еще будет править. Сейм законодательно с 18 мая 1921 г. продлил свои полномочия и полномочия главы государства до времени установления новой власти, предусмотренной конституцией» [4 с. 115].

Среди историков-марксистов стоит отметить Ю. Мархлевского и Э. Пшибышевского. Они оба некоторое время жили и работали в Советской России, придерживались коммунистических взглядов. Юлиан Мархлевский пытался на основе исторического материала доказать необходимость решения социальных противоречий посредством революции [1 с. 102]. Эугениуш Пшибышевский на основе широкого круга источников создал работы о революционных событиях 1905–1907 гг. и польском восстании 1863–1864 гг., доказывая их актуальность и объективную закономерность.

Несмотря на разность методологических подходов, большинство польских историков отмечало важную роль общественных движений в борьбе за права и становление независимого государства.

Культурно-национальное направление в чехословацкой историографии в 1920–1930-х гг.

В межвоенный период перед чехословацкими историками стояли сходные с их польскими коллегами задачи: доказать историческое право на существование нового независимого государства, официально обозначить его границы на карте, показать историческое прошлое чешской нации. Однако, в отличие от Польши, в Чехии были актуальны и промонархические взгляды, усматривающие будущее чешских и словацких территорий только внутри сильной Австро-Венгерской монархии.

В чехословацкой историографии межвоенного периода можно выделить крупные позитивистское и марксистское направления. В стане позитивистов не было единства, следует обозначить консервативное и либерально-демократическое течения.

Выдающимся представителем консервативного крыла в позитивистской историографии межвоенного периода был Йозеф Пекарж. Он внес серьезную лепту в процесс формирования исторического сознания жителей Чехословакии. В 1927 г. в свет вышел объемный труд Пекаржа «Жижка и его время» [5]. Й. Пекарж провел значительную работу с историческими источниками, применил

различные методы их исторической критики, продолжая следовать лозунгу «Ad fontes!»¹, который активно популяризировал его учитель, известнейший исследователь Ярослав Голл.

В книге о Жижке Й. Пекарж ссылается на работы современных ему чешских историков, таких, например, как Зденек Неедлы, представитель прогрессивного направления в чешской историографии. Это является свидетельством объективного позитивистского подхода Пекаржа в историческом исследовании, когда рассматривается весь комплекс работ по конкретной проблеме. Интересна эволюция взглядов Пекаржа: так, вероятно находясь под влиянием революционных перемен в Европе и мире, Пекарж характеризует действия гуситов как революцию:

Революционное насилие, которое началось с нападения Желивского и Жижки в новоместной ратуше в предпоследний день июня 1419 г., было прямым бунтом против закона божьего, как его понимал Якубек [5 с. 96].

Однако позже в работах Пекаржа движение гуситов предстает как национально-религиозное, порожденное чешско-немецкими противоречиями и борьбой за очищение церкви: «Смысл гуситского движения и его значение в чешской истории Пекарж усматривал в национальном моменте» [1 с. 108].

Ярким представителем либерально-демократического направления в позитивизме был Камиль Крофта, еще один ученик Я. Голла. Крофта был послом Чехословакии в Ватикане и Вене, где имел доступ в архивы и библиотеки, что позволило ему ознакомиться с широким кругом источников и литературы по чешской и словацкой истории. В книге «Жижка и гуситская революция» [6] он вступил в диспут с Пекаржем. Крофта рассматривал все аспекты гуситского движения – от религиозных до антифеодальных, при этом он не видел в Жижке религиозного фанатика и отметил объективность и злободневность социальных процессов:

Спротивление было у нас распространено намного больше и не только между немецкими колонистами, но и среди сельского населения юга, что обозначило учение первых таборитов, которое может существенно отличаться от университетского пражского гусизма, что является показателем того, что крестьяне имели свои причины в этом народном движении [6 с. 86].

¹ К источникам! (*лат.*)

Также Крофта занимался историей словацкого региона, отмечая его неразрывную связь с чешскими землями.

Методологически близкими к марксизму можно назвать исследования Зденека Неедлы. Он был одним из первых членов Коммунистической партии Чехословакии, в 1925 г. инициировал создание «Общества культурного и экономического сближения с Новой Россией», стал его председателем, часто посещал СССР. Он критиковал позитивистов, так как, по его мнению, они уделяли недостаточно внимания современным социальным процессам в борьбе за права. Большое место в научной деятельности Неедлы занимает исследование истории музыки. В 1924 г. выходит его монументальная монография о жизни и творчестве Бедржиха Сметаны, в котором он делает акцент на постижение исторического процесса через историю простого народа. Так, чешский музыковед Антонин Сихра отмечал, что в своей монографии Неедлы не просто представил общий образ, составленный из дат, типичных пражских музыкальных сезонов, или образ сельской местности, а дал картину жизни людей в целом, специальный образ народа во времени и в стране, среди которого жил Сметана [7 с. 18].

Марксистское направление представляли Я. Шверма, К. Конрад, Б. Шмераль. Они выступали с левых позиций, симпатизировали коммунистической идее. Шверма называл Октябрьскую революцию главным фактором создания независимой Чехословакии. Считал, что русская революция пробудила национальное движение во всем мире. Курт Конрад в заметках о гусизме отмечал, что вместо поисков таинственного «смысла национальной истории» надо исследовать «в духе Маркса» реальную жизнь людей, классовую борьбу в прошлом [1 с. 114].

Подводя итог, стоит отметить, что, вне зависимости от методологических принципов историков Чехословакии, все они отмечали важность гуситского движения как этапа национальной истории и объективность его причин. Некоторые из них даже видели в гусизме основы национального самосознания и начало Реформации.

Заключение

В 1920–1930-е гг. происходит складывание культурно-национального направления в польской и чешской историографии. В данной работе была сделана попытка обозначить, как новые общественно-политические условия 1920–1930-х гг. повлияли на выработку историографических подходов к изучению прошлого Польши и Чехословакии.

В статье был очерчен круг историков Польши и Чехословакии, чьи работы относятся к культурно-национальному направлению в историографии. Это направление было очень неоднородно: несмотря на то, что историки находились под влиянием одних и тех же политических событий, они руководствовались в своих исследованиях разными методологиями, и, соответственно, их выводы при анализе одних и тех же исторических фактов существенно различались между собой. В чешской и польской историографии культурно-национального направления 1920–1930-х гг. активно применялись принципы позитивизма, исторического материализма и марксизма.

Большое внимание польские историографы 1920–1930-х гг. уделяли темам, связанным с национальной идентичностью: образование первых государств у западных славян; феодализм и вытекающие из него ослабление государства и потеря независимости; национальная борьба чехов и поляков за независимость и создание своих национальных государств.

Следует отметить, что, несмотря на внешнюю схожесть условий и процессов формирования национальной историографии двух стран, были и существенные различия. Так, чешская историография 1920–1930-х гг. более демократична по своей сути и характеризуется применением различных методов и принятием различных взглядов ученых. Польская же историография данного периода изначально была более консервативна и авторитарна, а после переворота 1926 г. и начала движения санации становится служительницей государства и не приемлет методов и толкований, идущих вразрез с официальной государственной линией. В научных исторических исследованиях встречаются даже откровенно шовинистические высказывания.

Тема статьи представляется весьма актуальной, поскольку складывание культурно-национального направления в польской и чешской историографии было неразрывно связано с общественно-историческими реалиями межвоенного периода. Это было время, когда посредством обращения к прошлому ученые пытались отстоять право государства на независимость, доказать национальную особенность, что существенно влияло на формирование национальной идентичности. Схожие процессы проходят и в наши дни. Так, например, можно провести параллели и сравнить процессы становления национальных историографий Польши и Чехословакии после Первой мировой войны и становления историографий стран ближнего зарубежья после распада СССР.

Литература

---

1. Горина Л.В., Карасев В.Г. Историография истории южных и западных славян. М.: Izdatel'stvo MGU Publ., 1987. 157 с.
2. Мурадова Т.И. Социокультурные аспекты идеологии чешского реализма на рубеже XIX–XX веков [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v/267646/a/?#?page=1> (дата обращения 10.09.2018).
3. Tokarz W. Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831: Z atlasem. Warszawa: Wojskowy instytut naukowo-wydawniczy, 1930. 635 s.
4. Próchnik A. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej: Zarys dziejów politycznych. Wyd. 6. Warszawa: Książka i wiedza, 1957. 493 s.
5. Pekař J. Žižka a jeho doba. D. 2: Jan Zizka. Praha: Vesmir, 1928. 281 s.
6. Krofta K. Žižka a Husitská revoluce. Praha: Laichter, 1936. 184 s.
7. Sychra A. Estetika Zdeňka Nejedlého. Praha: Československý spisovatel, 1956. 87 s.

References

---

1. Gorina LV., Karasev VG. Historiography of History of Southern and Western Slavs. Moscow: Moscow State University Publ., 1987. 157 p. (In Russ.)
2. Muradova TI. Sociocultural aspects of the ideology of Czech realism at the turn of 19th – 20th centuries [Internet]. Abstract of PhD thesis. Moscow, 2008. [data obrashcheniya 10 Sept. 2018]. URL: <http://cheloveknauka.com/v/267646/a/?#?page=1> (In Russ.)
3. Tokarz W. Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831: Z atlasem. Warszawa: Wojskowy instytut naukowo-wydawniczy, 1930. 635 s.
4. Próchnik A. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej: Zarys dziejów politycznych. Wyd. 6. Warszawa: Książka i wiedza, 1957. 493 p.
5. Pekař J. Žižka a jeho doba. D. 2: Jan Zizka. Praha: Vesmir, 1928. 281 p.
6. Krofta K. Žižka a Husitská revoluce. Praha: Laichter, 1936. 184 p.
7. Sychra A. Estetika Zdeňka Nejedlého. Praha: Československý spisovatel, 1956. 87 p.

Информация об авторе

Елизавета И. Новикова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; leonsia21@mail.ru

Information about the author

Elizaveta I. Novikova, postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bld. 84, Vernadsky av., Moscow, Russia, 119571; leonsia21@mail.ru

УДК 329(71)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-296-303

Канадские социал-демократы: нереализованное стремление к власти

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@rggu.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть причины политических неудач канадских социал-демократов в контексте их участия в парламентских выборах в Канаде в 1984, 1988 и 2011 гг.

На материале предвыборных манифестов Новой демократической партии (НДП) автором проведен исторический анализ деятельности НДП во главе с лучшими в ее истории лидерами партии – Э. Бродбентом и Дж. Лейтоном и их стремления к власти в общенациональном масштабе. Автор статьи приходит к выводу о том, что, в отличие от стран Европы, в Канаде социал-демократические идеи не объединяют большую часть электората. Именно этот факт, с точки зрения автора, и определяет феномен общественно-политической жизни Канады на рубеже XX–XXI вв., где социал-демократы с 1961 г. не могут сменить у власти консерваторов и либералов. Автор пытается выделить две глобальные причины неудач НДП в общенациональном масштабе: неправильную стратегию и тактику социал-демократов в ходе избирательных кампаний 1984 и 1988 гг., равно как и излишний консерватизм канадского общества, который все социал-демократические идеи рассматривает как радикальные. Автор останавливается также на отличительной черте канадской внутривнутриполитической жизни – неприятию социал-демократической альтернативы развития на общенациональном, т. е. федеральном, уровне и одновременно – победе НДП на провинциальных выборах в Саскачеване, Манитобе, Британской Колумбии, Онтарио, Альберте в последней трети XX – начале XXI в.

Ключевые слова: новые демократы, Джек Лейтон, Эдвард Бродбент, Канада, консерваторы, либералы, парламентские выборы

Для цитирования: Комаров А.Н. Канадские социал-демократы: нереализованное стремление к власти // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10-2 (43). С. 296–303. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-296-303

Canadian Social Democrats: Unrealized Desire for Power

Andrey N. Komarov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ruslan10@rggu.ru*

Abstract. This article attempts to consider reasons of the political failures of the Canadian Social Democrats in the context of their participation in the parliamentary elections in Canada in 1984, 1988 and 2011.

Based on the material of the election manifestos of the New Democratic Party (NDP), the author attempts to analyze the historical activities of the NDP led by the best leaders of the party in its history – E. Broadbent and J. Layton and their aspirations for power on a national scale. The author comes to the conclusion that, unlike European countries, in Canada, social democratic ideas do not unite most of the electorate. This fact, from the author's point of view, determines the phenomenon of social and political life of Canada at the turn of 20th – 21st centuries, where Social Democrats since 1961, can not replace the Conservatives and the Liberals as well. The author tries to identify two global reasons for the failure of the NDP on a national scale: the wrong strategy and tactics of the Social Democrats during the election campaigns of 1984 and 1988, as well as the excessive conservatism of the Canadian society, which consider social democratic ideas as radical. The author also points to the specific feature of the Canadian domestic political life – the rejection by the Canadian voters of the social democratic alternative of the development at the national (that is the federal) level, and, at the same time, the NDP's victory in the provincial elections in Saskatchewan, Manitoba, British Columbia, Ontario, Alberta at the end of 20th – early 21st centuries.

Keywords: New Democrats, Jack Leighton, Edward Broadbent, Canada, Conservatives, Liberals, parliamentary elections

For citation: Komarov AN. Canadian Social Democrats: Unrealized Desire for Power. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;10-2(43):296-303. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-10-296-303

Введение

В своих ранних статьях я уже отмечал, что в противоположность европейским государствам Новая демократическая партия (НДП) в Канаде, в отличие от Консервативной и Либеральной, в течение многих лет не может выиграть парламентские выборы и прийти к власти в общенациональном масштабе [1 с. 150–151]. Это и опре-

деляет специфику канадской общественно-политической жизни начиная с 1961 г., когда была образована НДП. В то же время новые демократы за последние несколько десятилетий победили на провинциальных выборах в ряде канадских провинций, и в том числе в Саскачеване, Манитобе, Британской Колумбии, Онтарио, Альберте. В чем же состоят основные политические проблемы новых демократов? Как определить данный сложившийся интересный феномен общественно-политического развития Канады? Именно поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать и исследовать два важнейших направления деятельности НДП: с одной стороны, стратегию и тактику при двух лучших ее лидерах – Э. Бродбенте и Дж. Лейтоне, с другой – идеологическую базу партии и ее восприятие канадским электоратом. Вышеупомянутая цель предполагает решение ряда задач, которые состоят в том, чтобы изучить избирательные кампании новых демократов в 1984, 1988 и 2011 гг., исследовать влияние социал-демократизма на канадское общество, изучить выступления Э. Бродбента и Дж. Лейтона, и, наконец, определить причины неудач НДП на общенациональном уровне.

Предполагаемое исследование опирается на источниковую базу, состоящую из предвыборных манифестов новых демократов, а также анализ зарубежной и отечественной историографии по данной проблематике.

Новая Демократическая партия во главе с Э. Бродбентом и ее участие в парламентских выборах 1984 и 1988 гг.

Сформировавшись в качестве партии в 1961 г., новые демократы с самого начала стали позиционировать себя как альтернативу консерваторам и либералам. Своего расцвета НДП достигла при Э. Бродбенте – ее лидере с 1975 по 1989 г. [2].

Набравшись политического опыта в 70-е гг. XX в., Э. Бродбент стал готовить НДП к приходу к власти в общенациональном масштабе. В качестве подходящего политического момента он рассматривал парламентские выборы 1984 и 1988 гг. В то же время если Э. Бродбент вполне мог конкурировать с лидером Либеральной партии и премьер-министром Канады Д. Тернером, в частности опередить его в ходе избирательной кампании, то лидера Прогрессивно-консервативной партии Б. Малруни в ходе предвыборных дебатов 1984 г. обойти не смог. Именно кардинальное обещание Б. Малруни разрешить франко-канадский вопрос, а также его блестящая предвыборная кампания не позволили Э. Бродбенту одержать верх. Справедливая критика новых демократов по социальной

проблематике, направленная против либералов и консерваторов, натолкнулась на харизму Брайана Малруни, ярко выступившего в ходе своей избирательной кампании [3 с. 106–108]. Тем не менее Э. Бродбенту удалось, по итогам парламентских выборов 1984 г., закрепить за собой голоса порядка 20% избирателей [4 с. 20].

В период между двумя парламентскими выборами 1984 и 1988 гг. сложившаяся общественно-политическая конъюнктура давала очень большие политические козыри Э. Бродбенту. Популярность НДП среди электората неожиданно возросла, и социал-демократы претендовали на 41% голосов избирателей [5 с. 46–47]. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, острые политические дебаты, развернувшиеся в канадском обществе по поводу заключения соглашения о свободной торговле с США. Не только новые демократы, но и либералы сомневались в его эффективности, апеллируя к потере Канадой суверенитета [6 с. 174].

Во-вторых, избиратели не доверяли лидеру либералов Д. Тернеру, который, будучи премьер-министром Канады во второй половине 1984 г., зарекомендовал себя отрицательным образом и, кроме того, проиграл в этом же году парламентские выборы.

В-третьих, под давлением общественной критики премьер-министр Б. Малруни вынужден был распустить парламент и назначить новые выборы [7 с. 318–319].

В этих условиях новым демократам во главе с Э. Бродбентом предоставлялся благоприятный шанс для борьбы за власть в общенациональном масштабе. В то же время в ходе избирательной кампании 1988 г. и предвыборных дебатов Э. Бродбент не предложил конструктивной концепции избирателю, сосредоточившись на критике соглашения о свободной торговле. В ходе дебатов на английском и французском языках Э. Бродбент критиковал Прогрессивно-консервативную и Либеральную партии, не предложив ничего принципиально нового взамен их политических программ. Это вызвало разочарование электората, который рассчитывал увидеть в НДП альтернативу либералам и консерваторам. Проиграв в итоге парламентские выборы 1988 г. и заняв третье место, Э. Бродбент испытал сильное разочарование и ушел в отставку в 1989 г.

Успех новых демократов на парламентских выборах 2011 г.

С этого момента для новых демократов наступили очень сложные времена. В НДП сменилось несколько лидеров. Новый лидер НДП с 1989 по 1995 г. Одри Маклаклин принесла новым демократам неудовлетворительный результат на парламентских

выборах 1993 г., когда партия получила лишь 6,88% голосов избирателей и 9 мест в палате общин в сравнении с 20% голосов избирателей и 43 местами в палате общин в 1988 г. [8 с. 161]. Сменившая Одри Маклаклин Алекса Макдоно не сильно улучшила результаты партии на парламентских выборах 1997 и 2000 гг. На парламентских выборах 1997 г. НДП получила 11,05% и 21 место в палате общин [9 с. 80]. На следующих парламентских выборах в 2000 г. новые демократы под руководством А. Макдоно ухудшили свой предыдущий результат и получили 8,51% голосов и 13 мест в палате общин [10 с. 115–117].

После этого необходимость смены лидера партии стала очевидной, и ее новым руководителем с 2003 г. становится Д. Лейтон, с деятельностью которого связан наивысший расцвет НДП за все годы ее существования. Д. Лейтон реанимировал партию после крайне неудачного для нее периода 1990-х гг., и новые демократы стали по-прежнему конкурировать с либералами, консерваторами и Квебекским блоком. Приобретя значительный политический опыт в ходе парламентских выборов 2004, 2006 и 2008 гг., наибольшего успеха Д. Лейтон со своей партией добился в ходе общенациональных выборов 2011 г. Впервые в своей истории партия заняла второе место, получив 31% голосов избирателей и вытеснив на политическую обочину Либеральную партию во главе с М. Игнатьевым [11]. По результатам данных выборов партия стала «официальной оппозицией» Ее Величества. Этому успеху способствовал, безусловно, ряд важнейших обстоятельств: харизма Д. Лейтона, его профессиональное умение контактировать с электоратом, политический непрофессионализм М. Игнатьева, не знающего общеканадских реалий. Важную роль в успехе Д. Лейтона сыграло и его обещание разрешить франко-канадский вопрос. Именно это обещание он неоднократно озвучивал в своих выступлениях перед избирателями Квебека. Впервые за много лет этот вопрос стал частью избирательной кампании лидера НДП. В течение многих лет, после провала Шарлоттанского соглашения в 1992 г., кандидаты в премьер-министры от всех политических партий намеренно обходили стороной этот вопрос в своих предвыборных кампаниях, опасаясь справедливого гнева франко-канадского электората.

К сожалению, НДП не сумела развить свой успех на следующих парламентских выборах 2015 г., заняв только третье место. Смерть Д. Лейтона после тяжелой и продолжительной болезни и, соответственно, смена руководителя НДП, появление на посту лидера Либеральной партии Дж. Трюдо вместо М. Игнатьева – все это способствовало победе Либеральной партии на парламентских выборах 2015 г.

Достигнув отменных результатов на парламентских выборах 1984, 1988 и 2011 гг. при, бесспорно, лучших лидерах в своей истории – Э. Бродбенте и Д. Лейтоне, НДП тем не менее ни разу не смогла прийти к власти в общенациональном масштабе. Безусловно, это несколько не снижает роль НДП, представляющей важное направление в канадской политике. Более того, в последней трети XX – начале XXI в. НДП удалось побывать у власти в отдельных провинциях Канады – Манитобе, Саскачеване, Онтарио, Британской Колумбии. С 2015 г. новые демократы находятся у власти в провинции Альберта.

Второй важной причиной неудач НДП на общенациональном уровне, на взгляд автора, является неприятие социал-демократической идеологии большинством избирателей Канады. В отличие от Великобритании, Франции, Германии и др. европейских государств, в Канаде социал-демократическая альтернатива государственного развития не утвердилась в качестве одной из основных [12 с. 144].

Заключение

С точки зрения автора, нереализованное стремление к власти в общенациональном масштабе канадских новых демократов связано с двумя важными причинами. С одной стороны, это зачастую неправильно выбранная стратегия и тактика НДП, что очевидно на примере избирательной кампании новых демократов в 1988 г. во главе с Э. Бродбентом. Последний, имея прекрасные шансы обойти своих конкурентов – премьер-министра Канады Брайана Малруни, имеющего сложности с имплементацией соглашения о свободной торговле (ФТА), и лидера Либеральной партии Д. Тернера, уже проигравшего предыдущие парламентские выборы 1984 г. и не имевшего большого кредита доверия избирателей, – не воспользовался ими. Увлечшись критикой консерваторов и либералов в ходе предвыборных дебатов 1988 г., а также выглядя усталым и неуверенным в ходе дебатов на французском языке, Э. Бродбент не сумел в полной мере продемонстрировать электорату социал-демократическую альтернативу развития канадского общества. К глубокому сожалению, глобальная первая причина была дополнена печальным внешним обстоятельством – смертью талантливого харизматического лидера НДП Д. Лейтона, добившегося лучшего результата в истории партии. С другой стороны, провал НДП на парламентских выборах в общенациональном масштабе объясняется и излишней осторожностью и консерватизмом избирателей

страны, не рассматривающих новых демократов в качестве основной политической силы эволюции канадского общества и видящих ее исключительно в консерваторах и либералах.

Литература

---

1. *Комаров А.Н.* О влиянии консерватизма, либерализма и социал-демократизма на общественно-политическое развитие Канады // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 11 (20). С. 148–153.
2. *Levitt J.* Fighting Back for Jobs and Justice: Ed Broadbent in Parliament. Ottawa: LLA Publishing, 1996. 350 p.
3. *Wearing J.* Strained relations: Parties and Voters. Toronto: McClelland and Stewart, 1988. 318 p.
4. *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1984. Ottawa: Carleton University Press, 1985. 139 p.
5. *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton University Press, 1989. 171 p.
6. *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. 250 с.
7. *Morton D.* A Short History of Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 1994. 351 p.
8. *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1993. Ottawa: Carleton University Press, 1994. 205 p.
9. *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1997. Toronto, Oxford, Buffalo: Dundurn Press, 1998. 287 p.
10. *Pammet J., Dornan C.* The Canadian General Election of 2000. Toronto, Oxford, Buffalo: Dundurn Press, 2001. 351 p.
11. *Комаров А.Н.* Политические идеологии в Канаде: история и современность (на основе анализа парламентских выборов 2015 г.) // Россия и Канада: экономика, политика, мультикультурализм / Под ред. С.М. Рогова. М.: Весь мир, 2017. С. 98–103.
12. *Комаров А.Н.* Современная партийная система Канады: особенности развития // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10 (31). С. 144–152.

References

---

1. Komarov AN. About the Influence of Conservatism, Liberalism and Social Democracy on the Political Development of Canada. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2016;11:148-53. (In Russ.)

2. Levitt J. Fighting Back for Jobs and Justice: Ed Broadbent in Parliament. Ottawa: LLA Publishing, 1996. 350 p.
3. Wearing J. Strained relations: Parties and Voters. Toronto: McClelland and Stewart, 1988. 318 p.
4. Frizzell A., Pammet JH., Westell A. The Canadian General Election of 1984. Ottawa: Carleton University Press, 1985. 139 p.
5. Frizzell A., Pammet JH., Westell A. The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton University Press, 1989. 171 p.
6. Komarov AN. Canadian Conservatism in the Era of B. Mulroney in 1984–1993. Moscow: RUDN Publ., 2010. 250 p. (In Russ.)
7. Morton D. A Short History of Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 1994. 351 p.
8. Frizzell A., Pammet JH., Westell A. The Canadian General Election of 1993. Ottawa: Carleton University Press, 1994. 205 p.
9. Frizzell A., Pammet JH., Westell A. The Canadian General Election of 1997. Toronto, Oxford, Buffalo: Dundurn Press, 1998. 287 p.
10. Pammet J., Dornan C. The Canadian General Election of 2000. Toronto; Oxford; Buffalo: Dundurn Press, 2001. 351 p.
11. Komarov AN. Political Ideologies in Canada: History and Modernity (Based on the Analysis of the Parliamentary Elections of 2015. V: Rogov SM, ed. *Russia and Canada: Economics, Politics, Multiculturalism*. Moscow: Ves Mir Publ., 2017. p. 98-103. (In Russ.)
12. Komarov AN. Modern Party System in Canada. Features of Development // *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2017;10:144-52. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@rggu.ru

Information about the author

Andrey N. Komarov, Dr in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; ruslan10@rggu.ru

Художник В.В. Сурков

Корректор И.В. Бабкина

*Компьютерная верстка
Н.В. Москвина*

Подписано в печать 31.10. 2019.

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 452

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru